

УЧ(47+57)
РБ24

Н.А. ГОЛУБЕВА

КИРИЛЛ МАЗУРОВ

*О чем молчало
время...*

Сов. секретн
№

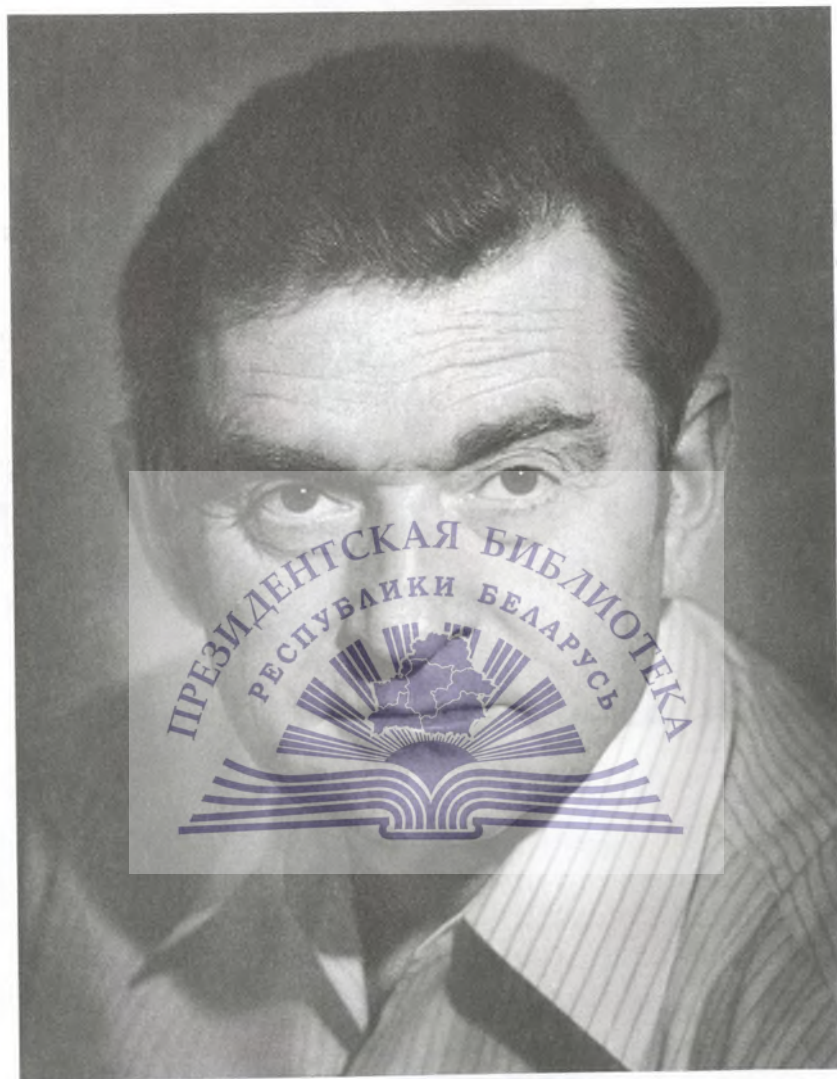
В О Д К А № 312
государственной иностранцами
границу

БЕЛАРУСКАЯ ССР
АДМИНІСТРАЦЫЙНАЯ КАРТА
1984
МАШТАБ 1:1 000 000

УВАЖАЕМЫЙ КИРИЛЛ ТРОФИМОВИЧ = !
ДОРОГОЙ "ВИКТОР" !

Поздравляю Вас со славным 70-летием!
Вся Ваша жизнь - это пример преданности Родине и служения народу.
Вы в моей памяти были и всегда будете человеком большого мужества
и исключительной доброты и личного обаяния, смелости и храбрости.
Ваш успех врага не сломил. Вас. Наоборот, мобилизовав
последнего его уничтожения.
Ван Пинского в Брестского па
Собором можно посл
в нашем ца

АДТРИМАН
Брестского па
Собором можно посл
в нашем ца

Кирилл Трофимович
МАЗУРОВ

Из интервью Кирилла Трофимовича Мазурова газете «Советская Россия», 19 февраля 1989 года.

Вопрос корреспондента: «Скажем, если бы вы получили доступ к каким-то архивам периода своей работы в Политбюро, документам того времени...»

Мазуров: «Если людям, которые прожили все это, дать все материалы, и они бы свой опыт примерили к тому, что творилось по закону или вне закона в стране в целом, был бы правдивый исторический труд».

МАЗУРОВ

94(47+84)
Г621

Н.А. Голубева

КИРИЛЛ МАЗУРОВ

*О чым молчала
время...*

АБ

Минск
«Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі»
2018

УДК 94(476)+(47+57)(092)+929Мазуров
ББК 63.3(4Бел)+63.3(2)
Г62

Научный консультант доктор исторических наук,
профессор МГИМО (Москва) Н.К. Капитонова

В книге использованы фотоматериалы, предоставленные Государственным архивом Российской Федерации, Национальным архивом Республики Беларусь, Национальным историческим архивом Республики Беларусь, семьей Кирилла Трофимовича Мазурова, автором

Выпуск издания осуществлен по заказу и при финансовой поддержке
Министерства информации Республики Беларусь

Голубева, Н.А.

Г62 Кирилл Мазуров. О чем молчало время... / Н.А. Голубева. — Минск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2018. — 416 с. : ил.

ISBN 978-985-11-1052-6

Книга белорусского писателя, кандидата исторических наук Н.А. Голубевой посвящена выдающемуся деятелю белорусской и советской политической истории XX века Кириллу Трофимовичу Мазурову, который внес неоценимый вклад в экономическое, социальное развитие БССР, стоял у истоков смелых реформ в СССР, вошедших в историю как «косыгинские», принимал непосредственное участие в их реализации. Эта книга — попытка на основе широкой исследовательской базы, ранее неизвестных документов, долгие годы хранившихся в архивах под грифом «Совершенно секретно», «Особый сектор», личных дневниковых записей и неоконченных воспоминаний Мазурова переосмыслить время, в которое он жил и работал, по-новому взглянуть на события той эпохи, вокруг которых и сегодня не утихают споры, — «холодная война», Чехословакия, Афганистан... А еще вопреки сложившимся стереотипам о советских лидерах показать, что даже в условиях, исключающих всякую свободу мнений, были люди, которые видели и понимали и перегибы, и ошибки партийного руководства, не боялись во всеуслышание говорить о них, отстаивать иную точку зрения, понять, что же на самом деле происходило в коридорах власти и о чем так долго молчало время?

УДК 94(476)+(47+57)(092)+929Мазуров
ББК 63.3(4Бел)+63.3(2)

ISBN 978-985-11-1052-6

© Голубева Н.А., 2018
© РУП «Выдавецтва
«Беларуская Энцыклапедыя
імя Петруся Броўкі», 2018

Из интервью Кирилла Трофимовича Мазурова газете «Советская Россия», 19 февраля 1989 года.

Вопрос корреспондента: «Скажем, если бы вы получили доступ к каким-то архивам периода своей работы в Политбюро, документам того времени...»

Мазуров: «Если людям, которые прожили все это, дать все материалы, и они бы свой опыт примерили к тому, что творилось по закону или вне закона в стране в целом, был бы правдивый исторический труд».

К большому сожалению, Кириллу Трофимовичу при жизни не удалось создать полноценный исторический труд об эпохе и людях, которые свято верили в идеалы социализма и искренне хотели построить справедливое общество, о тех, с кем довелось работать в очень сложное и противоречивое время. Многие на тот период было просто недоступно. Переосмыслить пережитое Мазуров попытался в своих интервью, выступлениях, в прекрасной книге «Незабываемое», в неоконченных воспоминаниях.

Реализовать планы Кирилла Трофимовича на основе документов, материалов, свидетельств современников, воспоминаний о нем и о том времени пытались те, кто близко знал, любил и был с ним на протяжении всей жизни – его семья, предоставившая уникальные документы из личного архива. Помогли люди, которые работали с Мазуровым долгие годы, и те, кто просто по-человечески уважал этого сильного человека, гордился дружбой с ним, согласившись рассказать о малоизвестных страницах жизни Кирилла Трофимовича, порой неожиданных, но дополняющих наши представления о нем, и те, кто никогда не знал его, но по крупицам собирал материалы, архивные документы, восстанавливая историческую правду. Это сотрудники Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Беларусь и Национального исторического архива Беларуси, Белорусского государственного архива научно-технической документации и Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, Национальной библиотеки Беларуси и Президентской библиотеки Республики Беларусь, Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь. Низкий поклон им и благодарность.

ОТ АВТОРА

В жизни любой страны есть люди, чьи имена, дела и мысли остаются неподвластны времени. И чем дальше оно отдаляет нас от той эпохи, в которой они жили, тем зримее становится их вклад в развитие государства, в решение сложнейших вопросов, во многом изменивших, предопределивших ход истории, важнейших событий. Порой задаешь вопрос: «Что было бы, если бы на переломных этапах развития человечества не появился тот или иной государственный деятель, политик или просто неравнодушный человек, не принял бы иные, отличные от сложившегося представления о путях развития страны, решения; не взял бы на себя ответственность за их выполнение». К таким деятелям относится Кирилл Трофимович Мазуров, незаурядная личность, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Долгие годы биографии лидеров страны укладывались в общепринятые рамки, должны были соответствовать сложившимся канонам, которые допускались в отношении партийных деятелей — сдержанность, лаконичность, что-то опускалось по идеологическим соображениям, что-то не допускалось вообще. Зачастую человеческие качества, смелые, неординарные нравственные поступки, которые шли вразрез с общепринятыми нормами установленной партийной этики, для народа оставались неизвестными. Но в белорусской истории, истории СССР были руководители, которые не просто жили, работали в неоднозначное время. Вышедшие из народа, из самых его «низов», из голодного детства, из социальной среды, которая не сулила никаких особых перспектив простому человеку, они создавали это время.

Александр Червяков, первый руководитель республики, Надежда Грекова, первая и единственная в истории Беларуси женщина — Председатель Верховного Совета БССР, которая в сложнейшее десятилетие, с 1938 по 1949 годы, успешно решала вопросы развития республики, Кирилл Мазуров, Председатель Совета Министров БССР, первый секретарь ЦК КПБ, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, Федор Сурганов, Николай Патолитчев,

Петр Машеров, Тихон Яковлевич Киселев и Кузьма Венедиктович Киселев... Лишенные всяких властных амбиций, они, люди из народа, жили и работали для этого народа, зачастую рискуя не только карьерой, личным благополучием, но и жизнью, были одержимы идеей, работали во имя ее осуществления — построения справедливого общества.

Как показала история, зачастую под справедливыми и привлекательными лозунгами построения социализма создавались политические системы, далекие от этого понятия. Споры о советской модели социализма не утихают и сегодня. Отрадно, что по прошествии десятилетий оценки того периода становятся более трезвыми, с позиции современных реалий. Пожалуй, впервые за более чем 25-летнюю историю суверенитета бывших советских республик сегодня часто можно слышать: «Как было в СССР». Мы вспоминаем дружбу народов, доступность бесплатного высшего и специального образования, авторитет военного и армии, и даже качество продукции связываем с тем временем, когда на этикетках зачастую пишут: «Изготовлено по стандартам СССР». И еще много чего хорошего, когда за дутыми лозунгами о социальной справедливости и процветании, у народа в реальности были и чувство патриотизма, и чувство гордости за свою страну, и готовность ее защищать. Поэтому и Великую Отечественную войну, кровопролитную, страшную, выиграли в первую очередь не силой оружия, а силой духа, силой советской идеологии и убежденности в правом деле, выиграли и сватку с голодом, с разрухой благодаря сильным людям, личностям, которые даже в рамках жестко управляемой системы могли сказать «нет», распорядиться по-хозяйски народным благосостоянием не в угоду личным интересам, а во благо страны, республики.

Я никогда лично не знала Кирилла Трофимовича, но я знала, что в Белоруссии, куда мы в 1960 году переехали по месту службы отца из голодного Калининна, на прилавках магазинов есть продукты, потому что здесь другая политика. Какая? Я, еще ребенок, не понимала, но знала, что это как-то связано с Мазуровым, руководителем республики. Я помню слезы своей матери, слезы радости, когда она как работник тыла, награжденная медалью «За доблестный труд во время войны», впервые в 1980-х получила продуктовый паек как ветеран войны. Гордость, радость, что твой труд на благо победы наконец признан, пусть и через много лет, но он признан, и все понимали, признан благодаря одному человеку — Кириллу Трофимовичу Мазурову, председателю Всесоюзного совета ветеранов войны и труда, который добился, чтобы тех, кто ковал победу в тылу, приравнивали к ветеранам войны.

Великие личности рождаются редко, но они были в совсем недалекой истории, которую называют и периодом застоя, и стагнации, и красного террора. Именно сильным личностям мы очень обязаны, обязаны тем, что страна в самые драматичные периоды не обвалилась, тем, что выжили в очень сложное время, тем, что, защищая интересы страны на территориях других стран, на несколько десятилетий отодвинули от границ СССР «цветные революции» и подарили мирное спокойное время ее населению. К таким личностям относится и Кирилл Мазуров.

Зачастую он действовал вопреки, когда видел несоответствие указаний «сверху» с реальной ситуацией, своими смелыми решениями в середине XX века во многом предопределил дальнейший ход развития БССР, независимой Беларуси. То, что сегодня республика имеет развитый аграрный сектор, промышленность, способную конкурировать на внешних рынках, чтит духовные традиции и память о войне, партизанах и подпольщиках, во многом заслуга Мазурова. Это он в 1950-х не позволил разрушить сельское хозяйство республики, настоял на размещении на ее территории крупных промышленных предприятий и заложил основы развития химической отрасли, обеспечив создание значительного количества рабочих мест и не допустив безработицы, которая грозила захлестнуть республику после возвращения из лагерей тысяч реабилитированных людей, пострадавших от сталинских репрессий. Развитие культуры, науки, уважение к белорусскому языку, строительство современных медицинских и спортивных учреждений, увековечение памяти погибших во время войны и дань уважения живущим, участие в сложнейших международных переговорах в Сирии, Египте, Афганистане, Вьетнаме, Чехословакии, Югославии, многих других странах, где события были «на острие», — это все Кирилл Трофимович Мазуров.

Документы, которые долгие годы были недоступны исследователям и хранились в архивах под грифом «Совершенно секретно», «Особый сектор», личные дневниковые записи, рабочие блокноты, письма позволяют по-новому посмотреть на личность Мазурова, многие события того периода, ответить на вопросы: «Почему? Почему нужно было вводить войска в Чехословакию? Почему для СССР остро стоял вопрос о Югославии, о влиянии в арабском мире, в тихоокеанском регионе? Почему Мазуров? Почему перед принятием важных решений политбюро ЦК КПСС именно ему поручались сложнейшие переговоры с несговорчивыми лидерами проблемных для СССР стран, что на самом деле происходило в коридорах власти и о чем так долго молчало время?» Какие-то документы только сейчас становятся доступны для исследователей, многое еще не рассекречено, о многом мы не узнаем никогда. Одно становится очевидным — вклад Мазурова в сохранение международной стабильности, развитие экономики СССР и Белоруссии велик.

Эта книга — не только об удивительном человеке, но и о советской истории второй половины XX века глазами самого Кирилла Трофимовича Мазурова, который пытался переосмыслить то сложное время в своих интервью, воспоминаниях. На основе ранее неизвестных документов автор тоже предпринял попытку переосмыслить ключевые события советской эпохи, вокруг которых и сегодня не утихают споры, — «холодная война», Чехословакия, Афганистан... А еще, вопреки сложившимся стереотипам о советских лидерах, показать, что даже в условиях, исключаящую всякую свободу мнений, были люди, которые видели и понимали и перегибы, и ошибки партийного руководства, не боялись во всеуслышание говорить о них, отстаивать иную точку зрения. К таким относится и Кирилл Трофимович Мазуров.

СЕНТЯБРЬ 1978 ГОДА. МОСКВА, КРЕМЛЬ

В сентябре 1978 года председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов попросил Брежнева о личной встрече. Леонид Ильич был крайне раздражен. Пришлось прервать охоту в Завидово, отказаться от традиционно по такому случаю ужина. А он обещал быть особенным — повар Александр Глухов собирался удивить кабаньей ножкой, запеченной в печи, косулей на вертеле и белорусской «Зубровкой» с каким-то новым набором трав. Черненко постарался все организовать. Но проигнорировать доклад Андропова он не мог, председатель КГБ важную информацию всегда докладывал лично. Брежнев был раздосадован, поездки в Кремль и без того утомляли. В своем охотничьем дневнике он не без сожаления записал: «15 сентября. Охотился в Завидово, подстрелил 4 утки и кабана». А результат мог бы быть куда лучше, предыдущая запись гласила: «3 июня. Улетел в Завидово — 5 кабанов» (Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи: в 3 томах. Т. 1. Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964—1982 гг. Москва, 2016. С. 887).

Через некоторое время раздражение сменилось негодованием. Брежнев перебирал подготовленные КГБ материалы. Они касались первого заместителя Председателя Совета Министров Мазурова, вернее, количества сообщений о нем, ссылок на его выступления, упоминаний по разным поводам. В принципе, такая информация поступала и раньше. Теперь в материалах был очередной секретный доклад ЦРУ, в котором заокеанские «товарищи» пытались расставлять кадры в советском руководстве, в обойме перспективных отмечался Мазуров. Андропов подготовил на него объемное досье: когда все свели по годам, оказалось, что за первым заместителем Председателя Совета Министров наблюдали давно, практически сразу после избрания на этот пост.

Газета «Крисчен сайенс монитор» («Christian Science Monitor»), 4 октября 1965 года, автор Поль Воля, заголовок большими буквами и на первой странице: «Мазуров делает большой шаг вверх по лестнице советской иерархии». И далее. «Одной из ярких новых черт является подъем первого заместителя премьера Кирилла Т. Мазурова, бывшего первого секретаря Белоруссии», еще одна цитата: «Вместо премьера Алексея Н. Косыгина, который, будучи главой правительства, обычно должен был выступать на Верховном Совете, доклад по экономическим реформам, рекомендуемым Центральным Комитетом, был представлен Мазуровым».

Без внимания не могло остаться то, что интерес к личности Мазурова явно возрос после событий в Чехословакии.

Ноябрь 1968 года. «Журналь де Женев» («Le Journal de Genève») — «Мазуров отметил правильность действий пяти социалистических стран в Чехословакии», газета «Сюисс» («Suisse») — «Мазуров выделил политику «наведения мостов», о Чехословакии, о советско-американских отношениях, о положении на Ближнем Востоке».

«Особо секретная», радиоперехват, Би-би-си, 10 ноября 1968 года, 19.45. «О докладе К.Т. Мазурова» (автор Гольдберг): «Выступление Мазурова дало некоторое представление о проблемах, которые тревожат советских руководителей, и об их отношении к этим проблемам. Мазуров обвинил во всем так называемых империалистов, которые якобы пользуются политикой наведения мостов для скрытой контрреволюционной деятельности».

Радиоперехват, «Газетт де Лозанн» («La Gazette de Lausanne») — «Мазуров говорит: «Политика наведения мостов равнозначна подрывной политике», заявление дублировали «Нойе цюрхер цайтунг», Швейцарское телеграфное агентство...

Представленные материалы свидетельствовали: с годами внимание к личности Мазурова не только не ослабевало, но и возрастало. Подборка сообщений из папки **«Сов. Секретно»** только подтверждала это.

«СВОДКА № 312. Информации, переданные иностранными корреспондентами за границу в отношении Мазурова, 1972—1978 гг.»: Кэтлин «Рейтер», Смит «Нью-Йорк таймс», Йоска «Коррьере делья сера», Крепо «Ассошиэйтед Пресс», Диллон «Франс Пресс». Все они упоминали о первом заместителе Председателя Совета Министров по разным поводам: «Мазуров заявил..., Мазуров отметил..., экономика, животноводство, нормализация отношений с Каиром, с Китаем..., о Западной Германии...» Но одна фраза в «Коррьере делья сера» окончательно вывела генсека из себя. По поводу очередного доклада Мазурова говорилось: «...шесть тысяч присутствующих в зале заплодировали стоя, следуя примеру Брежнева и других руководителей». Мазурова не просто сравнили с первым человеком в партийной иерархии, а поставили рядом, а возможно и на его место.

О чем говорили Брежнев и Андропов во время встречи в Кремле, свидетельств история не сохранила. Обо всех сообщениях в отношении членов ЦК Брежневу докладывали и раньше, но это были отдельные эпизоды, которые шли в связке с отчетами в целом об оценках событий в СССР. Когда же свели все воедино, получилась картина не очень приятная — о Мазурове говорили достаточно много и с вполне конкретными намеками: его видели в числе тех, кто мог претендовать на ключевые посты в государстве. Чем закончился конфиденциальный разговор председателя КГБ с Брежневым, тоже неизвестно. Очевидным оставался тот факт, что было принято решение вынести вопрос о товарище Мазурове на рассмотрение очередного пленума ЦК КПСС, который намечен на ноябрь 1978 года. После обсуждения в Секретариате такой вопрос в повестку пленума включили — «О тов. Мазурове Кирилле Трофимовиче — первом заместителе Председателя Совета Министров СССР».

Что собирались обсуждать на пленуме с такой повесткой? Напомнить Мазурову о партийной этике? Или о состоянии здоровья, которое, возможно, пришло время поправить? Но ему всего 64. Для руководителя такого уровня

совсем немного, он энергичен, деятелен и в его плохое самочувствие вряд ли кто-то поверит. Но почему у стареющих лидеров СССР конца 1970-х годов Мазуров вызывал такое раздражение? Какие кремлевские тайны хранило время? И какой путь пришлось пройти самому Кириллу Трофимовичу Мазурову, чтобы взойти на политический Олимп?

ГОД РОЖДЕНИЯ 1914. ГОМЕЛЬСКИЙ УЕЗД МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В начале 1914 года на западных землях Российской империи, как и по всей стране, ощущалось приближение войны. Газеты сообщали о военных действиях на Балканах, в Европе, о многочисленных добровольцах из России, которые отправлялись спасать ее от кайзеровской Германии, развязавшей кровавый конфликт. Он грозил перекинуться и на территорию империи. Много писали о патриотизме, о том, что война не страшна России и, если она случится, все как один встанут на ее защиту. Повсюду распевали ставший популярным марш «Прощание славянки», его специально написали в 1912-м для русских добровольцев, уходивших на Балканскую войну.

В семье Ивана Лавреновича Мазурова, где под одной крышей жило 16 душ, тоже ощущалась тревога, хотя домочадцы и старались жить повседневными заботами. Он, как и все взрослые в доме, был грамотным, любил читать, особенно философские сочинения. Больше всего нравился Лев Толстой, даже внешне Иван Лавренович старался походить на него — носил такую же длинную рубаху, подпоясанную шнурком, шаровары, заправленные в сапоги, и обязательно шляпу. Теперь же старался регулярно читать газеты, где все больше писали о войне, не сходила эта тема и со страниц иллюстрированного журнала «Нива», который выписывали регулярно. В семье трое сыновей Родион, Антон и Сергей по возрасту подлежали мобилизации, а еще Никита, дочь Марина, их нужно поднимать, у старшего Трофима вот-вот должен родиться шестой ребенок. Родители решили: если будет мальчик, назовут Кириллом.

Принято считать, что он появился на свет 25 марта 1914 года. Позже, уже после установления советской власти и принятия Декрета Совета Народных Комиссаров «О введении в Российской республике западноевропейского календаря», дата его рождения значилась 7 апреля 1914 года. Новый Декрет, как говорилось в нем, «призван был способствовать установлению в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени». Еще с 1582 года в Европе юлианский календарь в соответствии с рекомендациями астрономов был заменен на григорианский, российский же оставался неизменным и в начале XX века отличался от календарей цивилизованных государств на 13 дней.

Но о дате рождения Кирилла Трофимовича Мазурова споры не утихали долгие годы, как и о происхождении, национальности, вероисповедании. В Национальном историческом архиве Беларуси удалось найти уникальный документ — Метрическую книгу Могилевской духовной консистории Прибытковского уезда родившихся в 1913—1914 годы. В томе № 1 есть запись о рождении Мазурова — 23 марта 1914 года, а также о крещении — 29 марта. И далее информация о родителях — Трофиме Ивановиче и Агафье Акимовне: православные, белорусы, из крестьян.

Всего через несколько месяцев после рождения Кирилла, в августе 1914 года, началась Первая мировая война. Жизнь небольшой деревни Рудня-Прибытковская, где не одно столетие проживали Мазуровы, изменилась, повсеместно шла мобилизация людей призывного возраста в армию. В начале войны мобилизовали Родиона, Антона и Сергея Мазуровых.

Небольшая деревня Рудня-Прибытковская всего в 10 километрах от Гомеля. В письменных источниках она известна с XVIII века и упоминалась по поводу расположенного там рудника, где добывалось железо для местных нужд. Вспоминались и жители деревни Прибытки, жившие здесь еще со времен Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой — государственных образований XIII — XVIII столетий, которые существовали на белорусских землях до их вхождения в состав Российской империи. Они организовали этот рудник и основали рядом небольшое поселение. Об этом мы узнаем из Ревизии территорий, присоединенных к России после 1-го раздела Речи Посполитой в 1772 году. Деревня оказалась в составе Российской империи, насчитывала в 1773 году 18 дворов и стала называться Рудня-Прибытковская. Ее владельцами в разные годы были известные в России фамилии — в 1811 году деревня входила в состав гомельского поместья фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского, в 1834 году — владений фельдмаршала князя Ивана Федоровича Паскевича.

Рудник работал исправно, население увеличивалось. В 1811 году в Рудне-Прибытковской насчитывался 71 житель мужского пола, в 1834 году было 22 двора и 178 жителей, в 1897 году, согласно всероссийской переписи, — 74 двора и 623 жителя, расширились и производства. В начале XX века здесь работали мельница и сукновальня, был, как тогда называли, хлебозапасный магазин и, согласно той же переписи 1897 года, трактир.

Бытует мнение, что Мазуровы пришли на эти земли с Урала еще в конце XVII века. Связано это было с церковной реформой в России в первой половине века. Такое понятие, как «истинная вера», которое существовало ранее, о чем свидетельствуют документы Московского государства периода правления Ивана Грозного, заменялось понятием «православная вера», или «русская вера», изменялись и некоторые церковные обряды. Униатство же в московских документах того периода стали именовать «белорусской верой». Реформа расколола общество на тех, кто поддержал изменения, и тех, кто их не принял. Таких стали называть староверами. К ним относились и Мазуровы. Против сторонников «истинной веры» начались гонения, многие семьи, спасаясь от преследований, бежали в Речь Посполитую. Она еще слыла «царством веротерпимости», здесь было принято самое на тот момент лояльное законодательство в отношении представителей разных вероисповеданий, все религиозные конфессии, существовавшие в государстве, — католики, православные, униаты, иудеи, мусульмане — имели одинаковые права.

Эти земли не знали инквизиции, которая свирепствовала в Европе, здесь не было гонений по религиозному признаку. Староверы, или, как их стали называть на белорусских землях более уважительно, старообрядцы, основали два крупных центра — вокруг городов Браслав и Видзы на Двине и вокруг Ветки, на территории современной Гомельской области. В 1690 году специальная комиссия во главе с Антоном Потеем, воеводой трокским, была направлена в Ветку для ознакомления с поселениями старообрядцев — слободами. Исследование проводилось по четырем направлениям: о родопроисхождении, о вере, о жизни, о количестве. Комиссия пришла к выводу, что они не создают угрозы для государства, и король Речи Посполитой Ян III Собеский в 1691 году позволил им свободно жить на этих землях.

Старообрядцы считались добрыми и трудолюбивыми хозяевами, стремились к грамоте, организовали в Ветке в традициях своей веры школу иконописи, книжной графики и орнамента, которая сразу приобрела известность — в оформлении широко использовался растительный орнамент, в заставках и буквицах — изображения животных, птиц и насекомых, богатая цветовая гамма. Вскоре Ветка приобрела статус религиозного центра старообрядчества, сюда стремились все выдающиеся мастера. Особенности стиля воплотились и в оформлении жилища. Дом украшался резьбой по дереву, которая так и называлась — ветковская резьба. Именно в таких традициях был оформлен и фасад дома Мазуровых — резные ставни, наличники на окнах с орнаментом из цветов и растений, замкнутый тип двора с сараем под общей крышей, клеть, навес, баня — типичное подворье старообрядцев.

Были ли Мазуровы действительно таковыми, свидетельств история не сохранила. Мы можем только предполагать это по косвенным признакам, воспоминаниям представителей старшего поколения Мазуровых. Они рассказывали, что их предки в конце XVII века поселились недалеко от Гомеля, ближе к руднику, где добывали железо и где была работа. Близость к городу тоже позволяла мастерскому человеку найти заработок. Земли в Рудне-Прибытковской в основном песчаные, и прокормиться только за счет хозяйства было

сложно. Мазуровы осели на этих землях, ассимилировались. То, что это так, подтверждают документы. В Национальном историческом архиве Беларуси упоминание о Мазуровых удалось найти в дошедших до нас и чудом сохранившихся Метрических книгах Могилевской духовной консистории. Оно относится к первой четверти XIX века, там они уже значатся как православные и крестьяне. И проживали уже в Белорусской губернии. Она была образована в соответствии с Указом Екатерины II от 12 декабря 1796 года «... в связи с объединением Могилевского и Полоцкого наместничеств в единую Белорусскую губернию».

Она была единственной в России, которую создали по национальному принципу, белорусов здесь проживало большинство, сохранялась эта тенденция и к началу XX века. По переписи 1897 года белорусское население в Гомельском уезде Могилевской губернии составляло 166 471 человек, или 71%, евреев проживало 32 363 человека, или 14,4%, русских — 21 723 человека (9,7%), поляков — 2 301 человек (1%). При крещении Кирилла Трофимовича его крестный Иван Мазуров записан белорусом, как и другие члены его семьи.

Время, революционные веяния и события конца XIX — начала XX века повлияли на мировоззрение некогда пришедших на белорусские земли старообрядцев, многие отошли от веры, увлеклись новыми прогрессивными идеями, но духовные традиции сохраняли неизменно. Это было трудолюбие, добжелательность, стремление к грамоте, наукам.

В своей книге «Незабываемое» Кирилл Трофимович так писал об отце: «Он был незаурядной личностью, один из тех, способности которых в силу социальных условий не могли полностью проявиться. Трофим Иванович не верил в бога, не пил спиртного, не выносил сквернословия и пошлости. Люди к нему тянулись, приходили за советом, делились своими бедами. В семье у нас не было ссор. Отец никого из детей не наказывал, даже не ругал. Взглянет, бывало, на провинившегося укоризненно — достаточно, каждый из нас готов был сквозь землю провалиться. Окончив церковноприходскую школу, отец постоянно занимался самообразованием, регулярно читал газеты. После революции заинтересовался работами Ленина. Ему помогал разбираться в политике дядя Родион, который окончил двухклассное городское училище и возвратился с войны большевиком. Отец слыл мастером на все руки. Умел ставить срубы, накрывать крышу, класть русские печи, чинить инвентарь. Дома всегда что-то делал, выполнял заказы односельчан».

О своей матери Кирилл Трофимович вспоминал с особой теплотой. Агафья Акимовна была простой, очень доброй женщиной. В той же книге он писал: «После изнурительной работы в поле постоянно хлопотала по хозяйству и вечно заботилась о нас, детях, да еще о нищих и обездоленных, которых в ту пору много бродило по деревням».

Эти черты передались и Кириллу Трофимовичу. *«Не могу вспомнить такого случая, чтобы он когда-то кричал, повышал голос, воспитывал, ругал... Такого не было. Он и с коллегами, и в семье был приблизительно одинаков. Нам достаточно было того, что он мог посмотреть с укоризной на тебя, и ты по-*

нимал, что не прав...», — так характеризовала отца дочь Елена Кирилловна (Из интервью к фильму «Кирилл Мазуров. Непокорный белорус»). Выдержка, уважительное отношение к людям, внутренняя культура — те черты, которые были характерны и для его стиля работы, независимо от должностей, которые он занимал в разные годы.

Считалось, что основной заработок семье приносил все-таки город и заказы сельчан что-то построить, отремонтировать, а огород, приусадебный участок всегда были хорошим подспорьем для семьи. Как свидетельствуют воспоминания односельчан-старожилов, которые удалось записать спустя десятилетия во время работы над фильмом к 100-летию Кирилла Трофимовича, Мазуровы до Первой мировой войны были крепкими хозяйственниками. Труд нескольких поколений имел вполне конкретные результаты. В своих воспоминаниях Кирилл Трофимович не писал об этом. Время революционных волнений, первых лет советской власти было сложным. Люди мастеровые, труженики, сумевшие организовать свое хозяйство так, чтобы не бедствовать, вполне могли попасть в число зажиточных, или кулаков. Как поступали с такими, из истории хорошо известно.

Сведения о большой семье Мазуровых дополнили односельчане — Валерий Баранов, баба Шура, как она назвала себя, Нина Чупранова, Геннадий Хархасов, а Евгения Мисякова особо подчеркивала: «Не стану кривить душой, люди они были башковитые, работящие, все своим трудом добывали, своим горбом и потом. Трофим Иванович сделал круподерню. Были у него две лошади. Кони шли тихонько, колесо кружило и крупу драли. И рядом гумно имелось. Там была сделана каменная банька. Вот они ее нагоят, а вокруг поставят снопы жита, пшеницы, чтобы сушились. Высушат, а потом цепами обмолачивают. Сумел он и мельницу ветряную построить. У смекалестого и раторопного Трофима все имелось!»

А еще гордостью был вишневый сад, выращенный тоже не одним поколением Мазуровых.

Геннадий Хархасов, чей родственник дружил с Кириллом Трофимовичем, вспоминал: «У Мазуровых был вишневый сад, один такой на всю деревню. Мы, ребяшня, лазили туда. Нарвем картуз вишен, а если нас поймают — картуз отберут, нотацию прочитают, но имущество наше всегда возвращали под обязательство, что мы больше не будем ломать вишни. Особенно за нас заступалась мать Кирилла. Агафья Акимовна, которую все называли Ганна, говорила мужу: «Не обижай малых, отдай им картузы, иначе им влетит дома от родителей». После этих слов нарвет нам картуз вишен и выправит домой со словами: «Больше не лязь!» («Советская Белоруссия», 11 ноября 2011 г.).

Но мирную жизнь изменила война. Во время Первой мировой и Гражданской войн Гомель фактически стал прифронтовым городом. Здесь не только проходил водораздел между Востоком и Западом, но и находился важный железнодорожный узел, фронтовые мастерские, 8 госпиталей. Им пытались овладеть все воюющие стороны — войска кайзеровской Германии, Польши, петлюровцы, деникинцы, Красная Армия.

Все эти армии проходили через Рудню-Прибытковскую. Для младшего же поколения Мазуровых наблюдать за странного вида людьми было своего рода забавой. Кирилл Трофимович вспоминал: «Мне едва исполнилось четыре года, когда весной 1918 в Рудню пришли немцы — усатые, красные, толстые физиономии в касках с шишаками. Мать плакала. Она запиховала детишек в погреб, а мы не хотели залезать туда и все глазели на невиданных пришельцев».

В декабре 1918 года Гомелем овладели войска так называемой Украинской Народной Республики. Город и прилегающие населенные пункты включили в состав Украинской державы, где оказалась и деревня Рудня-Прибытковская. С приходом Красной Армии это образование свое существование прекратило. 1 января 1919 года была образована Советская Социалистическая Республика Белоруссия, тогда же в Рудню вошел кавалерийский полк Красной Армии, на Гомельщине была установлена советская власть, образована Гомельская губерния. Но вошла она не в состав ССРБ, а РСФСР, несмотря на преобладание белорусского населения.

Времена смуты обескровили белорусские селения, и без того не совсем плодородные земли были изранены войной. Глава семьи Иван Лавренович пытался найти решение, как накормить семью, нужно было выживать, каждый визит в Рудню очередных представителей очередной армии заканчивался, как правило, изъятием с подворья скотины, продовольствия. Как вспоминал Кирилл Трофимович, «немцы, первым делом, выволокли из сарая свинью и тут же во дворе ее освежевали. Мать плакала».

На Гомельщине, как и по всей стране, свирепствовал голод, вызванный войной, разрухой. Кирилл Трофимович вспоминал: «Хлеб мать пекла пополам с мякиной. Жмыхи, которые доставали на маслозаводе, считались деликатесом. Мать из них и муки готовила похлебку — «кулагу», после употребления которой все страдали животами. Не было соли и керосина. Дом освещала обычно коптилка со шнурком, пропитанным салом».

В таких условиях надежды выжить связывались с землей. Мазуровым, как и всем жителям деревни, прирезали по 6 десятин. На селе шла конфискация помещичьих угодий. О принципах ведения хозяйства Иван Лавренович представление имел. В начале XX столетия тема преобразования сельского хозяйства была, пожалуй, одной из самых обсуждаемых в России — осуществлялась масштабная реформа, которая проводилась премьер-министром Петром Столыпиным и получила название столыпинской. Во многом она опиралась на принципы ведения сельского хозяйства, предложенные белорусским землевладельцем Эдвардом Войниловичем, представителем древнего шляхетского рода. Он возглавлял Минское сельскохозяйственное общество и не устал повторять, что предотвратить революцию может только земельная реформа. Она предполагала передачу земли в собственность землевладельцу, переселение крестьян в малонаселенные юго-восточные районы Западного края. Это позволило бы решить вопрос скученности и малоземелья в центральных районах, а еще кредиты, работа с банками, советы по агротехнике на песчаных землях.

Обнадеживали и планы нового, уже советского, руководства, в том числе и белорусского. Хотя и входила Гомельская губерния в состав РСФСР, люди продолжали жить, как и раньше, следить за всеми событиями на своих исконных землях. В Рудне обсуждали выступление председателя ЦИК Белоруссии Александра Червякова на собрании ответственных тружеников Беларуси 8 июля 1919 года в Минске, где он заявил: «Беларусь находится на переходном этапе от России к Западной Европе. В Европе капиталистическое хозяйство, которого нет в России, но есть в Беларуси».

Обсуждали и реформы на селе, предложенные наркомом земледелия Белоруссии Дмитрием Прищеповым. Был он выходцем из Могилевской губернии, а значит, своим, и ему верили. Прищепов выдвинул, казалось бы, странный лозунг: «Беларусь — Красная Дания. Беларусь в развитии сельского хозяйства должна идти по пути Дании и обязана стать Данией на Востоке». Но когда разобрались, убедились, что все реально. Дания — это страна, в которой, как и в Белоруссии, преобладали мелкие частные хозяйства. Воплощение в жизнь этого лозунга означало не только свободу выбора землепользования, но и поддержку крестьянских хозяйств через льготы, предоставление кредитов. И в Белоруссии план наркома земледелия стали реализовывать — крестьянам в качестве кредитов выделили сначала 142 тысячи рублей, а через год уже более 3 миллионов. Это дало свои результаты. Люди стали расширять хозяйства, переселяться на хутора, решалась очень сложная проблема для Белоруссии — перенаселенность на селе.

В семье Мазуровых все эти нововведения обсуждали, в процесс реализации их на личном подворье были вовлечены и дети, трудились все. То сложное время Кирилл Трофимович попытался переосмыслить уже в конце жизни с позиции не только прожитых лет, но и опыта руководителя сначала республики, а затем первого заместителя Председателя Совета Министров СССР в новой книге, рукопись которой готовил к изданию. К большому сожалению, закончить ее так и не удалось, он ушел из жизни, оставив бесценные воспоминания.

Они свидетельствуют не только о том, как пришлось пережить все эксперименты на селе, но и дать оценку каждому из них. *«Поначалу прудразверстка (обязательная сдача государству установленной нормы продуктов по установленной государственной цене — примечание автора) отнимала большую часть выращенного зерна. Жили впроголодь. После введения продналога в 1921 году стало жить легче (натуральный четко фиксированный налог на продовольствие — примечание автора). Но наш надел малоплодородной земли не мог прокормить, и поэтому отец подраядился исподу обрабатывать землю вдовы Яндовской, «тюрихи» по-уличному. Она получила землю на общих основаниях, но вела праздный образ жизни — ее взрослые дети были чиновниками, жили в городе, неплохо устроились и при Советской власти. Отец и мои старшие братья гнули спину, работая на кулачку до конца двадцатых годов. Это была кабала, которой отец стыдился»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 6).

Но почему такое не пресекалось новой властью, которая продекларировала отмену всякой эксплуатации. В апреле 1922 года ЦК КП(б)Б, Президиум ЦИК

Белоруссии приняли постановление «О вольном выборе форм землепользования». Оно должно было урегулировать наиболее спорные вопросы в земельной политике. Статья 4 гласила: «Государство устанавливает свободу форм землепользования (хуторского, общественного, участкового, смешанного) и тем самым дает возможность крестьянину проявить свою инициативу», статья 9 — «Тем хозяйствам, которые временно разорились, предоставляется право аренды. Арендовать можно столько земли, сколько можно вместе со своим наделом убрать своим личным трудом». А статья 10 и вовсе не согласовывалась с лозунгами пролетарской революции: «Предоставляется право пользования наемным трудом без особых формальностей и ограничений, но с условием: пользоваться наемным трудом могут только те, у кого все работники трудоспособные члены семьи и работают на хозяйство». Под эту марку и батраков нанимали, и люди продолжали батрачить из-за того, что ситуация была просто безвыходной.

С раннего детства Кирилл Трофимович понимал, как важна для крестьянина земля, как важна для него поддержка государства, и чем все заканчивается, когда у сельского человека это отнимают. Смелые реформы со стороны белорусского правительства захлебнулись быстро. Александра Червякова, Дмитрия Прищепова обвинили в попустительстве кулакам, нарком земледелия впоследствии был репрессирован и умер в тюрьме, руководитель белорусского правительства покончил жизнь самоубийством.

Приостановить реформы на своем земельном наделе пришлось и Мазуровым. В Рудне, как и по всей стране, создавались колхозы. *«На первом же собрании большинство крестьян сразу записались в артель. Правда, по поводу обобществления имущества во многих семьях разгорались драмы. Мать — не без того плакала, ждала корову, но потом успокоилась. Тем более что через некоторое время колхозникам разрешили иметь коров в личном хозяйстве, и она упросила отдать ей телку — приплод от нашей Красули»,* — вспоминал Кирилл Трофимович в книге «Незабываемое».

Односельчане, Евгения Мисякова выдвигали другую версию: «Не исключая, что с ними Советы могли по квитаться во время коллективизации. Земля, сад, круподерня, мельница, всякая живность при дворе. Кулак! Но, повторюсь, смекалистым был он (Трофим) человеком, нос по ветру держал. Учувя, что пахнет бедой, перед коллективизацией мельницу продал Агееву, богатому человеку. Круподерню в совхоз отдал, но она редко работала, местные специалисты все никак не могли наладить ее и звали на помощь Трофима».

Как бы там ни было, коллективную форму собственности Мазуровы приняли. Нужно было учиться жить уже в новых условиях и в новой стране. Никогда не ставил ее под сомнение и сам Кирилл Трофимович, но, будучи уже руководителем республики, работая в правительстве СССР, всегда возвращался в мыслях к детским воспоминаниям, задавался вопросом: «Каким путем могла бы пойти республика, если бы были реализованы смелые планы тогдашнего руководства». При этом Кирилл Трофимович в решении вопросов сельского хозяйства не уставал повторять, что частник страну не накормит, и, вспоминая труд своей семьи, подчеркивал, что себя, да, может, но не государство. Для этого нужны крупные сельскохозяйственные предприятия, комплексы. Но не

уставал повторять и то, что на земле должен быть хозяин, нельзя крестьянина лишать земли, хозяйства. Все споры, несогласие по вопросам развития села с руководством страны — в далеком будущем.

Тогда же, в начале 1920-х, а точнее в 1922 году, Кирилл Трофимовича отправили в Гомель на учебу в железнодорожную школу, куда он поступил сразу во второй класс — знания, полученные дома, позволяли. К ним он стремился с раннего детства, как вспоминал сам, учиться ему нравилось. В своей неоконченной книге Кирилл Трофимович приводит немало забавных случаев, как приходилось добывать эти знания: *«Мои старшие братья и сестры, обучаясь в начальной школе, заучивали вслух стихотворения и рассказы, а я улавливал все на слух и запоминал даже раньше их. Пятилетним я уже читал наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других поэтов. В доме устраивались представления, на которых наши домашние и соседи слушали мою декламацию и потешались над произношением».*

Источником пополнения знаний были и модные в начале века романы на любовную тему, и про разбойников. *«Иногда отец и брат привозили из города иллюстрированные журналы и книжки, их еще называли «книжки-копейки», например, о романтическом разбойнике Антоне Кречете (в дореволюционное время такие книжки выпускались целыми сериями), о невероятных захватывающих подвигах на фронтах Первой мировой войны казака Кузьмы Крючкова».*

Кирилл Трофимович хорошо читал уже с пяти лет, это занятие ему очень нравилось, но так как в доме книг было мало, грамоту постигал «по учебникам старших братьев и хрестоматии по литературе, которая каким-то образом оказалась дома». Поэтому неслучайно, что в Гомеле его определили в школу сразу во второй класс. Там он получил прозвище «мудрый», мог ответить на самые сложные вопросы учителя, нередко были случаи, когда отвечал по домашним заданиям даже за весь класс.

ПЕРВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Связь с селом обрывалась, начинался путь в самостоятельную жизнь. Но связь с родными у Кирилла Трофимовича не обрывалась никогда. Где бы он ни был, какую бы должность ни занимал, всегда помнил о своих близких, помогал им даже тогда, когда все стали уже самостоятельными. *«Перебирая записи Кирилла Трофимовича, все больше и больше поражаюсь его любовью к родным, отношением к отцу, матери, — вспоминала его супруга Янина Станиславовна уже после ухода Мазурова. — Это было у него на протяжении всей жизни, включая нашу совместную 45-летнюю. Порой я обижалась на него, что слишком много уделял внимания им, когда у его родных уже были свои семьи, в то время, когда наша с ним семья состояла из 8 человек. Это не означало, что он хотел устроить их на выгодную и более оплачиваемую работу — они работали, как умели, но честно. Главное — он всегда помогал им материально».*

Воспоминания же о раннем детстве сохранились на всю жизнь. Праздником было, когда взрослые брали в ночное. *«Обычно после трудового летнего дня крестьяне, у кого были лошади, снаряжали своих сыновей или подряжали соседских парней уводить лошадей на дальние пастбища и лесные поляны, чтобы они к утренним работам были сыты. Как правило, сколачивались группы по десятку лошадей и по пять-шесть человек при них. И каждая стремилась захватить лучший участок выпаса. Поэтому мы обычно неслись на конях вскачь. Я любил эти скачки и никогда не был отстающим. Правда, случалось, падал с коня — ведь скакали без седел. Охрана коней должна быть бдительной, в то время конокрадство было распространенным. По ночам бодрствовали, но молодые парни часто засыпали, иногда соседи по ночному устраивали различные каверзы. Например, тихонько уводили одну-две лошади в лес и привязывали где-нибудь в густых зарослях. Проснувшись, сторожа обнаруживали пропажу, в расстроенных чувствах бросались искать и не находили. И когда уже все было безнадежно, ведь крестьянин, потеряв коня, становился бедняком, виновники этого розыгрыша приводили «украденных» лошадей»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 10).

Выбор поехать учиться в Гомель был не случайным, и не только потому, что село тогда не сулило каких-то особых перспектив, а люди стремились в город. В начале XX века железнодорожный транспорт, инженерное дело — быстро развивающаяся отрасль, получить специальность железнодорожника становилось престижным. К тому же с железной дорогой были связаны многие члены семьи Мазуровых, которые работали в Гомеле. В городе для Мазурова все было поначалу непривычно.

Здесь, как он вспоминал, пришлось испытать на себе еще один советский эксперимент — НЭП, новую экономическую политику. *«Проживая в городе, я воочию познал изнанку НЭПа, когда наблюдал разъезжающих по городу на извозчиках-лихачах шикарно разодетых мужчин и дам, когда ходил, облизываясь, мимо входных дверей ресторанов, откуда неслись запахи, вызывающие головокружение, глазел на витрины магазинов, где было все, но оно было недоступно таким, как я. Нередко, проходя мимо отеля «Савой», я видел, как мальчишки вроде меня кланялись нэпманам, чтобы те позволили им поднести к извозчицей пролетке чемодан и получить за это чаевые. Я не позволял себе этого — считал позором. Но нередко в свободное от учебы время ходил на товарный двор на выгрузку вагонов, а иногда помогал носильщикам на вокзале, за что получал честно заработанные гривенники»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 6).

Люди по-разному относились к НЭПу, в том числе и в семье Мазуровых. Его родной дядя Никита возмущался засильем нэпманов и кулаков, отец и его брат Родион аргументированно доказывали, что это умная и продуманная Ленинским политика, что только так можно поднять страну и спасти от разрухи. *«У меня нет оснований приукрашивать НЭП, я видел его изнанку. Такими же «неудачниками» в годы НЭПа, как я, были почти все мои сверстники, люди моего поколения. Оставшиеся в деревне нередко шли в батраки к зажиточным крестьянам, которые в годы НЭПа становились кулаками»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 7).

Учеба Кириллу Трофимовичу всегда давалась легко, но больше всего привлекала возможность во время занятий по трудовому обучению работать в вагонном депо подсобником, праздником были дни, когда позволяли, как он потом сам вспоминал, «послесарить». Родным домом во время учебы в Гомеле для него стала семья брата его отца дяди Родиона. Родион Мазуров работал на Гомельском паровозоремонтном заводе и считался лучшим специалистом по тормозам Вестингауза. Их применение в паровозостроении в конце XIX века стало настоящей революцией. Американский инженер Джордж Вестингауз изобрел новый надежный метод торможения с использованием воздуха, а новая система стала так и называться — «воздушные тормоза». Их сразу начали использовать в России, а обслуживали самые лучшие специалисты, к которым относился и Родион Мазуров. Его часто привлекали и на другие сложные работы, где нужны были хорошие инженерные навыки.

Кирилл вместе с ним много времени проводил на заводе и очень гордился таким уважительным отношением к дяде Родиону, его семье. Поэтому сомнений, какую специальность избрать в будущем, не было. К моменту окончания железнодорожной школы-восьмилетки выбор пал на только что открывшийся в Гомеле автодорожный техникум, на дорожное отделение. И он тоже был не случайным. В стране индустриализация, потребность в развитии транспортной системы колоссальная, в том числе железных дорог, мостов, которых не хватало.

Годы учебы в техникуме Кирилл Трофимович всегда вспоминал с теплотой, и не только потому, что его сокурсниками стали ученики из железнодорожной школы, с которыми связывала дружба. Время для молодежи было интерес-

ным — комсомольские собрания, вечера и походы, диспуты о смысле жизни, встречи с интересными людьми.

Настоящим откровением для Мазурова тогда стало знакомство с белорусской литературой, незабываемые встречи с известными белорусскими поэтами, прозаиками. После вхождения в 1926 году Гомельского и Речицкого уездов Гомельской губернии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики они были частыми гостями в этом регионе. На присоединенных территориях с преобладающим белорусским населением практически заново познавали и свою белорусскую литературу, и свой национальный язык.

В одном из сохранившихся блокнотов Кирилла Трофимовича, куда он записывал самые яркие воспоминания, есть такие строки: *«Все это в те тридцатые годы было для нас гомельчан необычно. Язык белорусский в школе не изучал, и, естественно, не изучал белорусскую литературу. Потом пришла любовь к этому родному языку. Я обратился к истокам, читал о Скорине, увлекался стихами Максима Богдановича, Алоизы Пашкевич и другими классиками. Особенно запомнились встречи в Гомеле в клубе железнодорожников с Михаилом Чаротом, который читал свои «Босыя на вогнішчы», многими не признанное стихотворение. Встречи с белорусскими писателями юности Янкой Купалой, знакомство с его «Могілою льва», «Курганом», Якубом Коласом и его произведениями «Дзядька ў Вільні», «В полесской глуши», Кузьмой Чорным. Любил читать басни Кондрата Крапіва».*

В записях Кирилла Трофимовича середины 1980-х годов есть такая, казалось бы, сентиментальная фраза о том периоде: *«Нынешним молодым людям, может быть, трудно представить, с каким интересом мы, дети рабочих и крестьян, окунувшись в необычную для нас интеллигентскую среду и с каким рвением овладевали учебными дисциплинами, приобщались к культуре. Большинство таких, как мы, до революции не могли и мечтать стать руководителями производства — инженерами и техниками. Советская власть предоставила нам все возможности для постижения науки и культуры».*

Споры об Октябрьской революции не утихают уже столетие — глобальная катастрофа, новый этап в развитии человечества, кровавый переворот... И каждая версия имеет право на существование, опирается на вполне конкретные аргументы. Но каким бы ни был противоречивым и жестоким XX век, постоянно ловишь себя на мысли: «Что было бы, если бы не революция?» Мы никогда не узнали бы многих имен выдающихся людей — выходцев из простого народа, с самых его низов, которые внесли вклад в развитие науки, экономики, обороноспособности страны, мировой культуры. Вряд ли мы бы говорили сегодня о генеральном конструкторе Королеве или конструкторе самолетов, знаменитых «сушек», Сухом, о целой плеяде полководцев, о Жукове, Малинине, Коневе, о создателе оружия Калашникове, о великом музыканте Ростроповиче и оперной диве Вишневской, об Александровской, Станюте и многих других. Именно революция при всей ее жестокости способствовала тому, чтобы в активную жизнь влились миллионы простых людей, которые проявили свои способности, раскрыли таланты, потому что для этого были созданы социальные условия.

НАЧАЛО ТРУДОВОГО ПУТИ

В апреле 1933 года Кирилл Трофимович Мазуров, выпускник автомобильно-дорожного техникума, направлялся по распределению к своему первому месту работы — в Паричский районный дорожный отдел. Немного был расстроен — мечтал работать на большой стройке, а ехать пришлось в сельскохозяйственный район. Но все равно был полон желания работать по своей специальности. Тогда Мазуров и представить не мог, как круто изменится его жизнь, что все сложится совсем не так, как, казалось, было предопределено временем и событиями.

Из документов ЦК КП(б)Б 1930-х годов под грифом «Особый сектор».

В Национальном архиве Республики Беларусь (Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7155. Л. 145—148), Минском областном архиве сохранились документы, проливающие свет на драматические события начала 1930-х годов в Белоруссии.

Из рапорта ГПУ при СНК БССР на имя секретаря ЦК КП(б)Б Николая Гикало по поводу забьего хлебного бунта в Борисове. «Совершенно секретно».

«7 апреля 1932 года, когда стало известно о сокращении продпайки до 100 граммов на человека и снятии с довольствия детей, женщины стали громить магазины, перехватывать милиции с хлебом, скандировали «Голодные просят хлеба!», «Защитайте рабочих, им не дают хлеба!», «Дайте хлеба детям и возможность учиться». Бунт поддержали красноармейцы и местная власть».

О бунте в 50-тысячном Борисове в Секретно-политический отдел ОГПУ СССР сообщал и заместитель полномочного представителя ОГПУ по БССР Дукельский. В докладной записке он писал: «7-го апреля, как в самом городе, так и в пригороде Ново-Борисов последовали массовые выступления преимущественно женщин, в результате чего была разгромлена хлебная лавка и захвачен хлеб из двух повозок, следовавших к хлебным магазинам».

Сохранились в Национальном архиве Республики Беларусь, областных архивах и донесения в адрес руководителей республики с мест. Узденский район, Ушачский: «Многие колхозники уже теперь не имеют хлеба и питаются разными суррогатами». До нас дошла только незначительная часть подобного рода документов, но и они свидетельствуют о настоящей драме в начале 1930-х в Белоруссии. В них отмечались «упадочное настроение колхозников и паника, просьбы к разным лицам забрать у них детей и спасти их от голодной смерти». Переход от частной к коллективной форме собственности на селе, неуро-

жай 1932 года сделали свое дело — в России, в Украине разразился страшный голод, не обошел стороной он и республику.

В 1933 году била тревогу и Гомельщина, которая граничила с Украиной. Там ситуация складывалась и вовсе драматично. Сохранилась докладная записка заместителя полномочного представителя ОГПУ по БССР Шарова в Секретно-политический отдел ОГПУ СССР «О продовольственных затруднениях и эмиграционных настроениях в Житковичском и Туровском районах БССР. Совершенно секретно».

В Житковичском районе, согласно докладной записке, в тяжелом положении находились 33 колхоза, или около 4,5 тысячи человек. Отмечалось возрастание эмиграционных настроений на почве переживаемых продовольственных затруднений: «...если в 1933 г. было предотвращено погранохраной нелегальных уходов в Польшу по Житковичскому и Туровскому районам 61 человека (прорвалось из населенных пунктов, непосредственно прилегающих к госгранице, — 47 человек), то за один только I квартал 1934 г. предотвращено погранохраной попыток к уходу за кордон 41 человека (прорвалось 15 человек), а всего 56 чел. Из числа пытавшихся уйти в Польшу и прорвавшихся: одиночников, бедняков и середняков — 75 процентов, колхозников — 10 процентов, служащих — 1,7 процентов и кулаков — 8,9 процентов».

В другой записке на имя первого секретаря ЦК КП(б) Н.Ф. Гикало полномочный представитель ОГПУ по БССР Шаров сообщал: «В связи с отсутствием продовольствия весной 1933 г. потребления хлеба из урожая 1933 г. началось еще с уборки авансами. В результате большинство колхозников съели свой хлеб еще до окончательного распределения по трудодням — до 1 февраля 1934 г., а одиночники, примерно 75%, остались без продовольственного хлеба еще до января мес. 1934 г., начали съедать свои семенные фонды, и к началу сева у большинства не оказалось семян. На почве недоедания — опухоли и заболевания, особенно среди одиночников. Резкое сокращение поголовья скота. Скот убивается для употребления в пищу и падает от истощения за отсутствием кормов».

Правда о ситуации с продовольствием скрывалась тщательно, показатели с мест занижались, все учреждения и ведомства четко выполняли приказ из Москвы не обнародовать никаких цифр, кроме официальных данных Госплана СССР. О чем свидетельствует ответная телеграмма секретаря ЦК КП(б) Гикало на телеграмму Сталина о положении с продовольствием в немецких национальных сельсоветах и колхозах с немецким населением от 24 ноября 1934 г. (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7155. Л. 85—88).

Правду о реальных потерях мы вряд ли когда-нибудь узнаем, до нас дошли лишь обрывочные сведения, касаются они отдельных регионов, но и по ним можно судить о масштабах трагедии. Только в Наровлянском районе в 1932—1933 годах от голода умерли около 1000 человек (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7155. Л. 145—148). О трагедии узнаем из письма секретаря Наровлянского РК КП(б) Б Казачонка секретарю ЦК КП(б) Н.Ф. Гикало о голоде в немецких сельсоветах Наровлянского района от 15 мая 1934 г. (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7580. Л. 1).

Что касается Борисова, согласно докладной записке ОГПУ, 54 участника бунта (из них трое детей) планировали арестовать. По неофициальным данным, собранным исследователями этой проблемы на основании воспоминаний очевидцев, в ночь с 9 на 10 апреля были арестованы 1400 человек, 1200 из них получили по 8—10 лет концлагерей, 200 были расстреляны.

Пресса сообщала об успехах пятилетки, недостатки и упущения в сельском хозяйстве связывались с плохо поставленной разъяснительной и политико-агитационной работой среди населения. Кирилл Мазуров по прибытии в Паричский район направили... на комсомольскую работу. Разговор с секретарем райкома комсомола Львом Кучером оказался не из легких. Потребности в дорожниках, оказывается, в районе не было, ничего не строилось, а отдел, куда направили Мазурова, осуществлял лишь контроль за уже существующими мостами и дорогами. А вот грамотных и политически подкованных молодых людей не хватало, и особенно на селе. Все возражения, документы о распределении на работу в дорожный отдел не принимались. Аргументы руководства были предельно просты — приехал в район, а где использовать молодого специалиста, решать райкому. Не подчиниться партийной дисциплине Мазуров не мог. Местом его работы стала отдаленная деревня Кобыльщина, должность — секретарь комсомольской ячейки.

Закрытость информации о том периоде, табу на всякие комментарии сказались и на воспоминаниях Кирилла Трофимовича — они очень обтекаемые, и лишь некоторые описания событий, воспроизведенных много лет спустя и зафиксированных в его записях, дают представление о том, что тогда пришлось пережить только вступающему в трудовую жизнь Мазурову. *«Прошедший 1932 год оказался в Белоруссии урожайным. Районы Полесья изрядно подсушило, весна же 1933 года началась проливными дождями. Низкие поля среди болот стояли в воде. Задерживался сев. Самые неприятные опасения, к сожалению, подтвердились в последующем. Засеять удалось не более половины, но и то, что выросло, не везде удалось собрать. Дожди шли до самых морозов. Это была большая беда для всей республики».*

Или о том, как все это сказалось на жизни людей. *«Люди жили впроголодь. Сократилось поголовье скота. Недавно созданные сельхозартели получили тяжелый удар. У многих крестьян поколебалась вера в коллективное ведение хозяйства».* И эту веру нужно было возвращать молодому секретарю комсомольской ячейки. Но как это сделать и удалось ли? В Национальном архиве Республики Беларусь, Государственном архиве общественных объединений Гомельской области за 1925—1933 годы сохранились уникальные документы о деятельности комсомола того периода. Десятилетия они хранили неизвестную информацию о работе Мазурова на посту комсомольского вожака. Из отчетов комсомольской ячейки деревни Кобыльщина становится ясно, что жизнь молодежи изменилась. Несмотря на трудности, молодые люди оставались работать на селе, среди них было 14 комсомольцев. Начали регулярно проводиться комсомольские собрания, молодежь обсуждала проблемы страны и своего колхоза, ругала бригадиров, строила планы, и связаны они были с учебой — все мечтали стать трактористами, и ребята, и девушки. Каждое время рождает

свою моду на профессию — с развитием авиации молодежь стремилась в летчики, химии — в химики-технологи, космонавтики — в космонавты. Тогда же тракторист — специальность престижная, повсеместно строились МТС (машинно-тракторные станции), нужны были квалифицированные кадры, уважение к которым на селе особое.

«Много стали уделять внимания и культурно-массовой работе, на отсутствие которой жаловалась молодежь, — вспоминал впоследствии Кирилл Трофимович. Голод и усталость как рукой снимало на танцах и комсомольских посиделках, когда выпускали все вместе стенгазету или готовили очередное мероприятие». Современному молодому человеку и стиль протоколов комсомольских собраний может показаться каким-то наивным, и проблемы, которые волновали молодежь, такими обыденными для нашего времени. Тогда же они были злободневными, с их решения начинался путь к тем завоеваниям, которые через много десятилетий стали нормой жизни.

Перелистывая пожелтевшие страницы протоколов комсомольских собраний, многие из которых были написаны на папиросной бумаге и едва читаются, поражаешься, насколько был высок патриотизм и желание построить социализм во всем мире. Несмотря на голод, лишения драматичных 1930-х годов, на комсомольских собраниях принимались решения о помощи китайским комсомольцам, международным ячейкам молодежи, утверждались размеры денежной помощи от каждого района, в частности Смоленской области.

Но авторитет завоевывался не только на собраниях, а личным примером. Этот стиль прочно вошел в жизнь уже Мазурова-руководителя — чтобы люди тебе доверяли, нужно доверять им, быть вместе с ними, жить их проблемами. *«Часто приходилось работать в поле вместе с колхозниками. Это повышало авторитет. К осени я стал уже своим человеком в деревне».* Вместе с ее жителями разделил Мазуров и страшный голод, не требовал к себе особого отношения — ему как секретарю комсомольской ячейки полагались продуктовые карточки. Жил как все. Об этой стороне жизни Кирилл Трофимович позже тоже вспоминал деликатно: *«Тэкля Никифоровна, одинокая старушка, к которой меня определили на постой, заботилась обо мне, готовила еду, которая состояла в основном из щавельной похлебки. В ту весну, да и летом, повсеместно люди жили впроголодь».* Более откровенно об этом периоде потом вспоминали односельчане: *«В 1933 году пришел голод, так отец опух и умер от голода. Хлеба не было ни грамма. Я помню, мне уже 9 лет было, а этот голод запомнил бы и трехлетний ребенок. Людей очень много умерло. Пухли сильно... Пустой щавель ели. Картофли гнилые по полю собирали, толкли да ладки пекли...»*

Эту драму Мазуров пережил вместе с народом, выжил, и не просто выжил, а выполнил сложную задачу, которую поставило перед ним руководство района, — сохранить у людей веру в советское государство и колхозный строй, пусть и на небольшой по меркам огромной страны территории.

Оценивая ситуацию с позиции прожитых лет, Кирилл Трофимович в своих неоконченных воспоминаниях называл причины, которые, по его мнению,

привели к катастрофе на селе: «...было нарушено указание Ленина о том, что кооперирование деревни надо проводить постепенно, по мере роста механизации сельскохозяйственного производства и обязательно на добровольных началах. Партия же взяла курс на ускоренное проведение коллективизации. При этом были допущены администрирование и произвол, когда сопротивляющихся объединению в колхозы крестьян-середняков нередко объявляли кулаками и конфисковывали их имущество, а самих высылали. Колхозы в первые годы являли собой хозяйства, когда были соединены те же отсталые средства производства, а крестьянин был оторван от земли и от конечного результата своего труда. Вместо роста сельхозпроизводства уровень его снизился» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 19).

Тогда же, как вспоминал Кирилл Трофимович, «мы были романтиками, мы строили светлое будущее не только для себя, мы мечтали о мировой революции, о светлом будущем для всего человечества» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 18). И судя по тому авторитету, который был у Мазурова, несмотря на молодость, он делал успехи на этом поприще. Вскоре его перевели в Комаринский район, где он два года трудился уже начальником дорожного отдела, но высокая должность не мешала ему вместе с комсомольским активом продолжать работать на селе, участвовать в посевной, в заготовке трав — борьба с голодом продолжалась.

С 1 января 1935 года в СССР отменили карточную систему на хлеб. За «организацию голода в стране» были расстреляны 10 руководителей Наркомзема СССР. Пережитое стало тем печальным опытом, который уже в 1950-х в бытность работы Мазурова Председателем Совета Министров БССР, первым секретарем ЦК КПБ укрепил уверенность в необходимости очень осторожного отношения к реформам в сельском хозяйстве. В феврале 1935 года Мазурова неожиданно вызвали в Минск в Главное дорожное управление.

МОСКВА, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 20 ФЕВРАЛЯ 1935 ГОДА

Здесь находилось общежитие метростроителей. В Москве велись работы по строительству метро — принципиально нового для СССР вида транспорта. Население столицы быстро увеличивалось, она становилась крупным научным, деловым, культурным центром, расширялись и ее границы, традиционный транспорт — автобус, троллейбус, такси — с перевозкой 4-миллионного на тот период населения уже не справлялся. Подземка призвана была решить эту проблему. Опыта работы на таких объектах в Советском Союзе не было. Специалистов на постоянной традиционную стройку века собирали по всей стране, отбирали самых лучших. В числе белорусской группы был и Кирилл Мазуров. Ему оказывалось не просто доверие. Участие в строительстве метрополитена открывало серьезные перспективы в профессиональном плане — более престижной работы в СССР на тот период не было. Спустя десятилетия о Кирилле Мазурове будут говорить, вспоминать как об очень талантливом партийном руководителе. Но судя по тому, как начиналась его профессиональная карьера, Мазуров мог бы стать не менее талантливым специалистом в инженерно-строительной отрасли, если бы судьба не внесла коррективы. Объект, на котором работал Мазуров, — Киевский радиус и станция «Библиотека имени Ленина».

Как все происходило, Кирилл Трофимович вспоминал так: *«По существу, осваивали туннельные работы, их проектирование и исполнение. Совершенствовались в применении геодезических и других инструментов. Но в порядке приобретения практики приходилось работать и с отбойным молотком, и у подъемных механизмов».*

Мазуров был в числе первых в СССР, кто методом проб и ошибок осваивал новое перспективное направление в развитии транспортной системы, был и в числе тех, кто понимал важность метростроительства. Этот опыт пригодился потом, когда СССР осуществлял реализацию масштабных проектов: строительство БАМа, возведение крупных мостов в Белоруссии, Минского метро. Через много лет, будучи уже первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, он активно содействовал началу его строительства в белорусской столице. 4 февраля 1977 года Совет Министров СССР одобрил план возведения первой линии Минского метрополитена. И этим решением Мазуров всегда очень гордился. Через семь лет, в канун 40-й годовщины освобождения

Минска от немецко-фашистских захватчиков, 30 июня 1984 года метрополитен был торжественно открыт. По воспоминаниям очевидцев этого события: *«Люди плакали от счастья — настолько грандиозное это было событие! И катались в метро до глубокой ночи».*

А тогда, в 1935-м, все только начиналось. Насколько быстро велись эти работы, можно судить по датам. В конце ноября 1931 года в Московском горкоме партии был представлен проект метрополитена, утверждена и первая очередь: от Сокольников до будущего места строительства Дворца Советов и от Смоленского рынка до библиотеки имени Ленина. 10 декабря 1931 года во дворе дома № 13а по Русаковской улице около Сокольников вынули первый грунт. А уже 15 мая 1935 года состоялось открытие первой линии Московского метро, которая заканчивалась станцией «Библиотека имени Ленина». Участником этого поистине грандиозного события был и Кирилл Мазуров.

Но всего этого могло и не быть. В аппарате Московской городской железной дороги шли аресты сотрудников, проектировщиков метрополитена обвиняли в разбазаривании народных денег. Под сомнение ставился и сам проект, возможность в результате его реализации преодолеть транспортный кризис, от которого буквально задыхалась столица. С 1 января 1931 года был закрыт отдел, разрабатывающий документацию московской подземки и регулирующий функционирование транспортной системы Москвы. Но уже через неделю, 6 января 1931 года, столица встала в транспортном коллапсе. Его и по сей день считают самым страшным в истории Москвы: не работали ни трамваи, ни автобусы, ни извозчики, ни такси. Пришлось слепно все возвращать на свои места. В 1935 году метро в столице начало функционировать, но аресты по всей стране продолжались, репрессии набирали обороты.

Мазуров, молодежь, работавшая на возведении подземки, были далеки от этих проблем. *«Жизнь в Москве и работа на строительстве метро была для меня сплошным праздником. Работа в коллективе молодых, жизнерадостных людей под руководством высококвалифицированных специалистов, общение с молодыми метростроителями в общежитии, во время экскурсий в музеи, при посещении театров, на собраниях и слетах была и школой жизни. Я видел и торжества москвичей, когда 15 мая 1935 г. была торжественно открыта линия метро, слушал ораторов на митинге, в том числе и московских руководителей, возмечивавших Сталина. Непререкаемым авторитетом для метростроителей было и имя Лазаря Кагановича, который считался шефом Метростроя. Его прославляли не меньше Сталина».* Тогда молодой Мазуров и представить не мог, что совсем скоро сам столкнется со всемогущим наркомом путей сообщения, и это будет уже вовсе не восторг, а скорее непонимание, за что и почему.

Тогда же — интересная работа, знакомство с культурной жизнью столицы. *«Экскурсии в Кремль, Третьяковку, в другие музеи, на заводы. Они проходили как праздники. Побывал в Большом театре, где слушал «Князя Игоря» и смотрел «Лебединое озеро». В общем, приобщался к самой высокой культуре».* Жизнь в Москве, попасть в которую предел мечтаний любого советского чело-

века в те годы, была наполнена событиями, воспоминания о которых остались на всю жизнь.

Много лет спустя, уже в период перестройки, переосмысливая то время, Кирилл Трофимович впервые откровенно написал, что Москва и многое изменила в его сознании. Его неопубликованные воспоминания содержат даже несколько неожиданные оценки того периода. Он писал: «... то недолгое мое пребывание в Москве было переломным. Из своего полесского захолустья я попал в новую для себя атмосферу, в молодежную рабочую среду, жизнь, помыслы и идеалы которой были несравнимы с той атмосферой, в которой я — молодой специалист — прозябал, растрачивая свою энергию на выколачивание из вчерашних крестьян остатков их самостоятельности и трудолюбия, а вместе с ними и плодов их труда».

Кирилл Трофимович впервые признавался в том, что испытывал, когда славили и превозносили советских вождей. «Среди молодых метростроевцев, как мне казалось, царил эйфория, восторженность, когда речь шла о Сталине, об отцах города Москвы. У меня иной характер. Я всегда был сдержанным на эмоции, немногословным тугодумом, и мне казалась эта эйфория наигранной и ненужной. Я глубоко уважал Сталина и его соратников, верил им во всем, как верят высшим и недостижимым авторитетам. Но в проявлении этих своих чувств всегда был сдержан. А в том, что небезгоршки обжигают, убедился лишний раз, наблюдая в тот 1935 год жизнь Москвы».

Какой она была? Через много лет Кирилл Трофимович вспоминал об этом даже с каким-то сожалением. «В то время осуществлялся план реконструкции Москвы. В свободное время я любил бродить по Тверской, ставшей улицей Горького, которая обрамлялась от Охотного ряда до Бульварного кольца новыми зданиями, доходил до Садово-Кудринской, где тогда вырубались величественные деревья, и она, раздвигаясь, превращалась в пустынную широкую площадь, по которой изредка двигались автомобили. Было непонятно и удивительно: зачем расширяют Садовое кольцо за счет скверов?»

Некоторое отрезвление от эйфории произошло и после еще одного случая. «Однажды Федор Сиротский пригласил меня в гости к своим московским родичам. Это была интеллигентная семья инженера-железнодорожника. Проживала она где-то в районе Белорусского вокзала. Хозяева проявили радушие и чисто московское гостеприимство. За чаем был оживленный разговор. И как же было мое удивление, когда я услышал, как пожилая женщина, видимо соседка наших хозяев, в самых острых выражениях обвиняла Сталина и Кагановича за то, что по их указанию взорван храм Христа Спасителя — шедевр русской архитектуры, созданный в честь победы в Отечественной войне 1812 года против Наполеона. Она же с возмущением говорила о том, как уродуется Садовое кольцо столицы. Я храма Христа Спасителя не видел, видел лишь его развалины за высоким забором, но Садово-Кудринскую видел своими глазами и разделял мнение этой москвички».

Этот случай заставил молодого Мазурова задуматься о многом. «После этого посещения потускнел образ вождей и в моих глазах. Я понял, что не так

уж монолитно наше общество и что есть критическое отношение к действительности. Чувства раздваивались. Было и тревожно и вместе с тем радостно, возникали ассоциации: начальник НКВД с овчаркой, от которого шарахались люди при встрече, наше отношение к колхозникам, где я работал, и критика Сталина и Кагановича в московской квартире. Значит, размышлял я, ту неправду в нашей жизни, которую я и, наверно, многие другие чувствуют что называется нутром, некоторые смело высказывают, возмущаются. Значит, не все надо воспринимать на веру, надо все обдумывать самому, иметь свое мнение. Дальше этих выводов я не смог пойти, но твердо для себя решил: не буду прозябать в Комаринском районе, приложу все силы, чтобы вырваться из трясины районных будней».

СНОВА В БЕЛОРУССИИ. СЛОЖНЫЕ ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Летом 1935 года Кирилл Трофимович уезжал из Москвы с тяжелым сердцем — столица, уникальная стройка, к возведению которой был причастен, новые друзья, благодарность за хорошо выполненную работу и сомнения, все ли так правильно в их стране. В Минске Мазурова ждало еще одно разочарование. Предполагалось, что после возвращения их группу будут использовать на строительстве военных объектов на границе. Но по прибытии в республику, им сообщили, что все отменяется «и мы должны приступить к своим обязанностям на прежних местах работы. Надо ли говорить, с каким настроением я вернулся в Комарин. Друзья были рады моему возвращению, а я еще более твердо решил как можно скорее освободиться от моих обязанностей. Я был близко знаком с военным комиссаром Маланиным, который проживал в Брагине и обслуживал три района. Поговорил с ним, попросив призвать на службу в армию. Я был «забронирован» — это означало, что я мог быть призван только с согласия моего начальства. Кроме того, опоздал с моей просьбой по времени, и военком отказал, пообещав призвать в 1936 году. Мне пришлось окунуться в прежнюю организационно-политическую деятельность».

Еще год пришлось Мазурову трудиться в Комарине. Ситуация менялась к лучшему. 1935-й после страшного голода в республике оказался урожайным, колхозы крепили, появлялась новая техника в МТС. «Колхозники стали жить

лучше, улучшилось и настроение людей. Союзные власти приняли ряд важных решений по колхозному строительству. Прошел съезд колхозников, на котором был принят Устав сельхозартели. В общем, дела стали поправляться, политическая обстановка в целом улучшилась, несколько разрядилась атмосфера в среде районного партийного и советского актива. И когда я уезжал в 1936 г. на военную службу, была уже печаль в сердце: за три года полюбил людей, с которыми работал и сталкивался в деле, стали родными и полесские болота, и могучие реки — Днепр и Припять. Нелегко было расставаться с друзьями, но манили новые горизонты».

На 1936 год пришелся пик громких процессов по разоблачению врагов народа, в конце 1930-х страна захлебывалась от репрессий, под их жернова попадали люди всех возрастов и профессий, религиозной и партийно-комсомольской принадлежности. По официальной статистике только в Беларуси за годы сталинских репрессий пострадали 600 тысяч человек. Каким было это время для Мазурова?

Он, как и его поколение, оставались людьми своего времени, свято верили в идеалы социализма и в правильность тех методов, какими они воплощались в жизнь. Много позже в своей книге «Незабываемое» Мазуров писал: «...мы были политиками с детства: следовали позором Чемберлена еще на школьных собраниях и пионерских сборах, носили на демонстрациях чучела кровососов-капиталистов, чтобы вызвать всеобщее презрение к эксплуататорам».

В 1936 году после двухгодичной отсрочки, которая предоставлялась молодым специалистам, Мазурова призвали в армию. Казалось бы, то напряжение, в котором пребывала страна после очередного громкого процесса по разоблачению врагов народа, осталось где-то в гражданской жизни.

Первоначально служба была связана со строительством, опыт работы на возведении Московского метро оказался очень полезным — подразделение Мазурова возводило железнодорожное полотно по линии Лепель — Полоцк. Тогда он и предположить не мог, каким важным этот объект станет в первые недели войны, и что именно на этом направлении состоится одно из самых ожесточенных и масштабных сражений Великой Отечественной войны — танковое. С 6 по 10 июля в районе Лепеля, Сенно и Богушевска в нем приняло участие с обеих сторон 1500 танков. По масштабам военные историки потом будут сравнивать его с битвой под Прохоровкой на Курской дуге, но в 1943 году в ней принимало участие 1200 советских и фашистских танков и ее успех обеспечила поддержка авиации, которой не было в небе над Сенно. Несмотря на это, советским войскам не только удалось на 6 недель приостановить наступление немцев, но и продвинуться на запад на 50 км. Свою роль сыграл и возведенный перед войной железнодорожный узел, благодаря которому оперативно осуществлялся подвоз вооружения и живой силы.

После обучения в школе младших командиров, а затем на военных курсах в Ленинграде Кирилл Трофимович продолжил службу в военной комендатуре Могилевского железнодорожного узла. Здесь его приняли кандидатом в члены ВКП(б). Как вспоминал Мазуров: «Это было приобщение к числу лучших, пере-

довых людей, твоих современников». Неожиданным для Кирилла Трофимовича стало назначение политруком роты сразу же после этого события, несмотря на то, что он был всего лишь кандидатом в члены ВКП(б). Много лет спустя, находясь уже на пенсии и работая над рукописью новой книги, Мазуров так объяснял шаг военного руководства: *«В те далекие 30-е годы я читал в газетах о массовых арестах, о политических процессах. Я видел, что творилось у нас в полку. Там почти все командование было смещено с постов. На батальоны были назначены младшие лейтенанты, а на роты младшие командиры. Я не связывал репрессии с именем Сталина. Сталин был для нас символом. Ходили слухи о необоснованных репрессиях не только в Белоруссии, но и в других местах, и не только среди военных, но и штатских работников»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л.23).

К сожалению, новой книге не суждено было увидеть свет, Кирилл Трофимович не успел дописать ее, он слишком рано ушел из жизни. Но неопубликованные воспоминания проливают свет на многие сложнейшие периоды жизни страны и самого Мазурова, в том числе и на репрессии.

Их масштабы Мазуров понял после демобилизации в конце 1938 года, когда горкомом партии был направлен на работу в политотдел Белорусской железной дороги в Гомеле. *«Кто-то железной мотыгой прошелся по Управлению дороги. Были смещены и репрессированы начальник дороги Некрасов, начальник политотдела Цветков и другие начальники. В которых все говорили с уважением»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 24).

Узнал Кирилл Трофимович и о той драме, которая разыгралась в его семье, — весной 1937 года был арестован его родной дядя Родион Иванович, тот самый, который фактически дал ему путевку в жизнь, опекал после окончания железнодорожной школы, привел на работу на Гомельский паровозоремонтный завод. Его объявили польским шпионом, основанием стал тот факт, что в конце 1920-х годов Родион Иванович по поручению Гомельского горкома партии сопровождал группу освобожденных из тюрьмы польских коммунистов во главе с одним из руководителей Польской коммунистической партии Ланцуцким. Они были проездом в городе, и Родион Иванович показывал им новостройки, свой родной завод, которому даже присвоили впоследствии имя Ланцуцкого. Под следствием он находился полгода, но доказать ничего не смогли и отпустили. Родиону Ивановичу было всего 50, но вышел он из тюрьмы большим стариком. «На мои вопросы ответил одной фразой: «Об этом не спрашивай» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 22).

Много лет спустя, уже в бытность первым секретарем ЦК КПБ Мазуров обратился в КГБ республики с просьбой отыскать материалы следствия по делу Родиона Ивановича. Его уже не было в живых, он умер после войны, которую провел в Уфе, работая на эвакуированном заводе, продолжал трудиться на нем и после возвращения. *«Какое же было мое удивление, когда я прочитал заключение следствия. Там было написано, что заявление на Родиона Ивановича было клеветническим. Автор — сосед по дому, который рассчитывал за счет квартиры семьи дяди расширить свою жилплощадь. Поистине, нет предела человеческой подлости! Будучи по делам в Гомеле, я встретился с этим чело-*

веком и увидел уже дряхлого человека с глазами побитой собаки — испуганными и умоляющими. Я успокоил его и сказал, что и не думаю о привлечении его к ответственности за клевету. Просто мне хотелось увидеть подлеца, который ради корысти, а может, из зависти может смертельно оклеветать своего давнего товарища. Родион Иванович так и не узнал, кто был повинен в его беде. Они были почти одногодками и работали на одном заводе много лет. Я никому не называл его имени, может быть живы его потомки, а им знать ни к чему» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 22).

Но тогда в 1938-м дамоклов меч навис и над самим Мазуровым. Однажды во время ночного дежурства Кирилла Трофимовича в Управлении железной дороги раздался звонок, из трубки доносились, как вспоминал сам Мазуров, «отборные ругательства, которыми перемежевывалась грубая речь». Судя по лексике, поверить в то, что звонил сам нарком путей сообщения Каганович Лазарь Моисеевич, было сложно. Но откуда молодому работнику было знать, что уровень образованности большого руководителя — всего лишь два класса деревенской школы, а при заполнении учетной партийной карточки в графе «образование» он просил писать просто: «Каганович». Сам же Лазарь Моисеевич в своих воспоминаниях об учебе говорил так: «... я начал свою учебу путем самообразования, продолжающегося всю жизнь до настоящего времени» (Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. Москва, 1996. С. 42—43).

Ничего удивительного в специфичной лексике наркома не было, она являлась всего лишь отражением уровня его образованности, Мазурова же она шокировала. Шокировали и претензии, которые Каганович стал предъявлять ему. Он отчитывал дежурного «за то, что не смог тут же соединить его по телефону с новым начальником политотдела Мурзиным, который был в отъезде. Нарком выговаривал мне, мелкому служащему, за беспорядки на дороге, угрожал, что всех сгноит в тюрьме. Этот разговор развеял многие мои иллюзии. Уже состоялся февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС 1938 года, который положил конец репрессиям и произволу, а я, как и мои товарищи по политотделу дороги, еще долго «разгребали» клеветнические завалы на честных железнодорожников — людей, главным образом командиров различных служб и отделений дороги» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 24).

Осуждение на пленуме необоснованных репрессий самим товарищем Сталиным, скорее всего, и помогло Мазурову избежать серьезных последствий с известными выводами. Как свидетельствуют архивные материалы, Лазарь Моисеевич гуманностью не отличался. В фонде № 3 архива Президента Российской Федерации сохранились десятки документов с подписью наркома на списках, по которым расстреливали с санкции партийной верхушки. По подсчетам историков только по таким спискам расстреляли 19 тысяч человек. Каганович в 1937 году руководил чистками и на местах: в Ярославской, Киевской, Ивановской областях. Не следует забывать и о том, что он возглавлял комиссию

по партийным чисткам в СССР в 1933—1934 годах (Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3).

Мазуров не мог знать тогда, что стране предстоит пережить еще не один виток репрессий, что она потеряет огромное количество ни в чем не повинных людей: простых граждан — честных тружеников, полководцев и военачальников, партийных и советских руководителей, врачей, творческой интеллигенции.

Как писал Мазуров в своих неопубликованных воспоминаниях, «в нашей истории немало было парадоксов. Например, после успешного осуществления индустриализации страны, в результате которой СССР вышел в развитии промышленности в число передовых стран в мире, после проведения коллективизации и ликвидации последнего класса эксплуататоров — кулака, после принятия в 1936 году Конституции СССР, которая закрепила завоевания социализма, после проведения выборов, которые продемонстрировали сплоченность народа вокруг партии, Сталин выдвинул теорию обострения классовой борьбы в процессе строительства социализма и пышно расцвел культ личности Сталина» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 20).

Попытки разобраться с репрессиями в республике, обоснованностью массовых арестов будут предприняты Мазуровым через много лет, на посту уже первого секретаря ЦК КПБ, о чем свидетельствуют запросы Мазурова в КГБ и полученные на них ответы. В его личном архиве сохранились записи, свидетельствующие о том, как проходили репрессии в Белоруссии в конце 1930-х.

«По справке КГБ БССР от 20 марта 1958 года за период с 15 сентября по 15 ноября 1938 года при участии Пономаренко (первый секретарь ЦК КП(б)Б) осуждено тройкой НКВД БССР 6770 человек, из которых 4650 расстреляны. Всего за время с августа 1937 года (с момента приезда Маленкова в Белоруссию) по 12 ноября 1938 года НКВД БССР было арестовано 54 845 человек, из которых 27 391 человек были расстреляны» (Личный архив К.Т. Мазурова).

Интересная деталь: справка написана от руки и карандашом — традиция сталинского периода особо секретные сведения фиксировать именно таким образом. Если случится арест, какие-то записи можно будет просто стереть. Как свидетельствуют документы, даже в конце 1950-х годов страх не покидал людей. Традицию соблюдали... на всякий случай. Цифры действительно шокирующие, но это касалось причастности к репрессиям только высшего руководства республики.

Врагов народа выявляли обкомы, горкомы, райкомы, органы НКВД, соседи, родственники, которые доносили, сигнализировали... Люди, которые сами ходили по острою и в любой момент могли оказаться в застенках НКВД, отправляли туда или на верную смерть под надуманным предлогом тысячи людей. Но об этом станет известно потом. Тогда же, в конце 1930-х, процессы «над врагами народа» вызывали всеобщее одобрение.

После демобилизации связь с армией не прервалась. Мазуров возвратился в родной Гомель на комсомольскую работу. Как человека, прошедшего воинскую службу, его назначили заведующим военно-физкультурным отделом Гомельского обкома комсомола. Слово «война» звучало все чаще и в официальной хронике, и на бытовом уровне. В последние мирные годы военное дело изучали не только в школах, учебных заведениях. Разбирать и собирать автомат, отрабатывать навыки по гражданской обороне, по оказанию первой медицинской помощи учились повсеместно. Отделу, который возглавлял Мазуров, — внимание особое.

1939 год. На случай начала военных действий руководством республики разработан и утвержден специальный план, согласно которому в белорусских лесах в каждой области были подготовлены хорошо законспирированные склады с оружием, полевыми госпиталями, продовольствием. На сборах, в комсомольских лагерях с молодежью отрабатывались навыки ведения боя, изучалось оружие, проводились мероприятия по физической подготовке.

По прошествии более чем 70 лет с момента начала кровавой катастрофы XX века мы все еще пытаемся найти ответы на вопросы: «Почему при такой подготовке к войне ее начало прозевали? Почему отступали? Почему столько жертв?» Ищем оправдание, оппонируем к событиям, списываем на сложившиеся обстоятельства. Это и попытки советского руководства отодвинуть войну от границ СССР дипломатическим путем — пакт Молотова-Риббентропа о ненападении, который стремились выполнить. Как результат — отвод тяжелого вооружения от границ, когда уже очевидным становилось вторжение Германии на советскую территорию, массовый уход в отпуск военнослужащих. Это и репрессии против высшего командного состава. Они сделали свое дело: управление армией перешло в большинстве своем к малоопытным командирам, стратегические ошибки и еще ряд других факторов. Но то, что к войне готовились и на фоне бравадных лозунгов о непобедимости Красной Армии понимали всю сложность ситуации, — факт очевидный.

Мазуров как руководитель отдела в 1939 году по направлению обкома комсомола прошел военную подготовку в Москве при Военно-политической академии имени Ленина. Возглавляя отдел в обкоме комсомола, он постоянно находился в контакте с военными. К началу 1940-х годов Кирилл Трофимович не был неопытным необстрелянным молодым человеком, а достаточно подготовленным в военном плане специалистом. Но до 1941-го оставалось еще два мирных года, которые стали для Мазурова тоже серьезным испытанием, и не только как для молодого секретаря обкома комсомола, которому предстояло решать далеко не детско-юношеские, молодежные проблемы. Испытания ждали и в личном плане.

«Работая до войны в Гомеле, а затем в Бресте, я довольно часто бывал в Минске, в ЦК ЛКСМБ и там познакомился с Яниной. Девушка мне понравилась. Стройная, светловолосая, с голубыми глазами, общительная и доброжелательная, она была любимицей работников аппарата ЦК. Я никому не говорил, что она мне нравится, но, будучи в ЦК, все свободное время топтался в комнате, где она работала. Это было заметно, и почему-то все стали по-

могать нашему сближению. Было заметно, что и я ей тоже не безразличен, но я, боясь отказа, медлил с предложением. А потом, когда на границе, где я работал, стало тревожно, решил не подвергать возможным тяжким испытанием ту, которую люблю», — так Кирилл Трофимович вспоминал о встрече со своей будущей супругой, ставшей впоследствии для него надежным другом и самым близким человеком.

Тогда же в Янину Леонович не влюбиться было просто невозможно. «Эффектная, всегда хорошо и со вкусом одетая», — так вспоминали о ней подруги юности, сестры. Младшая же Виктория, будучи прекрасной портнихой, с удовольствием мастерила для нее, для близких наряды — входившие в моду крепдешиновые платья с цветочным рисунком, блузки с рукавом фонариком, пальто, отделанное каракулем. Несмотря на критику буржуазного влияния на облик советской женщины, пропаганду минимализма в одежде, жизнь менялась. В 1934 году в Москве на Сретенке открылся первый Дом моделей, в 1936-м стал выходить первый в СССР журнал мод, где были выкройки, советы по шитью, вязанию. Все новое тут же воплощалось в жизнь.

Это было удивительное поколение молодежи, которая вместе с новой страной открывала для себя совсем иную жизнь, о которой они, выходцы из бедных слоев общества, еще совсем недавно и мечтать не могли. Как и многие комсомольские работники довоенной поры, Янина Леонович была из бедной семьи, где воспитывалось пятеро детей. Мама Варвара Деицовна до замужества жила в Минске в профессорской семье, куда ее взяли из деревни, научили вести хозяйство, помогать по дому, шить. Об отце известно только то, что он какое-то время работал водителем у председателя СНК Белоруссии Александра Червякова, умер в конце 1930-х годов. Молодежь ощущала себя подлинными строителями советской страны, стремилась к знаниям, а все новое тут же бралось на вооружение.

Но главным все же оставалась работа. Те, кто знал Янину Станиславовну, отмечали, что еще в годы работы в комсомоле она была очень целеустремленным человеком, ее отличали собранность, организаторские способности и всегда продуманные решения. Но при этом новомодные увлечения молодежи Страны Советов, которая вступала в век технического прогресса, не обошли тогда стороной и Янину Леонович — аэропланы, парашютный спорт.

«Меня совершенно потрясло то, что мама, оказывается, «гоняла» на мотоцикле. Сама она об этом никогда не рассказывала, я узнала о таком увлечении мамы от самой младшей из сестер — Станиславы уже много позже, после ее ухода из жизни», — впоследствии вспоминала об этой странице жизни Янины Станиславовны ее дочь Наталья Кирилловна. Эта черта ее характера — смелость, граничащая с риском, вскоре проявилась в сложнейшей ситуации, позволила принять быстрое и единственно правильное решение. А пока для Янины Леонович и Кирилла Мазурова было то прекрасное время, когда можно наслаждаться молодостью, пребывать в удивительном состоянии первой влюбленности, жить планами и надеждами, ведь впереди еще такая долгая жизнь.

В сентябре 1939 произошло воссоединение Белоруссии. Факт вхождения Западной Белоруссии в состав БССР подтвердила 14 ноября 1939 года 3-я внеочередная сессия Верховного Совета БССР. В ее постановлении говорилось: *«Принять Западную Белоруссию в состав Белорусской Советской Социалистической Республики и воссоединить тем самым великий белорусский народ в едином Белорусском государстве»*. На западных территориях было создано 5 областей — Барановичская, Белостокская, Брестская, Вилейская и Пинская. А в БССР дополнительно влилось 4,5 миллиона человек — количество, сопоставимое с населением республики и с очень сложными социально-экономическими проблемами.

В Национальном архиве Республики Беларусь в материалах под грифом «Особый сектор», связанных с деятельностью будущего первого секретаря ЦК КПБ Кирилла Трофимовича Мазурова, сохранились черновики подготовки его выступлений в 1941 году. Он — первый секретарь Брестского обкома комсомола, в числе более тысячи выдвиженцев из восточных областей, направленных секретарями обкомов, райкомов и горкомов КП(б)Б в Западную Белоруссию. В записях есть такая фраза: *«...бытует мнение, что присоединили цивилизованный грамотный народ. Только в Молодечненской области зарегистрировано 5 тысяч молодежи совсем неграмотной и около 50 тысяч не имеющих начального образования»*. Из 196 секретарей райкомов и горкомов только 3 с высшим образованием, со средним — 127, неполным средним — 53, у остальных — начальное» (НАРБ. Ф. 1374. Оп. № Д. 1. Ч. 2).

Где и когда состоялись выступления Мазурова, и состоялись ли вообще — неизвестно. Из записей понятно одно — профессиональных кадров катастрофически не хватало. Но это была не самая большая проблема для региона. Проблемой оставались экономические и социальные вопросы. Ситуация, которая складывалась в западном регионе, — драматичная. Более 80% населения — сельское, из-за большой плотности проживания — малоземельное, а значит, люди бедствовали.

Белорусы в Польше многие годы были ущемлены в своих правах. Это касалось получения образования, специальности. Прием в учебные заведения для белорусского населения был ограничен, под запретом находились белорусские школы и язык, душила всеобщая полонизация, заявить о своих экономических правах люди тоже не могли, протесты жестоко подавлялись. История сохранила страшные свидетельства пыток и глумления над белорусами в польских тюрьмах, в концлагере в Березе-Картузской, где в небольшие камеры с цементным полом набивали по 40 человек. Чтобы заключенные не садились, пол постоянно поливался водой. Им запрещалось разговаривать. Уделом узников была изнурительная работа и голодный паек. Жестокое обращение со стороны лагерной администрации было нормой. Через концлагерь прошли тысячи белорусов, украинцев, евреев.

После воссоединения западные области захлестнула безработица, и без того высокая. Этому способствовала национализация предприятий, банков, многие из них просто закрывались. Закрывались и магазины, склады. Их владельцы к переменам отнеслись без энтузиазма, большинство еще до прихода Красной

Армии выехало в Польшу. Как следствие — нехватка продовольствия, товаров первой необходимости. Начинались волнения, проблем добавили беженцы. Их более 120 тысяч. А еще военнопленные, в одном Бресте — 6 тысяч. Ситуация катастрофическая.

Простые люди с радостью встречали Красную Армию, они надеялись, что жизнь изменится к лучшему. С радостью восприняли лозунг: «Земля — крестьянам, заводы — рабочим, а власть — Советам». Советская власть обещала решить проблемы простых людей. Многие действительно было сделано.

За два года удалось запустить 392 предприятия, более 40 тысяч человек получили работу, правда, в колхозы крестьяне шли неохотно. В документах «Особого сектора» есть точная цифра — всего лишь 7%. Столько крестьян поддерживали колхозы. Бесспорно одно — в сентябре 1939-го западные и восточные белорусы воссоединились в одну семью.

Мазуров много работал с молодежью области. Приоритет — всеобщая грамотность, получение специальности. Но не менее важным направлением являлась военная подготовка. При всей сложности экономической ситуации главным вопросом оставался один — будет ли война? Нападет ли Гитлер на СССР?

Для брестского же пограничного отряда ответ на вопрос о войне, в которую не хотелось верить, был очевиден. Кирилл Трофимович поддерживал с пограничниками, среди которых в основном молодые ребята и все комсомольцы, постоянную связь. Совместные мероприятия, военные сборы молодежи становились нормой. Велась и откровенные разговоры о ситуации. А она была тревожной, пограничники своей обеспокоенности не скрывали.

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

20 июня 1941 года, Брест, заседание бюро Брестского обкома партии при участии командования 4-й армии и пограничного отряда.

Из выступления первого секретаря обкома М.Н. Тупицына.

«Пограничники располагают данными о возможном нападении фашистской Германии на нашу страну. Призываю проявить бдительность, обеспечить охрану предприятий и учреждений. Ответственным работникам необходимо оставаться на своих рабочих местах».

Участником заседания бюро обкома был и Кирилл Мазуров. Особенно тревожным оказалось сообщение начальника 17-го Брестского погранично-

го Краснознаменного отряда войск НКВД Александра Петровича Кузнецова. На заседании бюро он докладывал, что только 19 июня немецкие самолеты на их участке трижды нарушали границу, обстреляли из пулеметов бойцов на строительстве укрепленного района, есть жертвы, а в ночь с 19 на 20 июня вдоль границы на нашей территории кто-то устроил пожары. Обращал он внимание и на то, что по всей линии застав наряды слышат на противоположной стороне гул танковых моторов. Высказана твердая уверенность, что это не демонстрация силы, а подготовка к нападению.

Предположение подтверждало и еще одно сообщение. С ним ознакомили только секретарей обкома партии и обкома комсомола. С 15 июня 1941 года на территорию Западного особого военного округа начали проникать диверсионные группы вермахта, экипированные в форму военнослужащих РККА и хорошо владеющие русским языком. 18 июня была обнаружена такая группа из 41 человека в районе города Сувалки. Большую ее часть удалось ликвидировать органам госбезопасности.

Но захваченные в плен члены группы показали, что в их задачу входило совершение диверсий на железнодорожной ветке Столбцы — Барановичи, с началом же военных действий, которые должны вот-вот начаться, — разрушение коммуникаций, провоцирование паники и беспорядков среди населения. И это вызывало особое беспокойство.

Беспокойство вызывало и то, что штурмовые группы были сформированы из добровольцев-белорусов, которые составляли «Першы штурмавы звяз» («Первый штурмовой отряд»). Его бойцы прошли подготовку в соединении «Бранденбург-800» — специальном подразделении германских вооруженных сил, созданном в 1940 году на основе батальона особого назначения по личному распоряжению руководителя Абвера адмирала Вильгельма Канариса. В его задачу входило осуществление всех крупных операций вермахта. Ими командовал бывший подхорунжий Войска Польского Витольд Качан, все диверсанты хорошо знали и обстановку, и местность, многие имели родственников. Это позволяло маскироваться под «свояков», приехавших погостить (Надточаев В. Военная контрразведка Беларуси. Минск, 2008. С. 102).

Кирилл Трофимович впоследствии вспоминал, что расходились после того заседания все очень встревоженные. В обкоме информацией о провокациях немцев располагали. Только в 1940 году произошло 235 различных конфликтов и инцидентов. С октября 1939 по февраль 1940 года на белорусском участке государственной границы было зафиксировано 17 случаев обстрела пограничников и местного населения. Во втором полугодии 1940 года уже 187. Только за 1940 год Брестский 17-й погранотряд задержал более 5 тысяч нарушителей. В обком поступала и особо конфиденциальная информация — за два дня, 19 и 20 июня 1941 года, немецкие самолеты 55 раз нарушили советскую границу по всей ее протяженности. Была информация и о том, что с весны 1941 года гитлеровцы скрытно сосредотачивают свои войска вблизи границы (Там же).

Но все последние месяцы речь шла только о нарушениях. На заседании же бюро прозвучало предположение о возможном нападении. Как вспоминал

впоследствии Мазуров, «об этом, конечно, как партийные, так и военные органы докладывали вышестоящему руководству. В ответ поступали указания не поддаваться на провокации и самим ни в коем случае не провоцировать инцидентов». О реакции высшего руководства страны члены бюро обкома партии знали хорошо, и это тревожило еще больше.

Но ночь с 20 на 21 июня прошла спокойно, без эксцессов, предостережение о возможном нападении немцев выглядело как желание в очередной раз перестраховаться. В субботу 21 июня обком комсомола спокойно продолжил подготовку к первому областному детскому смотру художественной самодеятельности. Кирилл Трофимович все контролировал лично, целый день провел в обкоме, на работе задержался допоздна, придя домой уставший, лег спать. Как ни странно, человек быстро привыкает ко всему, в том числе и к постоянным сообщениям, что вот-вот может начаться война. Их было так много, что, возможно, поэтому инстинкт самосохранения притупился, и люди продолжали жить мирными заботами, реализовывать намеченные планы.

Как стало известно уже много позже, в начале первого ночи 22 июня начальнику брестского пограничного отряда Кузнецову доложили, что дежурный наряд подобрал на восточном берегу Буга выбившегося из сил человека. Им оказался Иосиф Бадзинский — житель польской деревни Старый Бубель. Он сообщил, что немцы в 4 часа утра нападут на СССР. Об этом сразу доложили в вышестоящие инстанции. Как всегда впоследствии сам Кузнецов, донесению не особо поверили, но тревогу все же объявили. Нападение врага не стало неожиданным, но на то, чтобы подкрепить силы пограничников армейскими частями с мощным вооружением, банально не хватило времени.

Конечно, Кирилл Трофимович, как и многие руководители области, не знал, что происходило на границе. Начавшаяся бомбежка Бреста, грохот орудий, не оставляли сомнения — началась война. Война, которую ждали, о которой так много говорили и к которой готовились, застала всех врасплох. О том, что творилось в те первые страшные часы и дни, красноречиво говорит записка секретаря Брестского обкома КП(б) Б М.Н. Тупицына в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б от 25 июня 1941 года «О положении на фронте Брест-Кобринского направления».

Сов. Секретно.
Особая папка
ВКП(б) тов. СТАЛИНУ
КП(б) Белоруссии
тов. ПОНОМАРЕНКО

«Брестский обком КП(б)Б считает необходимым информировать Вас о создавшемся положении на фронте Брест-Кобринского направления. Обком КП(б)Б считает, что руководство 4-й армии оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями. Это подтверждается целым рядом фактов, в частности: вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко потому, что ни одна часть и соединение не были

готовы принять бой, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступить, или погибнуть. В таком положении оказались 6-я и 42-я стрелковые дивизии в Бресте и 49-я сд — в Высоковском районе. В Брестской крепости на самой границе держали две стрелковые дивизии, которым даже в мирных условиях требовалось много времени для того, чтобы выйти из этой крепости и развернуться для военных операций. Кроме того, несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах. Естественно, при первых выстрелах среди красноармейцев создалась паника, а мощный шквал огня немецкой артиллерии быстро уничтожил обе дивизии. По рассказам красноармейцев, которым удалось спастись, заслуживает внимания и тот факт, что не все части и соединения имели патроны, не было патронов у бойцов. В 49-й сд, после первых же выстрелов, также произошло смятение. Разработанный заранее план действий на случай войны не был изучен».

На документе имеется резолюция И.В. Сталина: «т. Маленкову. И.» и справка генерала армии Г.К. Жукова: «Командующий 4-й армией снят с работы и отдан под суд. Жуков. 9.VIII-1941 года».

4-я армия была сформирована в августе 1939 года в Белорусском особом военном округе на базе Бобруйской армейской группы. С начала войны армия в составе Западного фронта вела оборонительные бои на Брестском направлении. 9 июля 1941 года командующий армией А.А. Коробков был арестован и 22 июля приговорен Военным трибуналом к расстрелу.

Приведем еще некоторые выдержки из записки секретаря обкома КП(б)Б Тупицина: «В Коссовском районе был расположен отдельный полк АРГК. 22 июня, когда областное руководство переехало туда, мы застали этот полк в таком состоянии: материальная часть находилась в г. Коссово, бойцы же находились в лагерях под Барановичами (в 150 км от Коссово), а боеприпасы отсутствовали. Чтобы вывезти материальную часть из Коссово, у командира полка не хватило шоферов и трактористов. Обком КП(б)Б помог мобилизовать эти кадры на месте в гражданских организациях. Но пока сумели перебросить часть орудий, было уже поздно — они были разбиты бомбами, и, по существу, все ценные орудия остались у немцев. Много боеприпасов и оружия погибло в складах на Бронной горе (Березовский район), а в воинских частях боеприпасов и оружия не хватало».

Эта записка написана несколько дней спустя после начала войны, когда руководству области удалось выбраться из зоны военных действий. Конечно, секретарь обкома мог не располагать еще информацией и об обороне Брестской крепости, и о случаях героического сопротивления отдельных групп, отрядов, и даже конкретных людей, которые старались задержать врага.

Примеры такого героизма Кирилл Трофимович приводит в своих воспоминаниях: «Когда на рассвете 22 июня 1941 года фашисты начали переправу через Буг юго-западнее Бреста у станции Дубица, младший командир 15-й заставы Алексей Новиков занял с ручным пулеметом позицию на берегу реки, забравшись на могучий дуб с широким дуплом. Выждав, когда лодки с вражескими солдатами достигнут середины реки, он метким огнем уничтожил

часть из них, остальные повернули назад. Не видя пограничника, гитлеровцы обрушили на наш берег шквал огня, но Новиков спрятался в дупло. Враги вновь погрузились в лодки и попытались опять форсировать реку. Пограничник открыл огонь из своего укрытия и уничтожил второй эшелон наступающих. Так продолжалось сутки. Новиков один сражался против целого подразделения, уничтожив до 70 гитлеровцев».

Не мог знать секретарь обкома и о других примерах героизма. Но очевидным фактом остается тот драматизм, который пришлось пережить людям в первые часы и дни войны. Драматичными были они и для Кирилла Трофимовича Мазурова.

Обычно в биографиях лидеров страны советской эпохи информация об участии в войне укладывалась в несколько строк. Исключением не стал и Мазуров: «В 1941—1942 гг. — в Красной Армии, участник Великой Отечественной войны, был ранен. В сентябре 1942 направлен в тыл немецких войск в Белоруссию в качестве представителя Центрального штаба партизанского движения в звании подполковника, где до конца 1943 г. работал в партизанских соединениях; был секретарем подпольного ЦК ЛКСМ Белоруссии», — читаем в Белорусской Советской Энциклопедии.

В других источниках находим несколько расширенную информацию: «С первых дней Великой Отечественной войны политрук Мазуров К.Т. в действующей армии. Он был политруком роты, командиром стрелкового батальона, инструктором разведывательного отдела 21-й армии, был ранен в одном из боев. С декабря 1941 года — слушатель высших офицерских курсов «Выстрел», по окончании которых был назначен комиссаром факультета этих курсов. В сентябре 1942 года подполковник Мазуров К.Т. направлен в тыл немецко-фашистских войск в Белоруссию в качестве представителя Центрального штаба партизанского движения, где до конца 1943 года работал в партизанских соединениях».

Информация не совсем верная. Политруком с первых дней войны Мазуров не был. Как свидетельствуют документы, воспоминания самого Мазурова, события разворачивались несколько иначе. Что же на самом деле происходило в первые часы, дни немецкого вторжения в направлении Брест — Могилев, на котором были сосредоточены отступающие воинские части, уходили мирные жители из Западной Белоруссии на незанятую еще врагом территорию. Через какие испытания пришлось пройти Мазурову, что пережить, прежде чем он оказался в действующей армии.

Документы говорят о страшной ситуации: никто не мог верить, ни руководство республики, ни простые люди, что неразбериха, отступление — это надолго. В первые часы войны, после первых бомбежек ЦК КП(б)Б предпринимал меры по стабилизации ситуации, делая акцент на восстановление нормальной жизни в республике, в столице. В неизбежность эвакуации верить не хотелось.

Не так давно стали доступны документы «Особого сектора» ЦК Компартии Белоруссии, среди которых долгие годы хранился «Дневник рабо-

ты ЦК КП(б) Белоруссии, начато 22 июня 1941 года, окончено 19 августа 1941 года» (НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 4).

Они дают четкое представление о том, что происходило на самом деле в первые дни войны, как от надежд на скорое освобождение пришли к необходимости спешной эвакуации и формирования подполья на территории республики.

22 июня 1941 г.

9 ч. 30 м. утра, проведено бюро ЦК КП(б).

В 14 часов проведено собрание партактива гор. Минска, на котором заслушан доклад т. Пономаренко о задачах парторганизаций в связи с войной.

Создана гор. комиссия по организации противовоздушной обороны г. Минска, приспособлены все подвалы под бомбоубежища.

Вопросы эвакуации детских учреждений, прием партийных документов от обкомов, ГК, РК, организация госпиталей, массовый тираж речи Молотова. Всего 8 пунктов.

23 июня 1941 г. П.2. Указание Госплану и НКфину БССР о подготовке ценностей к эвакуации, эвакуации секретных архивов партдокументов ЦК КП(б) и ЦК ЛКСМБ; об эвакуации наркоматов, предприятий, оборудования, тракторов, скота.

П.8. Дано указание Минскому ГК КП(б) об организации истребительных отрядов.

24 июня 1941 г.

1. Приняты меры по ликвидации последствий бомбардировки, восстановлены тел. связь, водопровод в гор. Минске.

2. В 21 час эвакуированы партдокументы и архив ЦК КП(б)Б и ЦК в Москву.

3. Эвакуирован госбанк со всеми ценностями и архивом.

4. Даны указания по поддержанию порядка в гор. Минске после бомбардировки.

25 июня 1941 г. В 2 часа утра ЦК КП(б) и СНК БССР по указанию Военного Совета фронта переехали в гор. Могилев.

28 июня 1941 г. Принята и доставлена на место директива № 2 ЦК КП(б)Б «О развертывании партизанской войны и сети партизачек в тылу врага».

В реализации директивы № 2 ЦК КП(б)Б и организации подполья в республике участвовал непосредственно и Мазуров. Основные решения по ее выполнению, по организации работы в условиях начавшейся войны принимались в Могилеве, куда Кирилл Трофимович смог добраться только 28 июня и где после переезда из столицы работало партийно-комсомольское руководство Белоруссии. Позади — дни, полные драматизма. Из Бреста ранним утром 22 июня пришлось уходить через железнодорожное полотно, немцы уже были в городе и шли уличные бои, в том числе и там, где располагался обком партии. На пунктах сбора, куда предписывалось явиться в случае начала войны, — никого, люди выбирались из города под бомбежками кто как мог.

Кирилл Трофимович вначале действовал согласно инструкциям на случай отступления, эвакуации — следовало двигаться через Жабинку на Барановичи, где находились воинские части. Дорога оказалась забитой военной техникой,

автомашинами, людьми, неожиданно в небе появились немецкие самолеты. *«И тут я понял — не умозрительно, как понимал это раньше, а конкретно, с каким страшным врагом имеем дело. Над шоссе появились фашистские самолеты и стали бомбить и обстреливать из пулеметов. Вначале многие растерялись и в недоумении, как бы остолбенев, наблюдали за взрывами бомб, поднимавшими вместе с землей и клубами гари в воздух растерзанные тела. Крики и плач заглушались воем самолетов и бомб, грохотом взрывов. То был настоящий ад, впервые испытанный мною»,* — вспоминал впоследствии Мазуров.

В районе Барановичей — снова налет 30 немецких самолетов. Железнодорожное полотно разрушено. Вспомнился доклад начальника 17-го пограничного Брестского отряда Кузнецова о штурмовых группах диверсантов, в задачу которых входило выведение из строя мостов, дорог, железнодорожных узлов. Что это так, стало известно позже. Действительно, вторая группа диверсантов «Першага штурмавога звяза» все-таки смогла углубиться на советскую территорию к западу от Минска в ночь с 21 на 22 июня и начать действовать в районе Барановичей. Результаты Мазуров увидел воочию.

Пришлось менять маршрут, становилось понятным, что война начинает писать свои инструкции. Кирилл Трофимович вспоминал, что на машине военного, которого чудом удалось заставить на выезде из города, направились в сторону Слуцка, не зная, что в там уже немцы. Когда это поняли, успели свернуть на старую объездную дорогу и обходными путями к утру только 27 июня смогли добраться до Бобруйска. Там вздохнули с облегчением. Наконец попали в обстановку, которая соответствовала военному времени, — все организовано четко: застава, пропускной пункт, рассредоточение техники, регулировка людских потоков, военный патруль на улицах. Это давало надежду, что хаос, неразбериху удалось остановить и все наладится. Узнав в Бобруйске, что партийное и комсомольское руководство находится в Могилеве, с колонной военных Мазуров немедленно отправился туда, в ЦК комсомола.

«Была наивная надежда, что этот кошмар через день-два кончится, что остановится поток людей, двигавшихся на восток. Казалось, что вскоре с востока пройдут стройными колоннами наши войска с грозной техникой и фашистские самолеты перестанут безнаказанно расстреливать на дорогах ни в чем не повинных людей». Но этого не произошло. На восток продолжали двигаться колонны отступающих воинских частей. Те, кому удалось выйти из окружения, рассказывали, какой ценой приходилось сдерживать врага, на что шли люди, чтобы остановить его продвижение.

В немецких архивах есть воспоминания командования об отчаянном сопротивлении бойцов Красной Армии, которая давала отпор врагу там, где была хоть малейшая возможность. По воспоминаниям начальника штаба 4-й немецкой армии Блюментрита, «начальная битва в июне 1941 года впервые показала нам Красную Армию. Наши потери доходили до 50 процентов».

В Могилеве работал ЦК ЛКСМБ. Вместе с секретарями Центрального Комитета комсомола Сургановым и Зимяниным Кирилл Трофимович включил-

ся в работу по выполнению принятого 28 июня постановления ЦК ВЛКСМ «О задачах комсомола Белоруссии в связи с военной обстановкой». Это означало создание молодежных отрядов по борьбе с парашютными десантами и диверсионными группами врага, переход на подпольную работу в районах, захваченных врагом, установление связи с подпольными партийными организациями, подготовку к партизанской войне, диверсиям, агитационной работе в тылу врага и ведение разведки. В Могилеве фактически с 28 июня начинало формироваться подполье из числа молодежи. За подбор кадров для работы в тылу врага отвечал Мазуров. И уже 2 июля 1941 года через линию фронта вместе с активом партийных организаций было направлено 100 комсомольцев, а к 7 июля — из Витебска и Лиозно еще 150 человек (Мазуров К.Т. Незабываемое. Минск, 1987).

Но душа болела не только за дело, за то, как организовать отпор врагу. Кирилл Трофимович ничего не знал о любимом человеке. Аппарат ЦК комсомола переехал в Могилев, но Янины Леонович среди работников не оказалось. Он знал, что перед самой войной ее направили на курсы в Москву. Осталась ли она в столице? Пыталась ли возвратиться в Минск? Это вполне могло быть именно так, дома оставались сестры Виктория и Стася, два брата Роман и Юзеф, отец, мать. А вдруг по возвращении в город угодила в фашистское логово, а она — работник ЦК. Как расправлялись немцы с членами партии, комсомольцами все уже прекрасно знали. Но верить в страшное не хотелось. В неразберихе первых недель войны навести хоть какие-то справки о родных, близких было большой проблемой.

Немцы стремительно наступали, 30 июня фашисты форсировали Березину в районе Бобруйска, затем Днепр, началась героическая оборона Могилева. ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ перебазировались сначала в Витебск и, фактически не останавливаясь, в Лиозно. Но продолжающееся наступление немцев вынудило переехать в Гомель. Там Кирилл Трофимович продолжил работу по формированию подпольных райкомов, горкомов. Ее итог — летом 1941 года смогли перейти на нелегальное положение и начать действовать в тылу врага Гомельский и Пинский подпольные обкомы и горкомы, 15 райкомов, через линию фронта было переправлено 73 кадровых работника для организации комсомольского подполья и около 5 тысяч активистов — для формирования партизанских отрядов и участия в них. Наиболее разветвленная сеть подпольных организаций была создана в восточной части республики — в Минской, Витебской, Могилевской, Гомельской, Полесской областях (Мазуров К.Т. Незабываемое. Минск, 1987).

Это объяснялось тем, что западные территории первыми приняли на себя удар и не смогли организовать центры сопротивления, много людей из числа актива погибло, кто-то эвакуировался. Ситуация осложнялась и тем, что в первые дни войны немцам удалось захватить большое количество документов органов госбезопасности Брестской, Гродненской областей, партийный архив. Это парализовало работу на оккупированной территории агентуры, сформированной на случай войны еще в мирное время. «В начале войны, — вспоминал один из руководителей Абвера генерал Пиккенброк, — командование герман-

ской армии не проявляло интереса к сведениям агентурной разведки, так как в его распоряжении имелось большое количество пленных и трофейных документов, которые достаточно характеризовали положение» (Надточаев В. Военная контрразведка Беларуси. Минск, 2008. С. 157).

Из материалов «Особого сектора».

«Дневник работы ЦК КП(б) Белоруссии» (НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 4; последняя запись 19 августа 1941 г.).

Итог: всего ЦК КП(б)Б направлено в тыл противника для диверсионной работы и в партизанские отряды 235 групп с количеством 3043 человека.

Обкомами КП(б)Б направлено 83 отряда с участием в них 9752 человека.

Всего ЦК КП(б) и обкомами направлено 318 групп и отрядов с участием в них 12 795 человек.

Сохранилась и уникальная карта дислокации партизанских отрядов, диверсионных групп, резидентуры, сигнальной агентуры, конспиративных и явочных квартир. Начато 11 сентября 1941, окончено 11 сентября 1941 г. (НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 710). Она прилагалась к «Дневнику ЦК КП(б)Б», долгое время была недоступна исследователям и свидетельствует о той огромной работе, которая была проведена партийными и комсомольскими организациями по созданию сопротивления в республике в первые недели и месяцы войны. Этот документ опровергает все еще бытующее мнение о том, что их деятельность была полностью деморализована.

Возможно, названные цифры мало что говорят современному читателю. Масштаб той работы, которая была проведена в республике на начальном этапе войны, можно оценить, сравнивая и другую информацию. Подготовка к партизанской борьбе в Белоруссии началась задолго до войны. Еще в 1930-х, после прихода в Германии к власти Гитлера, на случай военных действий (правда, готовились тогда к войне с Польшей) создали сеть законспирированных маневренных партизанских групп и 6 основных отрядов по 300—500 человек — Бобруйский, Борисовский, Мозырский, Минский, Полоцкий, Слуцкий. Их возглавили авторитетные руководители, имеющие опыт ведения военных действий в Западной Белоруссии, в Испании. В лесах подготовили хранилища, замаскированные склады оружия, госпитали, мастерские.

Но в результате репрессий была уничтожена большая часть состава этих партизанских отрядов и их руководителей. Изменение же военной доктрины Советского Союза с оборонительной на наступательную привело к ликвидации созданных на случай военных действий партизанских формирований. Парторганизации в первые недели войны оказались в крайне сложной ситуации. Восстанавливать, вернее, создавать, пришлось все заново.

Непосредственный вклад в формирование подполья на начальном этапе войны внес и Мазуров. Впоследствии факт его участия в организации всенародного сопротивления в республике в первые дни наступления фашистов станет главным аргументом в принятии решения о направлении для работы в партизанские соединения Белоруссии. Многих Кирилл Трофимович знал лично,

сам подбирал надежные, проверенные кадры, на которые мог опереться, и, как показало время, в которых не ошибся. Но это будет позже.

20 же августа 1941 года после ожесточенных боев был сдан Гомель. Некоторое время группа комсомольских и партийных руководителей находилась в лесу севернее Чернигова, пытаясь разобраться в ситуации. Но чудеса не произошло, враг наступал. В соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б «О мерах по усилению связи, обеспечению руководства партийным подпольем, партизанскими отрядами и организации работы среди населения Гомельской, Полесской, Пинской и других областей, занятых противником» от 27 августа 1941 года было принято решение «направить в распоряжение Военного совета 21-й армии и рекомендовать в отдел Политуправления 21-й армии по работе с партизанскими отрядами, среди населения на территории, занятой противником, Гомельской, Полесской, Пинской и других областей, товарищей, близко знающих обстановку, партийное подполье и партизанское движение в этих областях: начальником отдела — тов. Жиженкова Ф.В., первого секретаря Гомельского обкома КП(б)Б; инструкторами отдела — т.т. Вигдорчика В., инструктора оргинструкторского отдела ЦК КП(б)Б; Сыромятникова А.П., секретаря Гомельского обкома КП(б)Б; Мазурова К.Т., первого секретаря Брестского обкома ЛКСМБ. Обязать тов. Жиженкова и направляемых с ним товарищей немедленно установить связь в соответствии с указаниями ЦК КП(б)Б партийным подпольем Гомельской, Полесской, Пинской и других обл., в направлении действия 21-й армии и обеспечить руководство партийным подпольем, партизанским движением и политической работой среди населения на территории этих областей» (НАРБ-Ф. 4. Оп. 3. Д. 1209. Л. 237).

Мазуров с группой товарищей 27 августа поступил в распоряжение 21-й армии. Но продвижение немцев вглубь советской территории продолжалось, отступала и армия, связь с Белоруссией утрачивалась. Затем было окружение и выход из него, участие в боевых действиях уже в составе 1-го батальона 202-го полка 81-й дивизии в качестве разведчика, ранение под Полтавой, госпиталь в Сталинграде и направление на Высшие курсы командного состава Красной Армии «Выстрел» в г. Горький, а после их окончания — назначение комиссаром этих курсов.

В августе 1942 года последовал неожиданный вызов Мазурова в Москву, но не в Главное политуправление, куда должны были по логике его откомандировать и куда он явился по прибытии в столицу, а в Центральный штаб партизанского движения. Предстояла встреча лично с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко, его руководителем и первым секретарем ЦК КП(б)Б.

СОПРОТИВЛЕНИЕ. ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ МАЗУРОВА

Тогда Кирилл Трофимович даже не догадывался, какие споры в первые недели войны разгорелись вокруг целесообразности создания штаба партизанского движения, развертывания партизанской войны на оккупированной фашистами территории. Об этом он узнал много лет спустя, во время беседы с Пономаренко, которая состоялась по его просьбе.

В тот период Мазуров работал над своей книгой «Незабываемое». Встреча датирована 7 мая 1983 года. Как рассказал Пантелеймон Кондратьевич, сторонники и противники такой идеи — военные, чекисты, партийное руководство — активно оппонировали друг другу. Наверное, поэтому дошедшие до нас документы содержат противоречивые сведения. В литературе же военной, научной, создание Центрального штаба партизанского движения подается как вполне логичный шаг в действиях партийного руководства страны в начале войны. Сохранившаяся записная книжка Мазурова с текстом беседы с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко по самым спорным вопросам неоднозначных событий, участником которых он был, многое объясняет. По известным причинам запись беседы с Пономаренко не могла быть обнародована раньше, живы были участники тех событий, да и в обществе сформировано вполне определенное представление о деятельности Центрального штаба партизанского движения. Оказывается, все было очень непросто (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 7,8).

Из текста беседы К.Т. Мазурова с П.К. Пономаренко

7 мая 1983 года, раздел «Истоки неприязни Хрущева к Белоруссии и Пономаренко П.К.» (НАРБ. Ф.1374. Оп. 1. Д. 26).

«Пономаренко. В начале войны, когда по моему предложению (записка Сталину) было решено создать ЦШПД, Хрущев намеревался при поддержке Берии назначить начальником близкого ему человека — уполномоченного НКВД по Украине».

Все вроде бы логично, каждый имеет право предлагать достойную кандидатуру. Но Сталин не просто не согласился с предложением.

«Пономаренко. В начале войны созданные на Украине партизанские отряды возглавляли (в ряде случаев) анархические элементы — «бабки», которые открыто отрицали руководящую роль партийного подполья и при этом пользовались поддержкой Хрущева. По докладу по этому вопросу в ЦК

Сталин устроил «головомойку» Хрущеву, напомнив ему его серьезные колебания в прошлом, принадлежность Хрущева к троцкистам».

Серьезное сопротивление идея создания Центрального штаба партизанского движения вызвала и у Берии.

«Пономаренко. Берия всеми силами старался противиться созданию ЦШПД, пренебрежительно заявлял, что «мушкетеры в лаптях» не могут осуществлять диверсии в тылу врага. Для этого существуют квалифицированные воины и силы государственной безопасности».

Однако для Сталина эти аргументы убедительными не стали, создание штаба партизанского движения он поддержал. Но его деятельность на начальном этапе складывалась непросто.

«Пономаренко. Партизанский штаб был создан, но учрежден пост командующего партизанскими силами, и на этот пост был назначен Ворошилов. А тот привел с собой много генералов-штабников, которые знали военное дело, но не разбирались в том, что такое народная война. Эти военные, как и подобает военным, тут же взялись за планирование всякого рода партизанских операций и руководством всеми партизанскими отрядами из центра. Это было абсурдом: писались и отдавались директивы и приказы, но их никому было выполнять».

Пономаренко, инициатор создания такого штаба и автор записки Сталину, попытался вмешаться, но это привело к серьезному конфликту с Ворошиловым. Он нарастал. Дошло до того, что вопрос вынесли на рассмотрение Политбюро ЦК.

Из записной книжки К. Т. Мазурова.

«Текст беседы с Пономаренко П. К. 7 мая 1983 года» (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 26).

«Пономаренко изложил свою концепцию — полная инициатива партизанских отрядов и оказание им помощи со стороны ЦШПД. Ворошилов настаивал на четком планировании операций в «Центре» и доведении приказов об их проведении партизанским отрядам при поддержке ЦШПД. Пономаренко в качестве аргумента в пользу своего видения привел свежий пример, как смоленские партизаны полностью уничтожили 70 немецких летчиков и несколько десятков самолетов, разгромив воинский эшелон. Никаких приказов они не имели, и никто ими не командовал».

В разговор вмешался Берия. «Если два ответственных руководителя не могут сработаться, надо обоих снять». Сталин сказал: «Тогда придется снять третьего». «Кого же?» — спросил Берия. «Тебя», — ответил Сталин».

После того заседания бюро ЦК пост Главнокомандующего партизанскими силами был упразднен. ЦШПД возглавил Пономаренко, он получил дополнительные полномочия по налаживанию оперативной работы штаба.

В августе 1942 года Мазуров не мог знать о всех перипетиях, спорах и даже интригах, которое происходили вокруг Центрального штаба партизанского движения. Тогда предстояла встреча с Пономаренко и важное партийное задание. Кирилл Трофимович направлялся в Белоруссию на оккупированную немцами территорию для организации партизанского движения.

Из решения Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования от 30 сентября 1942 года.

«Секретарь ЦК ЛКСМБ по кадрам тов. Мазуров Кирилл Трофимович командирован в группу партизанских отрядов Минской, Полесской, Пинской и Барановичской областей со специальным поручением. Срок — до особого распоряжения».

После месяца пребывания в Москве, специальной подготовки Мазуров в октябре 1942 года вылетел в тыл врага. Его позывной «Виктор», под этим именем он будет действовать на оккупированной врагом территории, под этим именем будут уходить в «Центр» его донесения.

Улетал он из Москвы с тяжелым сердцем — все попытки хоть что-то узнать о Янине закончились безуспешно, в ЦК комсомола среди работников аппарата ее не было, кто-то вспоминал, что она в начале войны вроде бы пыталась возвратиться в Минск, кто-то эту версию опровергал. Что с ней стало? Как сложилась ее судьба? Сведения обрывались... Думать о плохом не хотелось. Мазуров был сосредоточен на предстоящем задании. Как его выполнить, не могли подсказать ни инструкции, ни наставления товарищей, уже побывавших за линией фронта, впереди была неизвестность. Кирилл Трофимович понимал, действовать нужно будет по обстановке и в соответствии с принятыми самостоятельными решениями.

О роли партизанского движения в Белоруссии в годы войны много спорили сразу после ее окончания. Дискуссии шли в руководстве страны, в научных кругах, среди военных. Документы, свидетельства участников и очевидцев, мирных жителей позволили тогда сделать неопровержимый вывод — это был подвиг людей, оказавших мощнейшее сопротивление фашистам на оккупированной территории. Но опровергнуть его, как ни странно, попытались почти полвека спустя. Споры о партизанском движении возобновились в конце 1980-х во времена перестройки, распада СССР, периода создания новых независимых государств.

В начале 1990-х на волне популизма и переоценки заслуг советского народа во Второй мировой войне, партизан и подпольщиков многие политики делали себе имя. К большому сожалению, в ряде государств эта тенденция сохраняется и сегодня. В ранг национальных героев здесь стали возводить пособников фашистов — бандеровцев, «лесных братьев», батальоны СС, созданные из числа местного населения, и прочих предателей, которые уничтожали мирных жителей, устраивали облавы и этнические чистки, реализовывая нацистский план геноцида на оккупированных территориях. Партизан же приравнивали к бандитам, которые обирали население и из-за которых немцы жгли целые деревни, расстреливали людей.

Какой была война партизанская? Что происходило в зонах действия партизан, и как население относилось к ним и к так называемым борцам за национальную идею — в подлинных донесениях, шифрограммах, письмах в «Центр» Кирилла Трофимовича Мазурова. Они — реальные свидетельства того, как формировалось сопротивление, какими проблемами жили люди, сражавшиеся в партизанских отрядах, реальные свидетельства деятельности

Мазурова, которая долгие годы укладывалась в казенные фразы — «в период войны находился ..., был представителем Белорусского штаба партизанского движения и ЦК...».

Документы, многие из которых впервые становятся предметом исследования, показывают, что все было очень непросто. Они свидетельствуют, что деятельность партизанских отрядов была разной: был подвиг, массовый героизм, патриотизм, лишения, но имели место трусость и предательство, элементарная неорганизованность, с которой пришлось столкнуться Кириллу Трофимовичу по прибытии на оккупированную территорию. Об этом говорит его первое донесение в «Центр».

Из письма К.Т. Мазурова М.В. Зимянину о подборе кадров для создания подпольных комсомольских организаций в тылу врага. (Датируется по радиограмме К.Т. Мазурова в ЦШПД от 27 октября 1942 г. аналогичного содержания; НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 21. Л. 57).

«Тов. Зимянину. Мы сидим в лесу южнее Альбинск-Любань. В отряде 50 комсомольцев. В большинстве не оформлены подпольные организации. Отрядам нужно оружие, литература и военные в штаб. Это мое частное мнение. Может, суждение строгое, но как военному все здесь «режет глаза». Позарез нужны листовки и всякая литература. Михаил, хороших примеров тоже много, но я тебе этого не дам. Это не главное».

В партизанских отрядах не хватало элементарного и в бытовом плане.

Из первых донесений К.Т. Мазурова в «Центр».

«Живу в лесу, и по ночам уже холодно. Пришлите к зиме что-нибудь на голову и на ноги». «Миша (Зимянин), найди мне сумку или планшет, тетрадей или блокнотов, карандашей, компас, если можно, сапоги, а то эти худые», «О личных нуждах уже писал, но нужны костюмы для Карповича, Денисевича (связные на Барановичском направлении) и что-нибудь теплое. Они выглядят оборванцами».

А еще о нехватке продовольствия, условиях, в которых приходилось жить, постоянно меняя место дислокации. Такие просьбы о теплой одежде для партизан, о нехватке оружия, снарядов, газет, литературы — практически в каждом письме и шифрограммах Мазурова. Читая об этом, особенно понимаешь, какое огромное значение имели акции в советском тылу по сбору для партизан теплых вещей, продовольствия, медикаментов. Но, несмотря на лишения, партизанская борьба ширилась, становилась более организованной.

«Я сейчас почти все внимание уделяю кадрам сети и меньше внимания уделяю пропаганде. Считаю, что нужно сначала иметь людей» — (30 октября 1942 г. НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 14. Л. 99—100).

Такая озабоченность была далеко не случайной. По прошествии многих лет, уже в период перестройки, работая над новой книгой воспоминаний, Мазуров очень откровенно рассказал о той неразберихе, которая происходила во время организации партизанского движения в Белоруссии на начальном этапе. Рассказал он и о недоверии со стороны партизанских отрядов конкретным руководителям, в частности, Василию Ивановичу Козлову, который был назначен командующим партизанскими отрядами всей зоны. Его заместителями

стали Р.Н. Мачульский и батальонный комиссар И.М. Куликовский, начальником штаба — Коновалов. *«Эти решения ЦК КП(б)Б и Центрального штаба партизанского движения были доведены до всех отрядов зоны. Однако восприняты они были в отрядах по-разному. Командование некоторых отрядов не желало признавать власть штаба Козлова. К моему приезду процесс сколачивания соединения далеко не закончился»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 65).

О причинах такого неприятия, о разногласиях с Центральным штабом партизанского движения написал впоследствии в своих мемуарах и легендарный Василий Захарович Корж, руководитель партизанского отряда на Пинщине, созданного в первые дни войны, а затем партизанского соединения. Из-за резких высказываний в адрес некоторых руководителей, которые после войны оказались в руководстве республики, их так и не опубликовали. Они и сегодня хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь.

Из дневника Василия Захаровича Коржа, командира Пинского партизанского соединения.

«Меня как командира весьма интересовал Октябрьский район, поскольку много было разговоров, что там хорошо поставлена боевая работа. Я послал туда свою разведку, через четыре дня она доложила, что в этом районе в полицию не пошло ни одного человека. В каждой деревне отряды живут у себя дома с оружием и все население помогает партизанам. Оказалось, что там с первого дня войны все районное начальство никуда не ушло, а начало работать со всеми людьми. ... Непонятен такой район, который не нарушил приказ Сталина от 3 июля 1941 года. Ведь в те районы, где его не выполнили, ЦК КП(б)Б в исправление этого нестерпимого положения направил людей из Гомеля, Мозыря и других мест. Однако они уже не смогли сыграть той роли, которую должны были сыграть. Часть людей потеряла веру в победу советской власти, колебалась и не знала, что ей делать. Оставшиеся враждебные элементы подняли голову и начали активно действовать».

Тем временем Василий Иванович Козлов, Мачульский и другие, или, как они именовались тогда, — «семерка», продолжали сидеть в глухом лесу. Отряды наши знали, что есть где-то такая «семерка» и что это руководящие партийные товарищи. И не более того. Мы предложили этой «святой» семерке выехать в деревню Загалье, где находились два отряда. Когда члены «семерки» прибыли к нам в штаб в деревню Загалье, то выглядели они далеко не по-боевому: все были нечесаны, небриты, чувствовали они себя в связи с обострившимися заболеваниями довольно неважно. Наши ребята, определив «семерку» на квартиру, стригли, брили и приводили всех в «божеский вид». Вот с того момента «семерка», собственно, и начала общаться с партизанами. А это уже был февраль 1942 года. Василий Иванович Козлов довольно быстро пошел на поправку и вновь освоился в своей руководящей роли, будто ничего и не случилось» (НАРБ. Ф.1440. Оп. 3. Д. 712. Л. 3—63).

Отношения Мазурова и Козлова сразу не заладились. Василия Ивановича раздражала активность только что прибывшего представителя ЦШПД, который напрочь отказался руководить созданием молодежного подполья из «болота», как называли место расположения штаба, попросту говоря, отсиживаться.

«О моем приезде молва разнеслась по отрядам быстро — мол, прилетел старший офицер, воевавший на фронте, с собственной радиостанцией — представитель ЦШПД. Мой авторитет в отрядах значительно вырос после того как я, пробыв в штабе едва ли неделю, сразу же поехал по отрядам, причем без сопровождения, только с порученцем или радистом. Во мне строптивые командиры увидели своего человека, полезного или радистом. Я тут же по радию передавал в Москву в ЦШПД необходимые данные и просьбы» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 66).

И эти просьбы, как правило, удовлетворялись, помощь шла конкретным отрядам, минуя штаб, «болото». С самолетов сбрасывались оружие, пресса, теплая одежда. В отрядах с нетерпением ждали прибытия Мазурова, авторитет и доверие к нему росли. *«Я прибыл в тыл врага «налегке». Поэтому командир отряда Розов Николай подарил мне меховой шлем пилота и теплую куртку. А командир отряда Жора Столяров — кавалерийскую лошадь»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 66). В условиях нехватки буквально всего, от оружия, медикаментов до обмундирования, это был знак особого уважения.

Личные же донесения Мазурова — свидетельства того, что он не просто вникал в ситуацию, информировал о ней «Центр», но и той активной работы, которая велась Кириллом Трофимовичем и его товарищами по привлечению молодежи в партизанские отряды, созданию в них комсомольских ячеек.

«Я решил, Пармон, как секретарь обкома, должен восстанавливать работу в области. Лично ему оал зону: Копыль, Греск, Узда и Слуцк. Красная Слобода. На зону Борисов, Логойск, Плещеницы, Бегамль, Крупки, Холопеничи, Червень определил Кравченко. На зону Заславль, Смолевичи, Руденск, Дзержинск определил Гайдученок. Южные районы буду обеспечивать сам. Воложина посылаю на Минск. Там неблагоприятно. Нордмана на Старобин отправили» (30 октября 1942 г. НАРБ. Ф. 63. Оп.16. Д. 14. Л. 99—100).

Фамилия Нордман впоследствии будет часто встречаться в записках, донесениях, шифрограммах Мазурова в «Центр». Их первая встреча состоялась в октябре 1942 года практически сразу по прибытии Кирилла Трофимовича на оккупированную территорию. Он был наслышан об отваге этого молодого человека, его авторитете среди товарищей, смелых операциях, в которых тот участвовал. Мазуров заочно проникся к нему уважением и об обстановке хотел узнать, что называется, из первых уст. Сам Нордман так вспоминал о первой встрече.

«Передали телеграмму, что вызывает на беседу товарищ «Виктор» — уполномоченный БШПД и ЦК. Из Хворостова до Любаничины дорога не близкая и не далекая, сегодня на автомобиле можно за 2—3 часа доехать. А тогда суток за четверо дошел. По пути — гарнизоны, случались засады немецкие. Знакомые лесные тропы мной исхожены еще в 1941-м. Доложил в штабе Минского соединения. Вышел молодой человек, старше меня лет на восемь. В гимнастерке, пилотке, сапогах. На груди — медаль «За отвагу». Представился: «Виктор». Военная выправка. Стройный, подтянутый. Беседа была

обстоятельной. Его интересовало все, что делается на Пинщине, в Старобинском, Житковичском, Краснослободском, Любанском, Стародорожском, Слуцком районах, то есть там, где я провел 41-й и 42-й годы. Обсудили кандидатуры будущих секретарей райкомов комсомола» (Нордман Э. Штрихи к портретам. Минск, 2003. С. 67).

После беседы мнение Мазурова о Нордмане как об отважном человеке только укрепилось. В «Центр» он писал: «Нордман — геройский парень. Прославился здесь. Он однажды надел немецкую форму, подобрал «полицейских» и в роли «коменданта» разоружил несколько гарнизонов» (НАРБ. Ф. 65. Оп. 5. Д. 2. Л. 49—53).

Но и критиковал за эту самую отвагу.

Из воспоминаний Э.Б. Нордмана.

«Мазуров: — Ты по-прежнему лезешь в бой. Твое дело руководить подпольем, райкомами, а не в атаку врываться! Недоумение с моей стороны. Мазуров. — Да, да. В Пинском соединении тысячи партизан. Есть кому ходить в бой, это не 41-й год. Видит К.Т., что до меня не доходит смысл его упреков, и терпеливо объясняет: — Дурья твоя башка. Представь, что ты погибнешь в бою. С тобой будут утрачены связи, явки, и начинай все сначала. Пойми, ты отвечаешь не только за себя, а за сотни людей» (Нордман Э. Штрихи к портретам. Минск, 2003. С. 67).

А еще Мазуров настоятельно советовал: «Пиши подробный дневник, каждый день пиши». Тогда это казалось странным — война ведь, время ли для записей. Как был прав Мазуров, Нордман убедился много лет спустя, когда встал вопрос о роли партизан, подпольщиков в войне. Как бы пригодились тогда записи о событиях военного периода для восстановления исторической правды и справедливости. Но в 1942 году об этом не думалось. К другим же советам Мазурова он прислушивался особенно внимательно, авторитет его в партизанских соединениях был высоким. *«Партизаны, и молодые, и старые, уважали Мазурова за смелость, отвагу, простоту, ум и добросердечность. Его фронтовой опыт пригодился партизанам. Сотни километров прошел он по тылам врага Минской, Пинской, Полесской и Брестской областей. Он внес весомый личный вклад в организацию подполья и партизанского движения»*, — вспоминал впоследствии Нордман (Нордман Э. Штрихи к портретам. Минск, 2003. С. 67).

А особые отношения Мазурова и Нордмана, переросшие в дружбу, сохранились на долгие годы, они были проверены временем и суровыми испытаниями войны.

Тогда же их совместная работа, работа комсомольского актива с молодежью на оккупированных территориях приносила свои результаты. Буквально через несколько недель после начала деятельности Мазурова в тылу врага письма, шифрограммы содержали уже более оптимистичную информацию.

«Лед тронулся, Михаил. Хотя со скрипом, но организации начинают работать. Во всей бригаде не выходили газеты, сейчас (есть) у многих, в отдельных местах выходят комсомольские. Создаем организации постепенно, проникаем глубже и глубже. Зашевелилась молодежь. Вот пример: в д. Холопеничи Глусского района три комсомолки, Грабко Вера, Евенко Оля, Багданович Еф-

росинья, ведут глубокую разведку. «Нашего Гитлера» (листочка с портретом Гитлера на фоне виселиц, пожаров, убийств) разнесли во все гарнизоны, связаны с отрядом и работают среди гарнизонов «добровольцев» (фашистских формирований «Днепр» и «Березина», состоящих из «власовцев»)» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 14. Л. 100—110).

Много споров в перестроечный период было по поводу роли партизан в организации диверсий, особенно на железной дороге. Возникают они время от времени и сегодня. Утверждалось, что это делали особые отряды, которые забрасывались на оккупированную территорию для выполнения специальных операций. Ответ находим тоже в донесениях Мазурова в «Центр». Такие отряды были, и они регулярно забрасывались на оккупированную территорию, но действовали сообща с партизанскими соединениями.

Из донесения Мазурова в «Центр».

«Мы можем гордиться, что 8/10 всех диверсий на железных дорогах делают комсомольцы. Успешно идет «охотный» промысел. Трое комсомольцев Ливенцева на «охоте» захватили автомашину с немцами и привели в лагерь. «Охотники» бригады Суворова выходят на Варшавку в лаптях, в рванье и в упор расстреливают встречные машины. На Полесье по инициативе комсомольцев Жигаревской бригады успешно применяется метод обстрела поездов. На днях группа комсомольцев обстреляла цистерну (с бензином) эшелон, он полностью сгорел» (НАРБ, Ф. 63. Оп. 5. Д. 15. Л. 104—107).

Была координация действий, но было и непонимание с автоматчиками, так называли прибывшие в тыл отряды для осуществления диверсий, определенная ревность, амбиции.

«Мельниковы решили забрать от автоматчиков. Начались нелады с Пантелеенко. Мельников не пользуется авторитетом у людей, поэтому решили его перевести на оперработу» (НАРБ, Ф. 63. Оп. 16. Д. 14. Л. 100—110).

Речь идет об отряде автоматчиков им. Н.Ф.Гастелло, сформированном в июне 1942 года по решению ЦК КПБ, ЦК ВЛКСМ и Московского комитета комсомола из комсомольцев Москвы. В октябре 1942 года отряд перешел линию фронта и в течение 43 дней совершал рейды по тылам врага из северных районов Белоруссии в южные, достиг Октябрьского района Полесской области и поступил в распоряжение командования партизанских соединений Минской и Полесской областей. Во время рейда отряд совершал диверсионно-подрывные операции и проводил агитационную работу среди населения. В общей сложности по территории республики он прошел сложнейший путь в 1500 километров.

Мазурову пришлось урегулировать конфликт между представителем партизанского соединения Мельниковым и руководителем «автоматчиков» Пантелеенко. Как видно из донесения, решение было найдено. Диверсии же на «железке», на важных для немцев объектах партизаны осуществляли постоянно, это была их основная задача — нанести максимальный урон противнику в тылу врага.

«Мы в декабре ... занимались подрывом поездов. Вся беда в том, что у отрядов нет ни взрывчатки, ни боеприпасов. Положение с боеприпасами тяжелое» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 4. Л. 146—151).

И таких примеров множество. В Национальном архиве Республики Беларусь сохранилось более двухсот записок Мазурова в «Центр», переданных самолетом, через связных. В каждой из них сообщения о диверсиях, налетах на военные объекты фашистов, подрывах эшелонов, фамилии партизан и подпольщиков, названия отрядов и соединений, их подвиги, их провалы, неудачи... Возможно, кто-то найдет в этих сообщениях сведения и о своих родственниках, о том, что происходило в реальности в том или ином регионе оккупированной республики. Письма Мазурова в «Центр» — это бесценные свидетельства военного времени.

Много споров было и по поводу участия мирного населения в сопротивлении. Даже в официальной литературе советского периода пытались представить вопрос так, будто существовал план, так называемый резерв вовлечения в партизанские отряды жителей оккупированных территорий. Исходя из некоторых исследований складывалось впечатление, будто людей туда загоняли силой.

Много лет спустя, находясь на пенсии и работая над воспоминаниями, которые так и не были изданы при жизни из-за безвременной смерти, он писал: *«С весны 1942 года начался массовый прилив в партизанские отряды населения городов и сел республики. Из городов в партизаны уходили рабочие и интеллигенция, из сел, в основном, молодежь допризывного возраста, а также укрывавшиеся военнослужащие — окруженцы. В начале войны по данным Генштаба в действующую Красную Армию вступили примерно миллион белорусов. Но молодежь допризывного возраста осталась на оккупированной территории. Теперь она пошла в отряды. Во многих случаях молодые люди приходили с оружием, найденным в лесах и добытым у немцев и полицаяв»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 69).

Об этом Мазуров писал и спустя несколько десятилетий после окончания войны. Редактируя трехтомник «Всенародная борьба против немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии в период Великой Отечественной войны», Кирилл Трофимович четко расставил акценты в этом вопросе. *«Вопрос о резервах не заслуживает такого внимания, он надуман в Москве. Было бы оружие, а желающих вступить в партизаны было много. В партизанские отряды шло бы еще больше населения, но не хватало оружия»* (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 29. Л. 5).

Массовый приток мирного населения в партизанские отряды подтверждают и донесения военного периода. **Из донесения К.Т. Мазурова в ЦК ЛКСМБ о работе комсомольских организаций в соединениях партизанских отрядов и в подполье Минской, Полесской и Гомельской областей с ноября 1942 года по 7 января 1943 года.**

«В зоне моего действия расположены соединения партизанских отрядов: группа Комарова (псевдоним В.З. Коржа, знаменитого руководителя парти-

занского соединения на Пинцине), группа Капусты, группа Козлова. *Всю работу не назову вполне удовлетворительной, но по сравнению с тем, что было, положение резко изменилось. Показателем для меня в первую очередь служит улучшение дисциплины среди комсомольцев и сильный прилив людей, особенно молодежи, в отряды. Беру на себя смелость заявить о том, что вопрос о резервах партизанского движения разрешен, и главным образом за счет молодежи. Сейчас стоит вопрос об оружии. Будет у нас оружие на 10 000 человек — укомплектуем такую армию из молодежи за месяц»* (НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 4. Л. 146—151).

Но в этом массовом притоке населения таилась и серьезная опасность. Мазуров в своих неоконченных воспоминаниях рассказал об одном эпизоде, который стал очень серьезным уроком для партизан, для штаба соединения. Осенью 1942 года в бригаде отважного командира Дмитрия Гуляева, которая действовала в районе Лиозно, появилась красивая молодая женщина. Она сообщила, что является членом подпольной организации Минска, но бежала из-за преследований фашистов, в городе начались аресты. Гуляев, чья бригада особо докучала немцам, не только поверил ей, но был очарован ее красотой, искренностью, вскоре они сблизились, и до такой степени, что комбриг везде возил ее с собой, доверял все секреты, советовался. А он регулярно посещал штаб на «болоте», принимал связи, при ней планировал операции партизан. Сама же женщина быстро завоевала симпатии буквально у всех, веселая, красивая, доброжелательная.

«К тому времени у штаба уже были связи в Минском подполье и Особый отдел решил проверить через подпольщиков, кто эта женщина. Они сообщили, что никто ее не знает и ее версию не подтверждают. Было высказано соображение, не является ли она агентом немецких служб безопасности — СД, которых готовят в Борисове и направляют в партизаны» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 71).

И эта версия подтвердилась. Когда Гуляев с бойцами ушел на задание, его гражданскую жену пригласили в штаб. На первом же допросе она была разоблачена. Подтвердилась информация и о борисовской школе, там она действительно прошла подготовку, завербована же была в Слуцке, где до войны жила с мужем, командиром Красной Армии. Немцы сообщили ей, что он попал к ним в плен и теперь служит у генерала Власова, перешедшего на их сторону. После чего женщина дала согласие на сотрудничество. На допросе она выдала агентуру. Когда ее связник, который тоже находился в одном из партизанских отрядов, был арестован, он подтвердил информацию женщины, в свою очередь выдал провокаторов в Минске. Это помогло уберечь от беды многих минских подпольщиков. С предателями поступили по законам военного времени.

Гуляев же, когда вернулся с задания, поверить во все это не мог. Даже предпринял попытку освободить жену силовым путем с группой партизан. Чтобы убедить его в том, что все случившееся — правда, потребовалось немало времени и неопровержимые доказательства. Сам он погиб в конце 1943 года — попал в кольцо карательных немецких частей. Чтобы осуществить прорыв, он повел в атаку бригаду против намного превосходящих сил противника. Пар-

тизаны вышли из кольца, командир погиб. Посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза. Попал ли он в западню по наводке возлюбленной или это была месть фашистов за разоблачение своей агентуры, неизвестно. Фактом остается то, что война с партизанами велась ожесточенная и всеми возможными методами.

«Следует отметить, что в период массового прилива населения в партизанские отряды немецко-фашистские разведывательные органы применили в борьбе с партизанами тактику засылки в отряды своих агентов и даже диверсионных групп. В отрядах чаще всего сразу же разоблачали эту вражескую агентуру, но в ряде случаев она наносила большой урон, сообщая карателям дислокацию, связи и пути движения отрядов. Были и террористические акты против командования» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 71).

Тогда же по совету из ЦШПД при штабе Василия Ивановича Козлова была создана, как писал Мазуров, *«контрразведывательная служба: особый отдел при штабе и уполномоченные в бригадах и отрядах. На эти посты подбирались в основном оставшиеся в тылу врага работники МВД, пограничники, присланные с Большой земли, чекисты, просто опытные коммунисты, пользующиеся авторитетом в среде партизан»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 70).

Активно работать начали не только особые отделы. Большое внимание уделялось пропаганде, но катастрофически не хватало литературы, информации с Большой земли. И во всех сводках, шифрограммах просьбы одни: нужны оружие, взрывчатка и... литература. Именно пресса приравнивалась к грозному оружию, не менее действенному, чем патроны и гранаты.

«В наших районах (Полесской области) немцы грабят население беспощадно, но и политическую работу ведут. Наводили все села газетами и журналами. Мы ничего не можем предложить крестьянам. Они хотели бы хоть что-нибудь почитать из Советского Союза, но мало верят партизанам на слово. Нужна литература и взрывчатка» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 5. Д. 2. Л. 49—53).

Беспокоиться было отчего. В июле 1941 года в Генеральном комиссариате Белорутении (так нацисты называли оккупированную Германией территорию Беларуси) начал действовать Главный отдел политики. В его ведение, кроме всего прочего, входили — пресса, радио, кино, библиотеки, вербовка населения. В первые недели оккупации помимо листовок, которые сбрасывались на позиции Красной Армии и распространялись в населенных пунктах, стала выходить газета «Правда». Внешне она ничем не отличалась от привычной советской. Тот же формат, шрифт, но публикации сразу же выдавали немецкую фальшивку. В них распускались провокационные слухи о крахе советского тыла, о пленении сына Сталина, о пленении несуществующего сына Ворошилова. В газете появилось «Письмо русской матери» — крик души якобы матери летчика Николая Гастелло, геройски погибшего на четвертый день войны. По версии газеты, в смерти летчика с немецкими корнями и дворянского происхождения повинны большевики. Рассказывалось, что его семья до войны

подвергалась репрессиям со стороны коммунистов. Все публикации — вполне конкретной идеологической направленности.

Из немецкой газеты-фальшивки «Правда» за июль 1941 года: «Германский солдат жалеет каждого убитого врага и не желает излишнего кровопролития», «Во главе армии свободной процветающей Германии стоит человек из народа, выдвинутый рабочим движением!», «СССР, прикрываясь лозунгом мировой революции, готовил вторжение в Европу. Германия спасла мир от большевизма!»

Написаны статьи убедительно, простым, понятным народу языком. Работали профессионалы. И многие написанному начинали верить, ведь другой информации не было. Значит, и в тылу, и на фронте все так, как пишут немцы.

Кроме того, на территории Генерального округа был организован выход порядка сотни печатных изданий на белорусском и русском языках. Самой многотиражной стала «Беларуская газета» — 70 тысяч экземпляров! В киосках можно было купить и другие издания: «Голас вёскі», рассчитанный на крестьян, «Беларуская школа». Большими тиражами издавалась местная пресса. Наиболее распространенной стала универсальная газета «Новый путь». Выходило более 20 ее местных версий — «Новый путь Бобруйска», «Новый путь Гомеля»...

Журналисты этих изданий тоже пытались писать о понятных читателям проблемах: много полезных советов по земледелию, по бытовым проблемам, календари, молитвы, гороскопы, публиковать которые по идеологическим соображениям в СССР было не принято.

Практически каждое донесение Мазурова в центр заканчивалось просьбой «нужна литература», «перешлите прессу». 11 июля 1941 года настоящим шоком для немцев стало появление в Минске газеты-плаката «Раздавим фашистскую гадину!». Ее начали издавать в первые дни войны в Гомеле, затем на прифронтовой территории и доставлять в оккупированную Белоруссию. В мае 1942 года в Минске в подпольной типографии начали издавать газету «Звезда», наша «Звездочка», как стали звать ее в народе. Но информации катастрофически не хватало, на слово люди не особо верили.

Рукописные партизанские листки, стенгазеты, возвания и даже газеты, журналы. Их начали выпускать практически сразу после организации партизанских отрядов. Явление само по себе уникальное — самиздатовскую прессу противопоставили массивной немецкой пропаганде. Началась война информационно-пропагандистская, психологическая, с большим перевесом в организационно-техническом плане на стороне врага.

Кирилл Трофимович координировал эту работу, в партизанском соединении искали выход. Газеты с Большой земли доставлялись зачастую с большим временным интервалом, в достоверной же информации нуждались не только бойцы, но и население, которое практически находилось в неведении о том, что происходило на фронтах, в тылу врага. Первым изданием, которое взяло на себя функцию пропагандиста и агитатора, стал «Боевой листок». До наших дней их дошло совсем немного. Но в Национальном архиве Республики Бе-

ларусь удалось найти уникальные экземпляры, что дает возможность прикоснуться к подлинным образцам партизанской печати. Бумаги не было, писали на бересте, на обоях, на оборотной стороне фашистских газет. Клише для печати рисунков — из древесной коры, вместо типографской краски — черничный сок. Если повезет — печатали на трофейной машинке. В партизанской прессе не было мелочей, писали, конечно, о боевых операциях, но старались отметить труд и успехи каждого.

Из «Боевого листка» партизанского отряда имени Котовского «Народные мстители».

«Ко дню празднования годовщины организации отряда им. Котовского коллектив портных успешно справился с данным ему заданием, зная, что хорошая одежда поднимает боевой дух бойца».

В боевых листках много сатиры, карикатур, юмора. Казалось бы, война. Кирилл Трофимович так впоследствии вспоминал: «Если ты смеешься над врагом — ты его не боишься!»

Из газеты «За советскую Белоруссию!» партизанской бригады «Спартак» Вилейской области, 1942 год.

Получить хотели немцы
Пироги да пышки.
Вместо пышек получили
Синяки да шишки!

Рождались стихи, песни, которые становились народными.

Один из редакторов «Боевого листка» Алесь Савицкий, впоследствии известный белорусский писатель, так вспоминал об этой странице жизни партизанского отряда: *«Рождались свои песни, которые пели. Я помню песню, которую пели особенно и у нас в отряде «Смерть фашизму», и в «Большевике» пели. Дай бог памяти:*

В темной роще густой партизан молодой
притаился в засаде с отрядом,
под осенним дождем мы врага подождем,
нам спешить, торопиться не надо.
Ни жена, ни сестра нас не ждет у окна,
мать родная нам стол не накроет,
наши села сожгли, наши семьи ушли,
только ветер в развалинах воет.
И летит над страной этот ветер родной,
он считает нам слезы и раны,
чтоб могли по ночам отомстить палачам,
за неволю и смерть партизаны.

Популярность партизанской прессы росла, «Боевой листок» передавали по деревням, буквально зачитывали до дыр. Оккупанты в ответ усилили пропагандистскую работу. В 1943—1944 годах появились новые издания, которые стали выпускать белорусские националистические организации, их еще называли коллаборантскими, — журнал «Беларусь на варце», предназначенный для

белорусских полицейских, молодежное издание «Жыве, Беларусь!», увеличили до 150 тысяч и тираж «Беларуской газеты». Но население не особо ей верило, как и организаторам так называемого национального движения.

Вопрос о коллаборантах, о тех, кто сотрудничал с фашистским режимом, в сообщениях Мазурова стоит особо. Он и сегодня спорный, в ряде новых независимых государств разделил общество на тех, кто оправдывает их, и тех, кто осуждает. В Беларуси тоже был период в начале 1990-х годов, когда пособников фашистов активно стали возводить в ранг жертв военного времени, а тех, кто сотрудничал с немцами, приравнивать к национальным героям, которые использовали фашистский режим для борьбы за национальную идею — создание независимого белорусского государства. Здесь речь не идет о тех мирных жителях, которые, оказавшись на оккупированной территории, вынуждены были работать на предприятиях, в сфере обслуживания, школах, больницах, на селе, чтобы просто выжить. Смешалось все — подвиг и предательство, героизм и пособничество фашистам. Тогда же война многое расставила по своим местам, а у тех, кто защищал свою землю, сомнений в тот период не было, кто враг, кто друг. Об этом красноречиво свидетельствуют донесения Мазурова в «Центр».

«О полиции. Полиция все время пополнялась за счет молодежи. Большая часть из состава ушли по соображениям чисто бандитским, часть одураченных и забранных насильем. Вообще-то это войско препаршивое. Партизаны расправляются с ними беспощадно. Сейчас в полиции появляются пожилые. За счет молодежи пополнения нет, да и вообще пополнения нет. Это такой сброд, что с ними почти незачем работать» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 4. Л. 102—112).

«О добровольцах. «Добровольцы» (соединения «Днепр», «Березина» — формирования из пленных, спасающихся от голодной смерти). Их настроение на нашей стороне, но внутри очень много агентов гестапо. «Добровольцы» пачками переходят в отряды (сдерживает иногда то, что партизаны постреляют), ходят в немецкой форме. Но это войско неустойчивое. Они пишут приветственные письма, когда те их поколотят, в письмах просят газет, листовок. Неплохо будет, если Вы продумаете и сообразите несколько листовок для них» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 4. Л. 102—112).

О «Союзе молодежи Белоруссии». Этот вопрос особенно волновал Мазурова, ведь речь шла о молодежи, которую оккупанты пытались всеми средствами обратить в свою веру и воспитать в духе ненависти к родной стране, любви к Гитлеру-освободителю, внедрить в сознание рабскую идеологию преклонения перед великой немецкой нацией. Агентурные сведения, ответные меры партизан на действия фашистов по вербовке молодежи, свои личные предложения — все это в донесениях Мазурова в «Центр». В них не только озабоченность, но и конкретный план, как противостоять всему этому.

Из радиogramмы К.Т. Мазурова в ЦК ЛКСМБ о создании оккупантами в Минске и Слуцке фашистской молодежной организации. 7 июля 1943 года.

«В Минске и Слуцке противник приступил к созданию «Союза молодежи Белоруссии». Это фашистская организация, ставящая целью воспитание мо-

лодежи в духе фашизма и подготовку диверсантов, шпионов и террористов, охватывает возраст 10—20 лет. Финансируется государством. Подробные данные — первым самолетом. Даем указание всячески срывать комплектование организаций. Посылать в них преданных партии людей для разложения. Убивать и устранять руководителей «СС»-состава. Прошу дать указания и снабдить литературой по этому вопросу». Резолюция тов. Пономаренко: «Тов. Зимянину. Надо обдумать, вопрос серьезный» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 21. Л. 33—34).

Ответные меры в письме К.Т. Мазурова М.В. Зимянину «О борьбе с попытками оккупантов по созданию фашистских молодежных организаций» от 8 июля 1943 года.

«В противовес фашистским мероприятиям по организации СБМ мы пишем листовку и распространяем ее по всем областям. От вас требуется обращение к молодежи Белоруссии от имени ЦК ЛКСМБ или ЦК партии. Бумаги нет, наши возможности ограничены, срочно делайте у себя и посылайте. Мы принимаем против фашистских мероприятий не только комсомольцев, но и парт-организации. Даем указания из населенных пунктов, прилегающих к немцам, буквально уводить молодежь в отряды. Мне кажется, что эта мера будет правильной. Немцы умеют силой загонять людей в свои формирования. Ваше мнение об этом?» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 5. Д. 4. Л. 32—33).

Вопрос на постоянном контроле, информация поступает руководству регулярно, из нее мы узнаем о реальном отношении к профашистским организациям самой молодежи, населения.

Из письма за 16 июля 1943 года: «Дело с фашистскими организациями обстоит так: пока немцы ограничиваются только городами Минской области и то не совсем удачно. В Слуцке открыто применили насилие к молодежи. 2—3 дня назад захватили более 100 человек молодежи и заперли в гетто. Ходят слухи, что среди них ведут вербовку в СМБ. Руководит СБМ Белоруссии (шеф штаба) Михаил Ганько, жеской секцией руководит Абрамова. Что это за звери — неизвестно» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 5. Д. 4. Л. 21—22).

Из радиограммы из Пинской области для П.К. Пономаренко и М.В. Зимянина, 4 августа 1943 года.

«В Полесской и Пинской областях организаций фашистского «Союза белорусской молодежи» пока нет. Активно идет формирование организаций в Слуцкой зоне. По данным комсомольцев-подпольщиков, в Слуцк назначен окружной и уездные руководители СБМ. Немцы усиленно через газету и с помощью листовок агитируют молодежь. Особая работа — вербовка среди интеллигенции (особенно учителей). Завербованным выдают амуницию и денежное содержание. Конспиративно идет подготовка к созданию сети подпольных организаций СБМ, готовятся кадры. Среди актива имеются наши люди. Связь с ними и агентуру будем расширять» (НАРБ. Ф. 3500. Оп. 23. Д. 12. Л. 130; расшифровка).

Результат таких шифрограмм в «Центр», информации, добытой партизанами, разведкой, был вполне конкретный. На их основе готовились доклады высшему руководству страны, где их изучали, выстраивали дальнейшую стратегию действий на оккупированной территории, разрабатывали конкретные операции.

В Государственном архиве Российской Федерации хранятся уникальные документы военного периода — «Особая папка» И.В. Сталина, в которой найдены доклады на имя Верховного Главнокомандующего особой важности. В них — записки Лаврентия Берии, народного комиссара внутренних дел СССР, в том числе и за 1943 год.

Из записки от 29 июля 1943 года товарищам Сталину, Молотову, Антонову. «О создании немцами, а также польскими и белорусскими националистами в оккупированных районах Белоруссии воинских и повстанческих формирований для борьбы с партизанами и оказания сопротивления наступающим частям Красной Армии». Совершенно секретно.

«В Минском, Слуцком и ряде других округов формируется так называемая «Белорусская краевая оборона», в которую мобилизуется все мужское население призывных возрастов. Мобилизация осуществляется путем налетов на деревни, где производятся повальные облавы. Введена система заложников, по которой семьи уклоняющихся от мобилизации отправляются в специальные лагеря. Центральный штаб БКО подчиняется «Белорусской центральной раде» во главе с председателем Островским и генеральному комиссару Белоруссии. В Вилейском и Глубокском округах формируются польские и белорусские отряды «СД». На боевые роты возложены задачи по изъятию семей партизан, отправке населения в Германию, поджогу деревень и прочим репрессиям над мирным населением (Мазуров радировал по этому вопросу 7 июля 1943 г.). (ГАРФ. Ф. Р-9401с/ч. Д. 65. Л. 271)»

И далее — о созданных на оккупированной территории польских бандформированиях за счет мобилизации польского населения с координационным центром в Вилейке. «Банда Душашко-Рими, численность до 800 человек, действующая в Островецком, Сморгонском и Молодечненском районах. Банда Щербца, численность до 700 человек, действует в Ошмянском и Свентяньском районах» (ГАРФ. Ф. Р-9401с/ч. Д. 65. Л. 272).

И таких банд много. Ивенецкий, Столбцовский, Несвижский районы, Барановичская область..., свидетельства, что война велась еще и тайная, и очень ожесточенная, когда удар в спину наносили свои, жгли, убивали, угоняли в рабство, выслуживаясь перед оккупантами.

В записках Берии на имя Сталина читаем: «В г.г. Осиповичи и Бобруйск в феврале с.г. немцами создан «Союз борьбы против большевизма». В его задачу входит борьба с партизанами, организация вооруженных отрядов, «оборонных деревень». В феврале с.г. в Барановичскую область прибыл штаб «Войска Донского», возглавляемый генералом Павловым. Со штабом прибыли «на поселение» 1 и 2 пехотные казачьи полки, общая численность — 1000 человек. В районе Новогрудок, Дятлово казаков расселяют по деревням вдоль коммуникаций, местных жителей выселяют из домов, их имущество остается в распоряжении казаков. В районе Новогрудка в мае с.г. имелось до 6000 казаков, перед которыми поставлена задача восстановить и охранять дороги, а также вести борьбу с партизанами». Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л.П. Берия» (ГАРФ. Ф. Р-9401с/ч. Д. 65. Л. 274).

В записках Берии особо подчеркивалось, что в задачу всех этих формирований «входило ведение агитационной работы среди населения» под ло-

зунгом национальной идеи и борьбы с большевизмом (ГАРФ. Ф. Р-9401с/ч. Д. 65. Л. 273).

Сколь важными были сообщения Мазурова, его товарищей о таких формированиях становится понятным, когда читаешь шифрограммы, а затем и документы послевоенной поры о том, что творили борцы за национальную идею.

Из телеграммы секретаря ЦК ЛКСМБ К.Т. Мазурова в ЦШПД о деятельности украинских националистов, 23 мая 1943 года.

«В Волынской обл. действует отряд украинских националистов. Один отряд в к-ве 300 чел., пришедший с карательными целями против партизан в Яновский р-н, полностью уничтожен партизанскими отрядами им. Лазо и Кутузова. Лукашук Борис, назначенный пинским руководством и командиром отряда им. Суворова, оказался агентом националистов, расстрелял комиссара Михайловского и лучших людей, готовил переход отряда на сторону националистов. Межрайкомом разоблачен и расстрелян вместе со своими агентами. Возглавлялся националистом Бандерой. Материалы — листовки, документы — принесены Проходским и Забелло, находятся у Клещева» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 429. Л. 66).

В своих воспоминаниях «Незабываемое» Кирилл Трофимович приводит и такой эпизод в период его нахождения на оккупированной территории, который его просто шокировал. Осенью 1943 года во время передислокации в пинские леса группы партизан, которую возглавлял Мазуров, пришлось им остановиться в небольшой деревне вблизи Днепровско-Бугского канала. Люди встретили партизан с недоверием, перешептывались, глядя на них, потом один из жителей заявил: «Партизаны не жалеют людей. А ведь мы готовы отдать им все, что имеем». Разговор был не из легких. Оказалось, что в деревню несколько дней назад на тачанках приезжало человек 15, все пьяные, учинили повсеместно обыски, забрали теплую одежду, ценности, убили старосту, хотя им сказали, что назначили его партизаны, угнали свиней. Один крестьянин не отдавал откормленного кабана, тогда у него застрелили корову (Мазуров К.Т. Незабываемое. Минск, 1984. С. 316).

В ситуации разбирались вместе с действовавшим в этих местах партизанским отрядом имени Г. Димитрова. Там уже знали, что от их имени орудовала банда бандеровцев, украинских националистов. Истребительная группа отряда банду догнала, судили их в той же деревне, где они грабили людей. Возмездие настигло, но тех, кто действовал от имени партизан, бросая тень на массовое сопротивление белорусского народа, к сожалению, было немало. Националисты использовались в карательных операциях по уничтожению мирного населения. Как свидетельствуют документы, это была основная задача националистических формирований, действовавших на территории Белоруссии. Немцы не особо стремились запачкаться в кровавых делах.

Из записей Мазурова, блокнот 1948 года, написано карандашом (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 5).

Блокнот, стр. 4. «дер. Бобровичи Телеханского района, сожжена летом 1942 года. Расстреляно и сожжено 1300 чел., осталось 7—8 семей».

Блокнот, стр. 15. «Сожжены в Брестской области дер. Зыбайлы, Житлин, Коречии, Ходаки».

Блокнот, стр. 3. «Зверства немцев. Пинск».

«Д. Милевичи, сожжено 530 чел., д. Березняки 280., д. Морочь — 250. Детей бросали в огонь. На хуторе Раковичи у крестьянина Искрицкого Михаила Ильича сожгли дом, забрали скот, сожгли отца 78 лет и еще 15 родственников, в т.ч. детей от 4 до 7 лет — 5 человек. Всего на хуторе сожгли 316 человек.

В Хворостове сожжены церковь и священник Лойко Иван Семенович, 60 лет. У крестьянина Борисевича Федора Михайловича сожгли 19 человек родни. Лучи — сожжено 100 домов» (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 5).

Сегодня мы точно знаем, что в уничтожении мирных жителей принимали участие националистические формирования, и не только созданные на территории Белоруссии. Долгие годы об их злодеяниях говорить было особо не принято, в СССР уважали национальные чувства и не стремились противопоставлять одну нацию другой, да и поверить в то время, пожалуй, было сложно, что украинцы, литовцы, латыши жгли белорусские села. Все это подавалось как злодеяния фашистов.

Сегодня мы точно знаем — сожженная Хатынь — это 118-й полицейский батальон ОУН (организации украинских националистов) во главе с его начальником штаба Григорием Васюрой. Смиловичи, Слуцк, Могилев — это литовские стрелковые батальоны.

Сегодня мы точно знаем, что карательные операции в Белоруссии проводились полицейскими батальонами белорусских националистов «Самообороны» («Самаховы»), созданными в 1942 году по всей Белоруссии для борьбы с партизанами, «Белорусской Краевой Обороной» (БКА). А еще 1-й Белорусской Гренадерской бригадой СС «Беларусь», 30-й Белорусской дивизией войск СС, сформированной из полицейских формирований и частей «Самаховы». Они уничтожали мирных жителей, проводили свои карательные операции против партизан под гербом «Погоня» и с бело-красно-белыми нашивками на рукаве, присвоив себе право носить исторические символы Великого Княжества Литовского, символы, которые свидетельствовали о борьбе за свободу, а не об уничтожении собственного народа.

Сегодня точно известно, что карательные операции на территории Белоруссии проводили полицейские формирования из стран Балтии, Украины и Польши. Особо зверствовали против белорусских партизан полицаи-латыши, на их счету операции «Зимнее волшебство» — февраль 1943 года, «Праздник весны» — апрель 1943 года, «Генрих» — ноябрь 1943 года. Свой кровавый след по уничтожению мирных жителей республики оставили 15-я латышская дивизия, 4 полицейских полка и 26 батальонов, сформированных из латышей. Свой кровавый след оставили каратели из Украины — разведывательно-диверсионный батальон «Нахтигаль», который действовал в составе немецкого полка «Бранденбург», проводил карательные операции в Брестской и Могилевской областях, Украинская Повстанческая Армия (УПА), созданная Степаном Бандерой. В ее составе находилась дивизия «Галичина», которая проводила карательные операции против партизан и мирных жителей в лесах Полесья, в райо-

не Пинска. Стрелковыми батальонами из Литвы только за один день 14 октября 1941 года было казнено более 2 тысяч белорусов в Смиловичах, в Минске — 1775 человек, в Слуцке — 5 тысяч мирных жителей. 3-й Литовский батальон размещался в Молодечно, еще один в Могилеве. 3-й и 24-й батальоны литовцев принимали участие в операции против белорусских партизан «Болотная лихорадка» в Барановичском и Слонимском районах.

Подводя итог деятельности борцов за национальную идею на территории Белоруссии, Кирилл Трофимович писал: **«Оккупанты, в том числе и националистические формирования, разрушили и сожгли 209 из 270 городов и поселков городского типа, более 9 тысяч деревень, без жилья осталось около 3 млн. живых»** (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 7).

Как видно из донесений, записей Мазурова, тема увековечивания сожженных деревень возникла задолго до Хатыни, она стала еще одной такой деревней, которую обнаружили Мазуров и Тихон Яковлевич Киселев уже в 1960-х годах во время прогулки по лесу. Тогда и возникла идея сделать в республике общий памятник сожженным деревням, погибшим в огне мирным жителям. Меры же националистов действенными не были. Запугать мирное население они не смогли.

Из блокнота о замечаниях по трестомнику «Всенародная борьба против немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии в период Великой Отечественной войны» (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 29. С. 143).

Блокнот, стр. 15. *«В Белостоке немцы создали Белорусский комитет по борьбе с партизанами. Вербуют боевой отряд. Ерунда! Не выйдет. Руководит Имошкевич, отделения в Волковыске и Гродно». И тут же другое сообщение. «Брест. Комсомолка Кравцова Вера выпустила из лагеря 15 пленных. При бомбежке Бреста советскими самолетами пели Интернационал. Расстреляна немцами в мае 1943 года».*

В личных записях есть и другие вполне конкретные оценки «деятельности» так называемых борцов за национальную идею, отношения к ним населения.

Блокнот, стр. 320. «Неправда, что созданная фашистами «Рада доверия» была какой-то действенной организацией, переоценивается и создание «БИР», так же как и батальонов «БКО».

Блокнот, стр. 432. «Переход в партизаны тех, кто порвал со службой врагу, подается как источник пополнения рядов партизан. Это преувеличение, да и неправильно это».

В сообщениях Мазурова есть информация и о провалах, неудачах. *«Нас по городу (Минску) постигла большая неудача. Организация, которая работала на Седова (музыканта), провалилась, человек, который вез питание в город, пойман немцами и все выдал. При аресте остальных хозяин с сыном и радистка бежали, а жена его арестована. Несколько позже арестованы наши люди на станции. Виноградов ходил в город на днях и нарвался — убит»* (НАРБ. Ф. 63. Оп. 5. Д. 15. Л. 104—107).

Есть информация о беспределе, который творился в некоторых отрядах, и который впоследствии стал поводом обвинять партизан в грабежах, мародер-

стве. На этой теме активно спекулировали в перестроечный период, звучит она и в работах тех, кто сегодня пытается переписать историю.

Из шифровки К.Т. Мазурова, вх. №2928, «Совершенно секретно», 4 июня 1943 года, 14 часов 35 минут, воспроизведение копий воспрещается. Тов. Калинин для Зимянина.

«Бригады Шестопалова и Еременко после вылета руководства работают плохо. За месяц на счету имеют только около 10 взорванных эшелонов и около 15 убитых гитлеровцев. Усилились пьянки, мародерство, самочинные расстрелы в первую очередь среди командного состава и особенно в бригаде Еременко. Шестопалов, оставленный за командира соединения, не в силах исправить положение. Ему явно не подчиняются. Целесообразно поставить вопрос перед тов. Пономаренко и Калининным о самой срочной отправке в тыл тов. Варвашиени. Мазуров» (НАРБ. Ф. 3500. Оп. 23. Д. 7. Л. 27).

Не всегда в партизанских отрядах соглашались и с указаниями Центрального штаба партизанского движения, не всегда считали их правильными и уверенными, полагали, что в них не учитываются возможности и обстановка. Но приказы надо было выполнять, непродуманные указания ЦШПД порой приводили к неоправданным жертвам. Редактируя трехтомник «Всенародная борьба против немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии в период Великой Отечественной войны», Кирилл Трофимович с горечью замечал: «5 ноября 1943 года был приказ ЦШПД «О разгроме гарнизона противника г. Лепель». В результате ожесточенных боев партизанские соединения понесли большие потери и не смогли взять г. Лепель. Описывается это событие с позитивных позиций. Но фактически приказ был ошибочным. Партизанам, не имевшим никаких штурмовых средств, было приказано взять крупный укрепленный пункт врага, вооруженного артиллерией, танками, авиацией. Это было отступлением от партизанской тактики, и закончилось оно плачевно» (Блокнот К.Т. Мазурова. НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 29).

Были и откровенные упреки в адрес тех руководителей партизанского движения, которые больше заботились о личном благополучии, а потом вдруг стали героями.

Из письма Василия Захаровича Коржа Алексею Ефимовичу Клещеву, Председателю Совета Министров БССР (1948—1953), написанного ему в 1950-х годах в бытность, когда ряд руководителей республики попытались рассказать о своей роли в партизанской войне.

«Как только началась война, ты, Алексей Ефимович, не дожидаясь того, что тебе скажет партия, в охапку схватил свою семью, погрузил на машины и со всем скарбом неорганизованно уехал из Пинска. Лишь после выступления Сталина 3 июля 1941 года партия «отловила» тебя и направила на укрепление отряда честнейшего человека, секретаря Пинского обкома партии Шаповалова и других товарищей. Но ты сам по себе так ничего и не организовал, а просидел у батьки своего в склепе и партийное задание не выполнил.

У нас с тобой, Алексей, мундиры одинаковые. Но я-то свой получил после долголетней борьбы с врагом за Советскую власть, после неоднократного выполнения боевых заданий. И в душе теперь чувствую, что мундир этот я все-таки всей своей нелегкой жизнью заслужил. А вот ты за год пребыва-

ния (1943—1944) на «боевых позициях» в тыловой гостинице «Москва» хорошо оформился — генерал, герой, секретарь обкома. Правда, фрица живого на мушке, Алексей Ефимович, ты по-настоящему так и не видел. Ну, да ладно. Бог тебе во всем судья» (Смирнов Н. Генерал Корж. Известные страницы. Минск, 2014. С. 506)

В воспоминаниях, дошедших до нас записях Кирилла Трофимовича часто подчеркивается мысль о том, что партизанское движение — это не только диверсии и открытые столкновения в бою. Это серьезная агентурная работа, разведка, перевербовка противника. Этим активно занимались в партизанских соединениях, эту работу курировал Мазуров с товарищами, лично сам принимал участие в таких мероприятиях. Помогла дружба с военными разведчиками, прибывшими вместе с ним на оккупированную территорию, — представителями Разведуправления Генштаба. Кирилл Трофимович запомнил их как Виктора, Юрия и Николая. На «болоте», в районе дислокации штаба Василия Ивановича Козлова, они развернули разведцентр, располагающий мощной радиостанцией.

Как стало известно уже в ходе сотрудничества с разведчиками, он оказался крупнейшим в западном регионе, который действовал на оккупированной территории. О том, какие задачи он выполнял, пожалуй, впервые мы узнаем из неопубликованных воспоминаний Мазурова. *«Здесь получали шифрограммы от наших разведчиков, действовавших в западноевропейских странах, в том числе на территории Германии, и передавались эти шифрограммы в Разведуправление в Москву. В разведцентре работало несколько девушек-радисток, входивших в подчинение Виктора. Николай и Юрий занимались другим делом. Они принимали агентов и связников, прибывавших из Западной Европы, инструкторовали их и отправляли обратно на места их работы, а также переправляли в логово врага разведчиков, прибывавших из Москвы. Разведцентр строго охранялся. Там всегда было оживленно, но посторонних никого не допускали. Я для работающих в центре не был посторонним, как-то сошелся с разведчиками, мы подружились»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 66).

Но даже Мазурову они никогда не называли своих подлинных имен, а если рассказывали об успешно проведенной операции, восхищались чьим-то подвигом, то и тогда не называли ни место, где все произошло, ни имя героя. *«Работая рядом с этим центром, и сам занимаясь подпольем в городах оккупированной Белоруссии и немецких гарнизонах, я тогда впервые узнал, какие отважные люди военные разведчики, как умно они работают, каким подвергаются опасностям, и восхищался этими людьми»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 66).

Кирилл Трофимович не только восхищался классной работой профессионалов. Но и советовался с ними, многое перенимал — продуманность до мелочей каждого шага, собранность в экстремальных ситуациях, которых было немало, доскональное изучение слабых и сильных сторон противника, уязвимых мест. Вскоре и сам Мазуров вместе с товарищами провел успешную операцию по перевербовке противника.

В архиве Мазурова сохранился ранее неизвестный документ: письмо на его имя из Братиславы, датированное 3 августа 1971 года. Оно за подписью словацких ветеранов войны. Но называли они себя в нем почему-то белорусскими партизанами. *«Мы, бывшие белорусские партизаны бригады №125 Копаткевичского района Полесской области, шлем вам из Тренчина по случаю вручения советских наград через Генерального консула СССР тов. Деева наш самый искренний и горячий привет».* Но почему солдаты из Словакии оказались белорусскими партизанами, за что были удостоены советских наград, и что произошло на территории Белоруссии во время войны? В письме — только общие сведения. *«Еще жив в нашей памяти день, когда 11.11.1942 г. произошел первый массовый переход бывших словацких солдат на сторону белорусских партизан. Это были отношения взаимопонимания и наша твердая уверенность в победе над общим врагом — фашистской Германией».* Какую роль сыграл в этом Кирилл Трофимович Мазуров, ведь письмо через много лет адресовано именно ему?

Из донесения в «Центр» от «Виктора». Совершенно секретно. Ноябрь 1942 года.

«Поступили агентурные сведения о готовности словаков и чехов перейти на сторону партизан» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 4. Л. 102—112).

Каков был ответ «Виктору» из «Центра», неизвестно. Но сохранившиеся последующие донесения Мазурова свидетельствуют о том, что указание работать с ними по привлечению на сторону партизан, поступило.

«Словаки и чехи. Этих довольно много. Симпатизируют партизанам, помогают разведкой, иногда по приказу командования ходят в операции на партизан (и последние их бьют), помогают семьям партизан (возят дрова, помогают в поле и т.д.). Полицию не любят, презирают, запрещают гулять с девушками, а иногда умышленно объявляют партизанами и бьют. Во что бы то ни стало нужны листовки. Связи у нас с ними есть, главным образом с комсоставом. Солдаты готовы идти с нами, но не верят в нашу победу, не верят, что стоит Москва, что есть чешская армия» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 4. Л. 102—112).

Что же произошло осенью 1942 года? Известно, что с июля немцы вели наступление на Сталинградском направлении, их цель — захватить центральные районы СССР и открыть путь на Кавказ к богатым нефтяным месторождениям. Бои шли ожесточенные. К Волге через Белоруссию по железной дороге непрерывным потоком шли из Германии военные эшелоны с техникой и живой силой. Особенно интенсивным движение было по направлению Брест—Гомель—Харьков.

Из Центрального штаба партизанского движения руководству белорусского сопротивления поступило распоряжение любыми средствами блокировать продвижение составов к Сталинграду. План военного командования СССР — лишить немецкие войска подкрепления, заставить их увязнуть в оборонительных боях, а затем окружить и уничтожить.

В мемуарной литературе, особенно советского периода, можно встретить много бравурных воспоминаний о том, что на территории Белоруссии развер-

нулась настоящая рельсовая война, диверсии на железной дороге осуществлялись постоянно, проводились крупномасштабные операции. Крупномасштабная рейсовая война действительно велась, но не все было так однозначно. В неоконченных воспоминаниях Мазурова, которые существенно дополняют картину происходящего, рассказывается, как непросто было переиграть противника, охранявшего железнодорожное полотно так, что мышь не пробежит незамеченной. Требовалась тщательно разработанная до мельчайших деталей операция.

В разработке одной из таких операций по подрыву моста через реку Птичь на Гомельском направлении принимал участие Мазуров. Он же участвовал и в ее осуществлении, входил в состав штурмовой группы. Планировали все особенно тщательно, охрана моста постоянно усиливалась, в ее распоряжении имела артиллерия.

Эта операция впоследствии вошла в учебники по военной тактике как пример того, как в условиях непрекращающегося прицельного огня фашистов удалось осуществить минирование моста и его подрыв. Тогда казалось, как вспоминал Кирилл Трофимович, не было возможности даже поджечь бикфордов шнур. Но действия четырех созданных групп, штурмового отряда были так согласованны, что операцию удалось осуществить успешно и выполнить приказ командования. В результате подрыва моста движению фашистских эшелонов парализовали на 18 суток.

По прошествии многих лет успех в организации и проведении операции стали приписывать себе многие, в том числе Минский обком партии и лично Василий Иванович Козлов. В неоконченных воспоминаниях Мазуров писал: *«В действительности идею подали партизаны-подрывники, постоянно «работавшие» на этой магистрали. Идея взорвать железнодорожный мост на реке Птичь родилась в штабе Минского соединения в то время, когда В.И. Козлов находился в Москве на отдыхе. Он, естественно, никакого участия в разработке операции не принимал. Об этой идее было сообщено ЦШПД. Там она была одобрена. Из Москвы была доставлена взрывчатка и другие необходимые материалы»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 79)

Предстояло осуществить еще одну не менее важную операцию — взорвать мост через реку Бобрик на участке Житковичи—Калинковичи, тоже на Сталинградском направлении. Ее охраняли словаки.

Ситуация сложная, полотно практически неприступно. Взвесив все «за» и «против», решили действовать другими методами — перевербовки противника, тем более что разведка доносила о лояльности словаков к партизанам. После проведенных мероприятий по установлению контакта с руководством словацкого полка 8 ноября 1942 года в условленном месте в районе железнодорожной станции Копцевичи состоялась встреча Мазурова и руководителей партизанского соединения Мачульского и Бельского с начальником штаба словацкого полка капитаном Яном Налепкой. Его удалось убедить в необходимости совместной борьбы против фашистов. Сам Ян в этом не сомневался, но высказал сомнение, зная общее настроение словаков: *«Солдаты полка не любят*

фашистов, но и не верят в победу советского народа. Они выполняют приказы, охраняют дорогу от партизан потому, что боятся за своих близких в Словакии».

И снова донесение в «Центр».

«У нас крепкая связь налажена со словаками. У нас находятся человек 25, перешедших с оружием. Будут переходить еще. С командованием словаков у нас договоренность, что в случае, если будут посылать на фронт, они приведут всех к нам. Но с рядовыми нужно сильно работать. Я толковал со словаками. Понимают и радуются» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 5. Д. 13. Л. 27—29).

Убедить Яна все же удалось, совместно разработали ход операции по подрыву моста, придумали и легенду для перехода словаков на сторону партизан — провели несколько операций в районе железной дороги, в результате которой они были якобы взяты в плен. Сначала таким образом перешел один взвод. Затем другой.

Но главная помощь словаками была оказана в осуществлении подрыва моста — Ян Налепка увел патруль с того участка дороги, где предполагалось его минирование. Словаки начали стрелять только после взрыва. В этот момент на сторону партизан успела перейти еще одна группа словацких солдат — 20 человек. В результате такой помощи операция прошла бескровно, а движение по стратегически важному направлению было остановлено на неделю.

Готовился переход остальной части словацкого полка. Начальник штаба Ян Налепка все продумал, но фашисты имели свою агентуру среди словаков и планы явно разгадали. В назначенный день перехода на сторону партизан полк неожиданно подняли по тревоге и перебросили на участок дороги Мозырь—Овруч, где его расформировали. Ян Налепка все же смог перейти на сторону партизан, только уже украинский, погиб в бою, посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

О подвигах словацких партизан на белорусской земле еще многое не рассказано, как не рассказано и о том, какую роль сыграл Мазуров в их переходе на советскую сторону. Долгие годы эта страница его деятельности оставалась неизвестной, возможно, потому, что сам Мазуров не видел в этом ничего особенного — это было продиктовано реалиями той военной обстановки. Но сколько понадобилось выдержки, настойчивости, дипломатического таланта Мазурова, умения убеждать, осуществлять разведывательно-вербовочные мероприятия, чтобы не только выполнить задание командования, но и дать возможность людям реализовать свои патриотические чувства, пусть даже и на территории другого государства.

«Словаков определили в бригаду А.А. Жигаря. Я побеседовал с ними. Это были молодые парни. Мобилизованные в словацкую армию, а затем волей фашистских властей откомандированные в распоряжение вермахта на охрану тыла. Большинство — молодые рабочие. Все грамотные, неплохо разбирались, кто их друг, а кто их враг. Можно понять, с какой сердечной теплотой и вниманием мы приняли в свои ряды молодых словаков. Зная, что фашистские власти могут применить репрессии к их родным, они все же пришли к нам, чтобы с оружием в руках бороться против общего врага».

Как сражались белорусские партизаны и словацкие солдаты, красноречиво говорится в их письме 1972 года. *«Братский прием нас в ряды белорусских партизан, любовь советского народа к народам Чехословакии, Ваше внимание и забота партизанских командиров и политруков были для нас воодушевляющей силой в совместной борьбе против гитлеровских оккупантов за освобождение Вашей и нашей Родины»*. Под ним подписи однополчан — за живых Ян Микула, Эмил Иелзигорски, Ян Славик ... и за павших. Список погибших большой. Первым значилось имя Яна Налепки.

Этот подвиг запечатлел народный художник Беларуси Михаил Савицкий в картине «Переход словаков к партизанам», которая экспонируется в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны. По тем событиям киностудия «Беларусьфильм» совместно с чехословацкими кинематографистами в 1970-е годы сняла фильм «Завтра будет поздно». В феврале 1974 года большая премьера состоялась в Москве. Какие чувства испытывал Кирилл Трофимович? Несомненно, вместе с героями переживал те события и время.

Тогда же совместные действия белорусских партизан и словацких солдат сыграли свою роль в исходе Сталинградской битвы — 24 февраля 1943 года фельдмаршал Паулус объявил о капитуляции и сдался в плен, с ним капитулировали 24 немецких генерала.

Партизанская борьба велась разными методами, и вопреки расхожему представлению только о боях и сражениях, входила дипломатия, активно работала партизанская разведка, использовались методы перевербовки противника. Это позволило провести немало успешных операций и сохранить человеческие жизни. Партизанская борьба велась, как это ни странно звучит, и за то, чтобы крестьяне могли посеять, вырастить и собрать урожай.

Из донесения К.Т. Мазурова в «Центр» от 18 августа 1943 года.

«Обстоятельства потребовали, чтобы я на несколько дней заехал к поляшкам (партизанам Полесья) и минчанам. Главными вопросами нашей работы сейчас являются: а) охрана урожая, б) рельсовая война, в) сохранение народа от уничтожения немцами» (НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 4. Л. 261).

Речь идет о выполнении постановления ЦК КПБ «Об урожае 1943 года». Подпольным партийным и комсомольским организациям, партизанским отрядам и соединениям предписывалось оказывать крестьянам помощь в уборке урожая, надежно прятать убранный хлеб, истреблять гитлеровские команды заготовителей хлеба, сжигать заготовительные пункты, нападать на транспорты с хлебом, а хлеб возвращать крестьянам, срывать все попытки оккупантов заполучить урожай 1943 года.

И дальше — донесения в «Центр» о том, как удалось отбить у немцев обоз с зерном, машину с маслом и яйцами. Борьба за хлеб, продовольствие была сродни самым важным боевым операциям, на кону стоял вопрос о выживании населения, нужно было не допустить голода.

В перестроечный период появились работы некоторых исследователей, в которых рассматривался вопрос об организации ведения хозяйства на оккупированной территории. В них чуть ли не в заслугу немцам ставилось то, что

они сохранили колхозную систему, создали в некоторых районах рай для жителей во время войны.

Известно, что сельскохозяйственные кооперативы были организованы во многих регионах, но действовали они вовсе не в интересах мирных жителей, немцам нужно было кормить свою армию, на оккупированной территории они реализовывали план обращения людей в рабство с целью обслуживания их интересов. Достаточно вспомнить высказывания министра земледелия Германии Дарре. Характеризуя политику в оккупированных районах, он цинично заявил: *«Земля завоеванных нами стран будет распределена между солдатами, которые особенно отличились, и между образцовыми членами национал-социалистской партии. Таким образом возникнет новая земельная аристократия. У этой аристократии будут свои крепостные — местные жители... На всем восточном пространстве только немцы имеют право являться собственниками крупных имений. Страна, населенная чуждой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных батраков и промышленных рабочих»* [Центральный музей Советской Армии (ЦМСА). Документальный фонд. Инв. N4/27028].

Вполне конкретные задачи по выкачиванию ресурсов на оккупированных территориях отводились вермахту. В протоколе заседания штаба «Ольденбург» от 2 мая 1941 года было записано: *«1. Война может продолжаться только в том случае, если в 3-м военном году все германские вооруженные силы будут обеспечены продовольствием за счет России. 2. Десятки миллионов людей будут обречены на голодную смерть, если мы не извлечем из страны все необходимое для нас»* (Безыменский Л. Германские генералы с Гитлером и без него. Москва, 1964. С. 197).

Ответ содержится и в воспоминаниях Мазурова — очевидца событий.

Из блокнота К.Т. Мазурова.

«Говорят, что оккупанты сохранили колхозную систему, и ничего не говорят о том, что они превратили колхозы в латифундии немецких землевладельцев и фашистского государства» (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 29).

Такой была партизанская война глазами Кирилла Трофимовича Мазурова, таким он был на той войне. *«Мне нельзя приписать некое пристрастие или необъективность в характеристике партизан как воинов. Я сражался на фронте и, хотя это было в первый период войны, когда мы отступали, я считаю свою фронтовую службу главным периодом в своем боевом служении Родине в трудную годину войны. Но я отдаю должное партизанам и старался быть таким же, как они, нетребовательным к условиям жизни и быта, отважным в бою, презиравшим смерть воином-романтиком»* (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 74).

В своей книге «Незабываемое» Кирилл Трофимович много писал о подвиге, о конкретных людях на той страшной войне. В неоконченных воспоминаниях он старался переосмыслить то время, в них — откровенные суждения, которые стали возможны в конце 1980-х годов. Перестройка, при всех ее минусах, позволяла освободиться от определенных стереотипов в оценках исторических событий. Она же позволила домыслам, бездоказательной информации обрести статус чуть ли не официальный. Мазуров, судя по его суждениям, занял новую

оборону в защиту партизан, теперь уже в идеологической борьбе против негативных высказываний в их адрес.

«Солдат на фронте боялся смерти и думал, если уж не минует его вражеская пуля или осколок снаряда, то пусть бы только ранило, а не убило. По-иному думал партизан. Он понимал, что, будучи раненым в бою, особенно если тяжело, он обречен на мучительную смерть. И кроме того, раненый, он становится обузой для своих боевых товарищей, которые, конечно, не бросят его, будут таскать с собой, будут ухаживать за ним в условиях чрезвычайных, когда нет постоянного, а иногда и никакого жилья, когда нет налаженного питания, никаких лекарств и просто нет возможности уделить внимание раненому, ибо надо постоянно передвигаться, по лесам, болотам, ведя бои с карателями. Эти обстоятельства во многом формировали характер партизана, воспитывали волю, мужество, презрение к смерти в бою» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 74).

А в защиту их подвига — вновь донесения того периода, которые уже после войны Мазуров воспроизводит, редактируя трехтомник о Великой Отечественной войне, готовя рукопись своей книги «Незабываемое». В каждом сообщении — анализ ситуации, четкий, лаконичный, конкретные операции, боль утрат, гордость за успехи, за товарищей.

Из записной книжки К.Т. Мазурова за 1945 год (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 5).
«Брест. Партизаны убили в боях — 1230, под откос — 228, авто — 49, 25, 5 км связи, 78 мостов, 1720 рельсов.

Барановичи. Партизаны. 130 групп подрывных, 150 охотничьих, 394 эшелона, 10 000 рельсов, 600 автомашин.

Могилев. Партизаны. 250 групп, 600 эшелонов, 78 ж-д мостов».

Из интервью Кирилла Трофимовича Мазурова корреспонденту «Комсомольской правды» от 19 сентября 1987 года: *«Около трех тысяч подпольных комсомольских организаций действовало на территории Беларуси. Вдумайтесь: три тысячи «молодых гвардий». Были подпольные обкомы, райкомы комсомола. Секретарей тогда не избирали — назначали. Кадров изучали по принципу: коммунист? комсомолец? как относится к Советской власти? как воюет? Так называемые собеседования — короткие встречи, часто глухими ночами в глухих местах. Ошибки были минимальными. На войне год службы засчитывался за два неслучайно. Характеры человеческие проявлялись во весь рост. Недаром до сих пор говорят: ты бы с ним в разведку пошел?»*

20 сентября 1943 года в ЦШПД ушла радиограмма Мазурова на имя П.К. Пономаренко.

«Пономаренко. Благодарю Советское правительство и Центральный Комитет партии большевиков Белоруссии за высокую награду и присвоение звания. Отдам все силы на дело освобождения Родины от гитлеровских мерзавцев» (НАРБ. Ф. 3500. Оп. 23. Д. 16. Л. 1398).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 года Кирилл Трофимович Мазуров за развитие партизанского движения в Белоруссии был награжден орденом Красного Знамени. Приказом Верховного Главнокомандующего ему было присвоено очередное воинское звание — подполковник.

Из «Центра» пришло и еще одно очень важное для Мазурова сообщение: Янина Леонович жива и приступила к работе в Центральном штабе партизанского движения, ее разыскивали товарищи из аппарата Центрального Комитета комсомола республики, который на тот момент работал в Москве. Она занималась подпольными комсомольскими организациями, действующими в тылу врага, комплектованием и отправкой специальных групп комсомольцев за линию фронта, их экипировкой, устройством раненых партизан на лечение. Для Кирилла Трофимовича, как он вспоминал впоследствии, это было, пожалуй, одно из самых важных сообщений за весь период пребывания в тылу врага.

СНОВА МОСКВА

В октябре 1943 года в соответствии с распоряжением Центрального штаба партизанского движения Мазуров откомандировывался в Москву. Его там ждали, опыт организационной работы на оккупированной территории, знание ситуации, проблем, на которых необходимо сосредоточиться, в Центре были очень важны. Секретарь ЦК комсомола Михаил Зимянин торопил. *«Ты не задерживайся долго. Надо тебе скорее в Москву. Взлетай с любой площадки»*, — писал он в шифрограмме в начале октября (НАРБ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 4. Л. 291).

Но Мазуров оставался верен себе — ответственность перед товарищами, выполнение задач, поставленных ЦК партии и штабом партизанского движения перед подпольем, были превыше всего, даже, как он вспоминал впоследствии, страстного желания выспаться в чистой постели, принять душ, выпить горячего чая и других обыденных вещей. Всего этого люди были лишены в партизанских отрядах. Кирилл Трофимович телеграфировал Зимянину, что улететь пока не может, «не все сделал, что наметил», и вместе с радистом, группой автоматчиков-гастелловцев, которые продолжали выполнять диверсионные операции в глубоком тылу врага и с которыми у Мазурова сложились доверительные товарищеские отношения, отправился в самое дальнее западное партизанское соединение — Брестское.

Необходимо было довести до актива последние директивы Центра, решить кадровые вопросы — подобрать резерв на случай освобождения южных районов республики и перехода на легальную работу. Красная Армия приближалась к ее границам. Из Минского партизанского соединения до западных областей сотни километров, дорога проходила по глухим лесам и полесским болотам, где-то шли сами, где-то встречали проводники. Опасных переходов

было немало. Приходилось преодолевать хорошо охраняемые дороги и железнодорожное полотно, а оно контролировалось особенно тщательно, принимать быстрые решения в ситуациях, когда столкновение становилось неизбежным и когда распрощаться с жизнью можно было в любой момент.

Впоследствии Кирилл Трофимович вспоминал, как при очень опасном переходе через железную дорогу в районе станции Дрогичин они обозначили себя совершенно нелепым образом — кто-то из группы споткнулся, и автомат стукнулся о рельсы. Немцы подняли тревогу, пришлось затаиться в придорожной полосе. Но и это было еще не все. Когда уже переползали железку, оказалось, что радист потерял рацию. Оставить ее — значит сделать неоценимый подарок немцам. В условиях, когда охрана прочесывала полотно, кругом стояла стрельба, отряду пришлось возвращаться, в потемках ползать по рельсам, наощупь искать рацию, найти ее и ползком добираться до спасительных кустов, до которых оставалось каких-то метров пятьдесят. Но тогда этот путь показался вечностью.

Даже не страх, а холодный ужас от осознания последствий такой встречи с фашистами охватил уже потом, когда они оказались в районе пинских лесов в отряде имени Щорса. Он славился не только своими дерзкими операциями по подрыву железных дорог, смелыми налетами на важнейшие стратегические объекты немцев, но и образцовым порядком, строжайшей дисциплиной. А еще тем, что здесь с особым вниманием относились к местным жителям, защищая их от врага.

На островах в районе Споровского, Черного и Белого озер были оборудованы семейные партизанские лагеря. В Брестской области в них находились свыше 35 тысяч мирных жителей, они не только сражались с врагом, но и смогли организовать относительно нормальные условия для жизни людей. Здесь работало 19 школ, были пионерские дружины, художественная самодеятельность, мероприятия по сбору ягод и грибов, лекарственных трав, то есть все, что помогало облегчить жизнь в условиях изоляции, и то, что так волновало Мазурова. Практически все его указания комсомольскому активу содержали настоятельные рекомендации о необходимости организации школ в партизанских отрядах, обучения молодежи. Как это работало, он видел теперь на примере конкретного партизанского отряда.

Зимянин настаивал на возвращении в Москву. «Вылетайте ближайшим самолетом», — телеграфировал он из Москвы Мазурову. 27 октября Кирилл Трофимович направил последнюю шифrogramму с просьбой утвердить состав Брестского обкома комсомола, а также о скорейшей переброске в Брестскую область боевых партизанских бригад из восточных областей. В западных регионах подполье было сформировано позже всех остальных в Белоруссии, так как они наиболее пострадали в первые дни, месяцы войны, погибло много партийных и комсомольских кадров. Наступление Красной Армии стремительно приближалось к границам республики, нужна была сильная поддержка и со стороны партизан Пинского соединения.

В ночь на 31 октября с лесного партизанского аэродрома в 30 километрах от Кобрина, фактически из фашистского логова, Мазуров вместе с радистом вылетал в Москву.

В одном из его блокнотов есть такая запись: *«Если говорить о наиболее тяжелых испытаниях войны для меня лично, то это был период август—октябрь 1941 года, когда наши неудачи на Юго-Западном фронте обернулись трагедией. Крупная группировка наших войск попала в плотное кольцо, окружение. Бои при выходе из окружения были наиболее тяжким периодом для меня из всей войны. Но вышел я из тех испытаний, несмотря на контузию и ранение, живым, с партийным билетом в кармане кителя и даже с трофейным автоматом»* (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 7).

Память о тех годах Мазуров хранил всю жизнь. Она — не только в его воспоминаниях, но и стихах, которые, как вспоминали его односельчане, близкие, он писал с детства:

Я не могу не помнить грозы,
Что прогремели в ту войну,
Друзей, чей прах хранят березы,
За нас отдавших жизнь свою,
Стоявших насмерть в ночь и в полдень
В густом пороховом дыму.
А вспомнят их или не вспомнят —
Волнуюсь я, им ни к чему.

Лист 23
"Сюсс". Она выделяет те места доклада, где говорится о политике "наведения мостов" в Чехословакии, о советско-американских отношениях на Ближнем Востоке. Мазуров говорил о позорной роли пекинских руководителей в расколе международного коммунистического движения.

КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

РАДИОПЕРЕХВАТ

1.

Би-Би-Си
(10 ноября - 19.45)

О докладе К.Т.Мазурова

(автор - Гольдберг)

Выступление Мазурова дало некоторое представление о проблемах, которые тревожат советских руководителей, и об их отношении к этим проблемам. Миру не безразлично, как эти проблемы будут решены, и будут ли они решены вообще, так же как ему не безразлично, насколько стабильным будет внутреннее положение в Америке и будет ли продолжаться взлетающая война. То, что касается советских лидеров, не остается в силе.

Проблемы, которые возникли или, вернее, обострились в последнее время, естественно, отражаются на Мазурове. В отношении к этим проблемам, Мазуров дал нам, очевидно, отдаленное представление. Он обвиняет во всем так же, как и в прошлом, политику Конгресса и Чехословакии. Остановившись на этом, Мазуров не упоминает о том, что такое предложение о нормализации отношений между СССР и США, говорил о необходимости переговоров об ограничении вооружений. При этом он настаивал на том, чтобы Вашингтон изменил свою политику в Восточной Европе".

ДТ
8 ноября 1968 года

ТАСС

Лист 23-8Е

Значительное место доклада К.Т.Мазурова уделяет газета "Сюсс". Она выделяет те места доклада, где говорится о политике "наведения мостов" в Чехословакии, о советско-американских отношениях на Ближнем Востоке.

Трибуна де Женеве указывает, что Мазуров говорил о позорной роли пекинских руководителей в расколе международного коммунистического движения.

Мазуров характеризует ситуацию в Западной Германии как самую опасную и агрессивную. Он сказал, что советское правительство должно прекратить политику провокации в Западной Берлине. Такая политика может иметь очень серьезные последствия для Западной Германии. Мазуров твердо предупредил советское правительство, которое, по его словам, проводит политику, опасную для мира в Европе!

Газета далее пишет, что Мазуров "оделал предложение о нормализации отношений между СССР и США, говорил о необходимости переговоров об ограничении вооружений. При этом он настаивал на том, чтобы Вашингтон изменил свою политику в Восточной Европе".

Сообщения о торжественном заседании в Москве и о докладе К.Т.Мазурова неоднократно передавало швейцарское радио, а вчера поздно вечером - и телевидение. Газета "Буа увриер" приводит те места доклада, где говорится о Чехословакии, о положении на Ближнем Востоке, об американской интервенции во Вьетнаме. жирным шрифтом газета выделяет слова оратора о позорной роли пекинских руководителей в расколе международного коммунистического движения, а также слова о необходимости совместного обсуждения коммунистическими и рабочими партиями всех вопросов борьбы с империализмом, выработки общей линии в этой борьбе, что является задачей совещания компартий.

ШВЕЙЦАРСКОЕ ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО О ПАРАДЕ В МОСКВЕ

СР.ЗН.1200.ЖЕНЕВА, 7 ноября /ТАСС/. Швейцарское телеграфное агентство передало подробный репортаж о параде на Красной площади в Москве. Агентство перечислило воинские части и военные академии, принявшие участие в параде, а также полностью передало речь маршала А.А.Гречко. касаясь показа военной техники, агентство заявляет, что на параде не было оружия новых образцов.

Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. Радиоперехват Би-би-си «О докладе К.Т. Мазурова». 10 ноября 1968 года.

Информация о К.Т. Мазурове в зарубежных СМИ. Материалы из папки с грифом «Совершенно секретно». 8 ноября 1968 года.

318
9 ноября 1968 года

ТАСС

Лист 22-3Е
ШВЕЙЦАРИЯ

ПРИЕМ В СОВЕТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

СР.ЗН.0507.БЕРН, 7 ноября /ТАСС/. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Швейцарии А.С.Чистяков устроил сегодня прием по случаю 51-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.
На приеме присутствовали представители федеральных и кантональных властей, видные политические и общественные деятели отраны, руководители Швейцарской партии труда, члены дипломатического корпуса, представители деловых кругов, журналисты.
Прием прошёл в дружественной обстановке.

ПРИЕМ В ПОСТОЯННОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ СССР ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ООН

СР.ЗН.0407.ЖЕНЕВА, 7 ноября /ТАСС/. По случаю 51-й годовщины Великой Октябрьской революции постоянный представитель СССР при Отделении ООН в Женеве З.В.Миронова устроила большой прием. На нем присутствовали генеральный директор отдела Экономической комиссии ООН для Европы Стеновик, генеральный секретарь ВОЗ Кан-дау, генеральный директор МОТ Моро, руководящие работники дру-гих международных организаций, находящихоя в Женеве. Присутствова-ли постоянные представители всех социалистических стран, а также Финляндии, Австрии, Швейцарии, САР, Индонезии, Пакистана, Сирии и ряда других.
Постоянные представители стран-членов НАТО на приеме не присутствовали.

ПЕЧАТЬ О ПОСЛАДЕ К.Т.МАЗУРОВА

СР.ЗН.0707.ЖЕНЕВА, 7 ноября /ТАСС/. Сообщая сегодня о док-ладах К.Т.Мазурова на годовщечном заседании во Дворце съездов, «Печать» внешнеполитическом и посвященном международному коммунистическому движению.
Мазуров говорил: такой заголовок даст ощущение места и времени полннее, которая цитирует соответствующее место из документа Де Лосанна, которая цитирует соответствующее место из выступления, что Мазуров отметил правильность действия пяти со-циалистических стран в Чехословакии.

С В О Д К А № 312

информации, переданной иностранными корреспондентами за границу

7 ноябр

КЕТЛИН /Рейтер/, **СМИТ** /"Нью-Йорк таймс"/, **БИШМАРА** /"Джорно"/, **КРЕПО** /Ассошиэтед пресс/ /"Коррьере делла сера"/ передали сообщения в с-хотвенным заседании, посвященным 55-й годовщи-Октябрьской социалистической революции.
КЕТЛИН /Рейтер/:
"Советский Союз пообещал и впредь оказывать Северному Вьетнаму политическую и военную поддержку и призвал Соеди-ненные Штаты к скорейшему мирному урегулированию во Вьет-наме."

Эта линия Кремля была твердо изложена членом правящего Политбюро г-ном К.Мазуровым: выступившим вчера с ежегод-ным докладом накануне годовщины Октябрьской революции.
Г-н Мазуров заявил присутствовавшим, что Москва решитель-но поддерживает позицию Хенно по вопросу о мирном соглашении.
Г-н Мазуров подверг также критике НАТО, обвинив ее в руко-водителях усилить гонку вооружений.
Говоря о международных отношениях, г-н Мазуров заявил, что в истекшем году наблюдалось значительное ослабление международных напряженности. Улучшившиеся советско-амери-канские отношения способствовали возникновению в обмен более здоровой атмосферы.

Г-н Мазуров, говоря об отношениях с западными государ-ствами, прежде всего остановился на улучшении отношений с Западной Германией, основанных на договорах с Москвой и Вервавой об отказе от применения силы и призывая после-

Информация о К.Т. Мазурове
в зарубежных СМИ.
Ноябрь 1972 года.

→
Награждение К.Т. Мазурова
орденом Ленина и золотой
медалью «Серп и молот»
Героя Социалистического
Труда (вверху слева направо:
М.С. Соломенцев,
Н.В. Подгорный, А.А. Гречко,
К.Т. Мазуров, Ю.В. Андропов,
Л.И. Брежнев). 1974 год.

*На банкете в Кремлевском
Дворце съездов. Слева направо:
К.Т. Мазуров, Д.Ф. Устинов,
Ю.В. Андропов, А.А. Громыко,
М.А. Суслов, А.А. Косыгин.*

→
*Метрическая книга Могилевской
духовной консистории
Прибытковского уезда лиц, родившихся
в 1913–1914 годах с записью в томе
№1 о рождении К.Т. Мазурова.*

МЕТРИЧЕСКАЯ

Земле, имя

Марию Сергеевну

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ НА 1904 Г. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Имена отцов	Имена матерей	Возраст отцов	Возраст матерей	Имена рожденных	Земле, имя, отчество и фамилия родителей и их образование	Земле, имя, отчество
Сергей	Евдокия	24	24	Марию	Сербская Земля, село...	Сербская Земля, село...
Сергей	Евдокия	24	24	Марию	Сербская Земля, село...	Сербская Земля, село...
Сергей	Евдокия	24	24	Марию	Сербская Земля, село...	Сербская Земля, село...
Сергей	Евдокия	24	24	Марию	Сербская Земля, село...	Сербская Земля, село...
Сергей	Евдокия	24	24	Марию	Сербская Земля, село...	Сербская Земля, село...
Сергей	Евдокия	24	24	Марию	Сербская Земля, село...	Сербская Земля, село...
Сергей	Евдокия	24	24	Марию	Сербская Земля, село...	Сербская Земля, село...
Сергей	Евдокия	24	24	Марию	Сербская Земля, село...	Сербская Земля, село...
Сергей	Евдокия	24	24	Марию	Сербская Земля, село...	Сербская Земля, село...

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

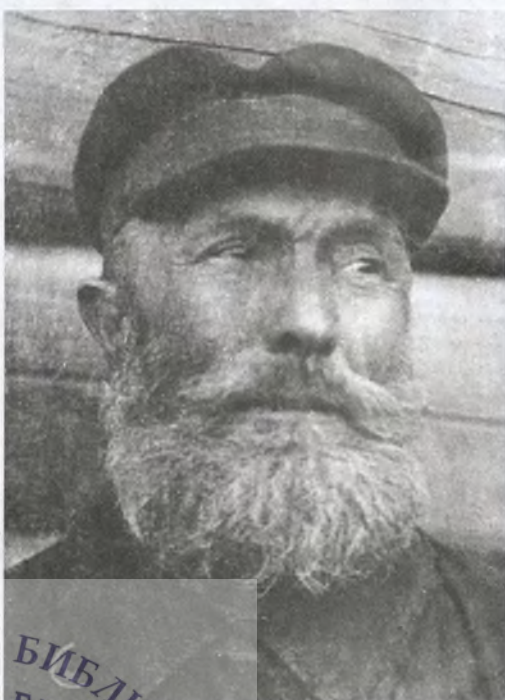
МЕТРИЧЕСКАЯ КНИГА

Михаил Доротеичевич

Метрическая книга, первая часть, на 1904 год.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

В РОДИВШИХСЯ.

*Мать К.Т. Мазурова Агафья Акимовна.
Отец К.Т. Мазурова Трофим Иванович.
К.Т. Мазуров (справа) с братом Василием.
К.Т. Мазуров с комсомольским активом.
Начало 1930-х годов.
К.Т. Мазуров. 1936 год.*

Фонд № 63
Св. № 574
Дело № 574

ДЕЛО

Протоколы Бюро и Секретариата Гомельского обкома В.К. В.С.

НАЧАТО

ОКОНЧЕНО

Начато 11 января 1927 г.
Окончено 31 декабря 1927 г.
№ 415 листов

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ПРОТОКОЛ заседания Бюро Гомельского Обкома В.К. В.С.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
УЧРЕДИТЕЛЬ
11/12

Испол. проверка являющихся председателями районных комсомолов в ячеек. - Т.ИГНАТОВИЧ.

Утверждение явки ИНО ОК на 14-й месяц. - Т.ИГНАТОВИЧ.

Об интернациональном платячке. - Т.ИГНАТОВИЧ.

О помощи Китаю комсомолу. - Т.ИГНАТОВИЧ.

О колоний колония. - Т.МИЛЬМАН.

О проведении мейра Коммуны агропрова. - Т.НОВИКОВ.

ПОСТАНОВИЛИ:

С итогами проверки явки комсомолов в ячейки ОК предложить окончателю редакцию.

Утвердить.

1. Предложить Райкомовле рассмотреть возможность по сбору интернационального платячки, заключая тимоу к концу мая с/г.

2. Прислать сумму интернационального платячки Райкомовле в ОК по выписке в разрезе:

Горьков	500 руб.	Чечарск	30 руб.
Зеленоград	300 "	Беланка	75 "
Великий	250 "	Комары	75 "
Степный	270 "	Тереховичи	25 "
Восход	750 "	Узоровичи	15 "
Ком.СРК	50 "	Лосев	15 "
Ветка	50 "		

2. Рекомендовать ОК обор средств, чтобы путем проведения вечеров, субботников, добровольных отчислений и т.д.

Поручить Т.МИЛЬМАНУ провести обследование отдележной ячейки для выявления, добывания питательных веществ из почвы и отдележной ячейки в отношении явки комсомолов в ячейки. В остальных ячейках провести работу по ознакомлению комсомолов с работой Бюро предложить омячательный отчет по этому вопросу.

Провести мейра Коммуны агропрова в следующих районах: Буда-Ковалевский район; Гомельский район; в ячеек в Узоровичском районе; в ячеек в Ветке и Чечарском; в ячеек в Комаринском.

этой деятельности, выполняемой в условиях отряда, возможно более количество общих и заводских работ.

НО А. ВЕНКОВИЧ ЧАСТИ ОРГАНИЗАЦИИ.

Признать, что деревенские ячейки в общем еще недостаточно участвуют в общественной-хозяйственной жизни деревни, и в этом отношении необходимо принять следующие меры:

1. Принять представительство от ячеек в сельсоветы, ИДВ, и в общедеревенские органы, в работе которых участвуют представители ячеек, а также в работе других организаций, в которых участвуют представители ячеек.

2. Обратить внимание ячеек на введение в систему проведения работы по уходу за являющимися комсомолов, а также на участие в общественной жизни молодежи в деревне.

25. В содержание работы в отношении явки комсомолов в ячейки.

26. Прислать в материалы комсомолов в ячейки.

27. Отметить, что в отношении явки комсомолов в ячейки, в деревенской ячейке, и в отношении явки комсомолов в ячейки.

28. Усилить руководство экономикой в ячейках, учитывая учет отряда и являющихся комсомолов.

Протоколы Бюро и Секретариата Гомельского обкома комсомола. 1927 год.

Протоколы Гомельского обкома комсомола. 1927 год.

→ Из записки КГБ от 20 марта 1958 года о репрессиях в БССР.

О пенсесцах в СССР.

С целью пропаганды ^{и идеологии} ~~авантюры~~ Белорусским
в 1936 и начале 1937 (Сестры) ~~белая~~ группа во главе с
Суровицким в рамках ~~американского~~ ~~интернационального~~ ~~движения~~
гешультверкс и ~~задачи~~ ~~бульварного~~ ~~клуба~~ ~~Полтава~~
Эту организацию ~~Масанков~~, ~~будучи~~ ~~заблудившимся~~ ~~одежон~~
РНК ~~белорусских~~ ~~направлений~~ ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~, ~~работав~~ ~~то~~ ~~белая~~
свои ~~направления~~ в ~~Белоруссия~~ в ~~марте-апреле~~ 1937.

В результате ~~встречи~~ ~~и~~ ~~обмена~~ ~~направлений~~ ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~
проблема ~~наз~~ ~~проблема~~ ~~белая~~ ~~Масанкова~~ ~~и~~ ~~Белоруссия~~
и ~~белая~~ ~~вспомогательная~~ ~~группа~~ ~~Коммунист~~ - ~~какой-то~~ ~~какой-то~~

Масанков, ~~привлекая~~ ~~Белоруссия~~ ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
обширные ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
Белоруссия, ~~они~~ ~~и~~ ~~Белоруссия~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
УМ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
Котора ~~проблема~~ ~~белая~~ ~~Масанкова~~ ~~и~~ ~~Белоруссия~~
но ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
на ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
од ~~белая~~ ~~Масанкова~~ ~~и~~ ~~Белоруссия~~
в ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~

После ~~апреля~~ ~~и~~ ~~мая~~ ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
Масанков ~~и~~ ~~Белоруссия~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
1937. ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
разной ~~направлений~~ ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
рассказывая ~~о~~ ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
Масанков ~~возвращаясь~~ ~~к~~ ~~проблеме~~ ~~на~~ ~~одного~~ ~~клуба~~
и ~~своих~~ ~~групп~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
они ~~прислаивали~~ ~~к~~ ~~белорусским~~ ~~группам~~
и ~~своих~~ ~~групп~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
Тем ~~же~~ ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
Тем ~~же~~ ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
После ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
все ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
и ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
С ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~
и ~~группы~~ ~~УМ~~ ~~КПСС~~ ~~и~~ ~~своих~~ ~~групп~~

и КВД
наследия

К.Т. Мазуров. 1941 год.

Я.С. Мазурова на уборке урожая. 1930-е годы.

Я.С. Мазурова (справа) в молодости с подругой. 1930-е годы.

Я.С. Мазурова (крайняя справа) с подругами.

К.Т. Мазуров (второй слева) с группой партизан. В центре — М.В. Зиянин, третий справа — М.П. Барашков. 1943 год.

К.Т. Мазуров среди партизан.

К.Т. Мазуров (слева) на привале с партизанами.

*К. Т. Мазуров
среди партизан.*

Институт истории
наук и литературы
БССР

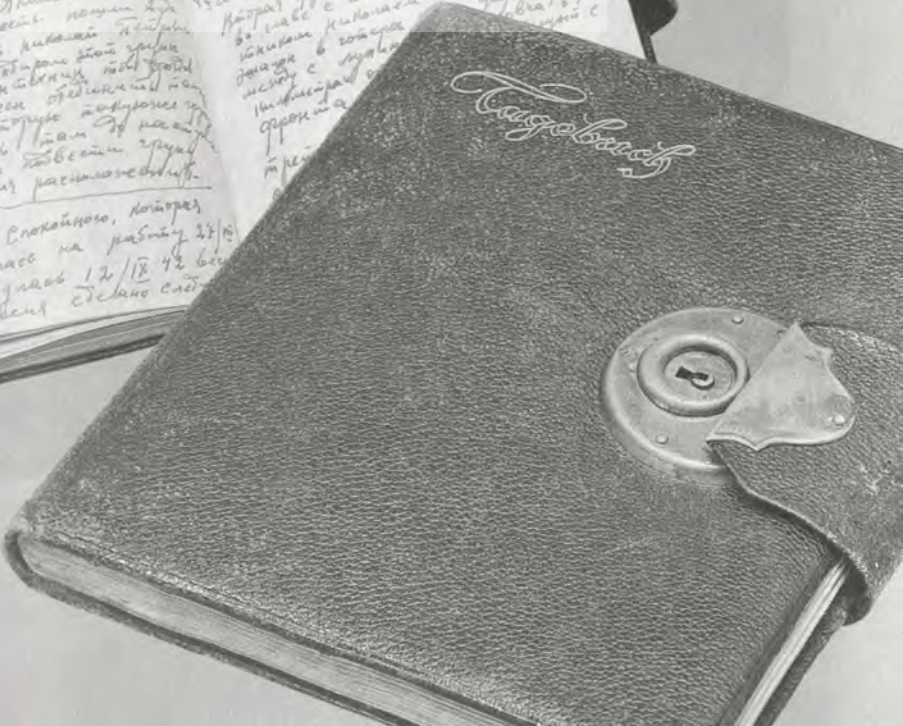
Фонд писем Кавтун
Василия Захаровича

Июн.: 4 июля 1941.
Янв.: 11 сентября 1942.
43 лет

9/10 41 Москва...
9/10 41 уехали...
9/10 41 Москва...

9/10 41 под вечер...
9/10 41 Москва...

8/15 42...
7/18 42...
7/18 42...
7/18 42...

К.Т. Мазуров с учениками лесной партизанской школы. Октябрь 1943 года.

К.Т. Мазуров в послевоенные годы.

К.Т. Мазуров. 1944 год.

В ОСВОБОЖДЕННОЙ БЕЛОРУССИИ

Пребывание в Москве оказалось недолгим. 10 ноября 1943 года на территории Белоруссии начиналась знаменитая Гомельско-Речицкая наступательная операция, которую осуществлял Белорусский фронт под командованием генерала армии К.К. Рокоссовского и которую блестяще разработал начальник штаба генерал М.С. Малинин. Красная Армия стремительно продвигалась по территории республики, освобождая ее от врага.

Мазуров в Москве вместе с сотрудниками аппарата ЦК партии и комсомола готовился к возвращению в Белоруссию. И в этом снова был весь Кирилл Трофимович. Страстное желание выспаться в нормальной постели и на чистом белье, хотя бы немного отдохнуть и подлечиться вновь уходило на второй план. Откладывалось и решение личного вопроса. О встрече с Яниной в своих воспоминаниях Кирилл Трофимович написал по-военному сжато: «В 1943 году свиделись» ... Хотя все последующие события говорят о том, что это была вовсе не встреча товарищей по работе, а близких, любящих людей.

Тогда же он узнал, что пришлось пережить Янине Станиславовне в первые дни, месяцы войны. Она осталась в Москве, куда перед войной уехала на курсы в Высшую комсомольскую школу, возвратиться в Минск не было никакой возможности, город оккупировали немцы. В столице ее направили на работу заведующей отделом кадров на один из заводов. О близких ничего не известно, сведения собирались буквально по крупицам. В Мордовии нашлась младшая сестра Стася, которая в июне 1941 года отдыхала в пионерском лагере «Зубренок». Детей успели эвакуировать в Мордовию. Оттуда в Москву ее привез Сергей Осипович Притыцкий, работавший в аппарате ЦК комсомола в Москве, который находился там по делам. Узнав об этом, Янина попросила забрать сестру. Стася, совсем еще подросток, в Москве пошла работать на военный завод, где трудилась до окончания войны. Узнала Янина и о том, что старший брат на фронте.

В Минске же разыгралась трагедия. Там оставались мама, сестра Виктория и младший брат Роман. Он был схвачен фашистами и отправлен в концлагерь «Тростенец». Варвара Денисовна пыталась выкупить его у охранников, что иногда удавалось, но не успела, он заболел и умер там от тифа. Сама же с дочерью Викторией уехала к родственникам в деревню Будилово в Бешенковичский район Витебской области. Эту территорию называли партизанским краем. Немцы туда не особо совались, что и помогло выжить во время оккупации.

Кирилл Трофимович хорошо понимал, что пришлось испытать девушке. Он и сам пережил личную драму, пребывая в неведении в первые месяцы войны относительно того, что стало с его матерью, родственниками, которые оставались на Гомельщине. Сведения, которыми располагали партизаны, были достоверными: его родную деревню Рудню-Прибытковскую сожгли немцы, в огне сгорел и их дом, а родного дядю Никиту фашисты расстреляли по доносу соседа Мишки Лузана, ставшего предателем. Как вспоминала одна из жительниц деревни Евгения Емельяновна Мисякова, «им удалось в лес удрать и прятаться там». Кириллу Трофимовичу, отступление которого с частями Красной Армии проходило через Гомельшину, чудом удалось спасти родных. Как это было, что пришлось пережить Мазурову, Янина Станиславовна узнала много позже, разбирая его архив уже после смерти.

«Описывая в своих записках эвакуацию матери, сестры и брата, которых с трудом посадил в последний отходящий эшелон с ранеными, Кирилл Трофимович с благодарностью и восхищением говорил о начальнике эшелона, который помог ему в такой тяжелый момент». «А я, читая это, с сожалением и слезами думаю, как же я в то время не сумела увидеть в нем эти человеческие качества и оценить их!» Но ведь была война, потом — очень сложное время, суровое. До сантиментов ли?

Первым поездом, который следовал буквально за продвижением частей Красной Армии, меньше чем через месяц после возвращения из Белоруссии, Кирилл Трофимович вместе с сотрудниками аппарата ЦК комсомола вновь направлялся в республику в освобожденный Гомель. Приподнятое настроение, радость от того, что фашистов гонят с родной земли, сменилась совсем иными чувствами. Все готовы были увидеть разрушения, но город потряс, он буквально лежал в руинах.

Работа ЦК комсомола Белоруссии начиналась в чудом уцелевшем двухэтажном здании барачного типа, прилегающем к разрушенному зданию спичечной фабрики, с коммуны, когда вкладчину готовили еду из того, что у кого было, с рабочего места, которое являлось и местом проживания. При этом решать вопросы предстояло сложнейшие.

«Припоминаю, как член ЦК КП(б)Б Гоненко, секретарь Могилевского обкома партии Макаров и я выехали в ноябре 1943 года в только что освобожденные Красной Армией восточные районы Могилевской области. На нас возлагалась задача восстановления советской власти, общественного порядка. Мы должны были решить все организационные вопросы по воссозданию партийных, комсомольских организаций и исполкомов Советов; укрепить вышедшие из подполья руководящие органы кадрами; организовать политическую информацию населения, снабжение его продуктами питания и товарами первой необходимости; наладить работу школ, медицинское обслуживание, связь; обеспечить лишившихся крова людей жильем, хотя бы временным; снабдить население топливом (наступала зима); мобилизовать призывные контингенты в Красную Армию; устроить на лечение раненых воинов, прибывших с фронта. При всем этом надо было сколачивать колхозы, организовать подготовку к весеннему севу 1944 года. Пускать в ход уцелевшие производственные предприятия — мельницы, хлебопекарни, объекты электроснабжения и водоснабжения, различного рода мастерские и т.д.»

СТРАСТИ ПО БЕЛОРУССКОЙ СТОЛИЦЕ

Первые решения по организации жизни населения на освобожденных территориях, первая сессия Верховного Совета республики, которая прошла в Гомеле в марте 1944 года под председательством возвратившейся из Казани Надежды Грековой, первой и единственной в истории республики женщины — главы парламента, и снова подготовка, теперь уже к долгожданному возвращению в Минск. Увиденное потрясло, город практически весь был разрушен.

«Минск лежал в развалинах, они еще дымилась. То, что сохранилось в нем после варварских бомбардировок 24—25 июня 1941 года, гитлеровцы уничтожили, отступая. В центре, где было до войны более 100 крупных многоэтажных жилых и общественных зданий, уцелело их, может, с десяток, да и те были заминированы», — так описывал Кирилл Трофимович в книге «Незабываемое» столицу.

5 июля 1944 года народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия на имя Сталина, Молотова, Маленкова направил записку под грифом «Совершенно секретно» «О положении в городах Белоруссии, освобожденных от войск противника».

«НКВД и НКГБ Белорусской ССР сообщает следующие данные о положении в городах и районах, освобожденных от войск противника. В городе Минске разрушены: железнодорожный узел, здания всех научных и культурных учреждений, а также большая часть жилых домов. На день освобождения из крупнейших зданий города сохранились: Дом правительства, новое здание ЦК КП(б) Белоруссии, Дом Красной Армии и здание НКВД; 3 июля здание Дома Красной Армии взорвалось. Шоссе Москва—Минск не повреждено. Переправа через р. Березина, разрушенная немцами, восстановлена на второй день после освобождения г. Минска» (ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Д. 65. Л. 280).

Разрушений могло быть гораздо больше, если бы не работа саперов по разминированию оставшихся в городе зданий, подготовленных немцами к взрыву перед отступлением. Малоизвестный факт. Писать о нем, говорить в советское время по идеологическим соображениям было особо не принято. После освобождения Минска Лаврентий Берия продолжал докладывать Сталину о сложной ситуации в освобожденной столице, и тоже под грифом «Совершенно се-

кретно»: «...после освобождения Минск подвергается сильным бомбежкам. Так, в ночь с 20 на 21 июля 1944 года на Минск осуществлен налет немецкой авиации. В нем участвовало 120 самолетов. Бомбовому удару подвергся железнодорожный узел. Сгорело 3 вагона боеприпасов, 10 вагонов с дизельным топливом. Разрушено и сгорело около 30 домов, в том числе здание областного НКВД. Убито 15 человек, тяжело ранено — 30. В воздушном бою сбито 3 самолета противника» (ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Д. 65. Л. 280). Судя по последующим сообщениям, через сутки такой же налет повторился. В августе 1944 года была почти полностью уничтожена с воздуха вся правая сторона Московской улицы от Добромысленского переулка до Бетонного моста.

Враг мстил за свои неудачи, для жителей же Минска, руководства республики ситуация продолжала оставаться напряженной. Как это было? Через что пришлось пройти людям, пережившим войну, чтобы вернуть Белоруссию к нормальной мирной жизни, — в воспоминаниях, интервью, дневниковых записях Мазурова, на тот период секретаря ЦК ЛКСМБ, тех, кто работал с ним в те годы.

«Прибыв в Минск 4 июля 1944 года вслед за передовыми частями Красной Армии, мы с Сургановым нашли на берегу Свислочи, против парка, небольшой двухэтажный дом, который во время оккупации занимал какой-то фашистский чиновник. Дом уцелел, были разбиты лишь окна и двери. Мебели не было, стояло лишь пианино. Мы закрепили этот дом за ЦК, натаскали в него из соседних полуразрушенных домов разнородной мебели и попросили военных поставить пост. Ночевали на столах, в «своем здании» (Из интервью газете «Советская Россия» от 19 февраля 1989 года).

Вопрос о белорусской столице в силу колоссальных разрушений стоял особенно остро. Сразу же после ее освобождения в ЦК партии развернулись дискуссии о судьбе Минска. Кирилл Трофимович вспоминал: *«Некоторые руководящие товарищи, а также архитекторы склонялись к тому, чтобы построить столицу на новом месте. Назывался, например, город Борисов. Говорили, что строительство нового города обойдется дешевле. Аргументы были вескими. Дескать, в богатой водными ресурсами Белоруссии все крупные города возникли на берегах многоводных рек, а столица стоит на речушке Свислочь, город снабжается водой из артезианских скважин. Однако возобладало мнение сторонников восстановления разрушенного города. Это мнение разделялось, прежде всего, самими жителями города. Всегда жалко покидать родное гнездо, даже разрушенное».*

В августе 1944 года на одном из первых заседаний бюро ЦК КПБ было принято решение о сохранении столицы на прежнем месте и восстановлении Минска. На том же заседании бюро ЦК КПБ рассматривался и план восстановления города — «Эскиз-идея планировки Минска», подготовленный комиссией ведущих советских архитекторов. Пантелеймон Пономаренко, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, лично обратился к ним, к специалистам Москвы помочь восстановить Белоруссию, в частности города Гомель и Минск (Белорусский государственный архив научно-технической документации. Ф. 51. Оп. 2. Д. 1. Л. 2).

И архитекторы откликнулись. Проекты планировки Минска представили известные зодчие страны — Алексей Щусев, Аркадий Мордвинов, Николай Колли, Владимир Семенов, Борис Рубаненко, Иосиф Лангбард, Наум Трахтенберг. Как свидетельствуют дошедшие до нас документы, предложений, споров было много — каким будет площадь возле Дома правительства, главный проспект, ширина улиц. Споры шли и о том, на какое количество жителей столицы рассчитывать при составлении Генплана. Пономаренко настоял на цифре 450—500 тысяч человек. Но уже совсем скоро стало понятно, что такое решение было ошибочным. Его пришлось исправлять Кириллу Трофимовичу уже менее чем через десятилетие. И стоило это немалых нервов и усилий. Предстояло скорректировать все социальные, экономические проекты под численность населения быстро развивающейся столицы. Уже в начале 1950-х годов в городе появились новые предприятия, наблюдался значительный приток рабочей силы, а выделяемые фонды, финансирование были рассчитаны только на полумиллионный город (Белорусский государственный архив научно-технической документации. Ф. 51. Оп. 2. Д. 1. Л.4).

Но тогда, в 1944 году, была утверждена именно эта цифра. При колоссальных людских потерях в войне полумиллионный город казался мечтой заоблачной. Пока шли согласования Генплана, в Минске разбирали завалы, расчищали площадки под жилые застройки, для новых предприятий.

В Национальном архиве Республики Беларусь сохранился уникальный документ — **Книжка жителя города по восстановлению Минска**. Инициатором ее введения стала Надежда Грекова, Председатель Верховного Совета БССР, почин поддержал ЦК комсомола. В книжке отмечалось, сколько человек отработал трудочасов и на каких объектах. Сохранились и уникальные документы о том, как Кирилл Трофимович лично вручал эти книжки комсомольцам, как многие минчане очень гордились тем, что они больше всех отработали на восстановлении Минска. Людей не надо было ни агитировать, ни упрашивать — для жителей это было естественным состоянием и делом чести — возродить родной город.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ЛКСМБ

28 июля 1944 года от немецко-фашистских захватчиков был освобожден Брест, завершалось полное изгнание врага с белорусской земли. Кирилл Трофимович — секретарь ЦК ЛКСМБ, а значит решать вопросы восстановления вместе с партийными, советскими органами предстояло уже в масштабах всей республики.

Из блокнота К.Т. Мазурова. Датирован 22 апреля 1970 года, Москва (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 7).

«Не хватало людей, рабочих рук. В ряде районов республики количество трудоспособных исчислялось сотнями, а в иных колхозах не набиралось и двух десятков человек».

Важнейшие вопросы восстановления республики приходилось решать и малыми силами, в областях райкомы, горкомы восстанавливались медленно, не хватало людей.

Из блокнота К.Т. Мазурова. Датирован 22 апреля 1970 года, Москва (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 7).

«Аппарат ЦК (ЛКСМБ) был небольшим — человек 30 сотрудников, а работы было много, причем почти все свое время мы проводили на местах, неделями не бывая дома. Дней отдыха тогда ни у кого из нас не было. Транспортных средств ЦК тоже не имел. Были, правда, две трофейные машины, но их использовали в основном в Минске, для дальних поездок они не были пригодны. Всем выезжавшим на периферию приходилось добираться от железнодорожных станций до мест назначения на попутках или пешком».

Поездки нередко были сопряжены с опасностью.

«В тылу белорусских фронтов остались разбитые немецкие воинские части, мелкие группы и подразделения. Не успели унести ноги и разного рода пособники оккупантов — полицейские, служащие немецких учреждений, члены фашистских националистических бандитских формирований. Они объединялись с вооруженными бандами украинских и польских националистов, укрываясь от ответственности, терроризировали советский и партийный актив».

Действовали они, как свидетельствуют документы, в первые месяцы с особой жестокостью. Буквально сразу же после освобождения республики белорусскими чекистами было успешно проведено несколько операций по их разгрому. Отделом контрразведки «Смерш» 28-й армии Барановичского военного округа в октябре—сентябре были выявлены и арестованы 22 абверовских агента, заброшенных на территорию Белоруссии. Перед этим они прошли обучение в Дальвитцкой разведшколе. На момент ареста большинство из них служили красноармейцами в 143-м гвардейском стрелковом полку 48-й гвардейской

стрелковой дивизии. Тогда удалось навести порядок и с бандформированиями в западных областях. Их базы были разгромлены. С оставшимися разрозненными группами успешно боролись на местах органы госбезопасности и МВД (Надточаев В. Военная контрразведка Беларуси. Минск, 2008. С. 188—191).

Но тревожная информация продолжала поступать, угроза жизни для мирного населения, особенно для партийно-комсомольского актива, фронтовиков, сохранялась серьезная. *«Это были далеко не безобидные группы... В поездки по районам, где укрывались бандиты, руководящие работники брали с собой оружие и нередко при внезапном нападении применяли его. Об одном из таких случаев напомнила мне в 70-х годах в письме М.И. Самарина. Наша группа (секретарь Телеханского райкома партии Петров, военком Бурыкин, Самарина — комсомольский работник и я) направлялись по делам в один из сельсоветов. В лесу нашу машину обстреляли. Мы ответили огнем из автоматов. Бандиты бежали, но Мария все же получила тогда легкое ранение в ногу», — вспоминал Мазуров.*

Для бандгрупп, которых Мазуров в своих воспоминаниях называл «далеко не безобидными», приоритетным являлся не только террор. Они действовали по всем фронтам, били в самое уязвимое место освобожденной республики — старались нанести максимальный вред народному хозяйству, особенно селу и вызвать повсеместный голод. Какие задачи речал Кирилл Трофимович со своими товарищами в таких поездках по освобожденным районам, удалось узнать из сохранившихся документов «Особой папки» И.В. Сталина.

Из докладной записки народного комиссара внутренних дел Союза ССР Л. Берии от 29 мая 1945 года «Об активизации деятельности Армии Крайовой в районах Польши, пограничных с Белорусской ССР». Совершенно секретно. Сталину. Маленкову.

«В связи с нападением аковских банд на гор. Граево и в районе Августова на колхозников, сопровождающих гурты скота в Белоруссию, в дополнение к имеющимся семи полкам войск НКВД и к отдельному мотострелковому полку направлены дополнительно два полка войск НКВД. Для охраны перегоняемого скота тов. Хрулевым проведены следующие мероприятия: организованы специальные трассы перегона и дорожно-комендантская служба. На каждом участке трассы имеется охрана численностью 100 человек. Через 35—40 километров выставлены дорожно-комендантские вооруженные посты. В районах, неблагополучных по бандитизму, на каждые 10—15 километров выставлены заставы силою до стрелкового взвода. Между постами и заставами организовано круглосуточное патрулирование» (ГАРФ. Ф.Р-9401с/ч. Д. 96. Л. 192—193).

Как свидетельствуют «шифртелеграммы т. Пономаренко» на имя Сталина, сохранившиеся отчеты Мазурова о поездках за 1945 год, именно в «неблагополучных по бандитизму районах» он провел наибольшее число дней — в Гродненской, Барановичской, Молодечненской областях (ГАРФ. Ф.Р-9401с/ч. Д. 96. Л. 192). Что там происходило — в записках Берии на имя Сталина, которые хранятся в его «Особой папке».

«19 апреля. Сталину, Молотову, Маленкову. Совершенно секретно. О результатах «чекистско-войсковых» операций по очистке западных областей Белоруссии от националистических вооруженных формирований и немецких резидентов с 20 марта по 15 апреля» (ГАРФ. Ф.Р-9401с/ч. Д. 95. Л. 82—86), «16 июня. Сталину, Молотову, Маленкову. Совершенно секретно. Об уничтожении вооруженного польского отряда, прибывшего из Литвы, в дер. Новосады Островецкого района Молодечненской области Белорусской ССР» (ГАРФ. Ф.Р-9401 с/ч. Д. 96. Л. 339), «2 июля. Сталину, Молотову, Маленкову. Совершенно секретно. Информация о проведении операции по ликвидации трех вооруженных групп УПА на границе Брестской и Волынской областей» (ГАРФ. Ф.Р-9401 с/ч. Д. 97. Л. 123). И такие донесения каждый месяц.

НЕСМОТРИ НА ВСЕ ТРУДНОСТИ, РЕСПУБЛИКА ВОЗРОЖДАЛАСЬ

Из блокнота К.Т. Мазурова. Датирован 22 апреля 1970 года, Москва (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 7).

«С июля 1944 года до весны 1945 года в республике было отремонтировано в городах и районных центрах более 40 тысяч квартир, а на селе построено около 55 тысяч новых домов. Со второго полугодия 1944 года стали работать 72 электростанции, к июлю 1945 года было восстановлено более 8 тысяч промышленных предприятий, мастерских, артелей. Во всех городах республики начались градостроительные работы. Особенно активно развернулись они в Минске».

Как вспоминал Василий Шарапов, в 1950—1960-х годах председатель Минского горисполкома, министр строительства и эксплуатации автомобильных дорог БССР, в первые послевоенные годы инструктор, секретарь Сталинского райкома партии Минска: «Одной из главнейших забот минчан в мае 1945 года была весенняя посадка овощей. Предприятиям города в Минском районе было выделено около полутора сотен участков для ведения подсобного хозяйства. Однако не было семян, особенно сильно ощущался дефицит семенного картофеля. Поэтому решением горисполкома всем столовым было предписано

собирают картофельные очистки с глазками. Этим материалом и были засеяны участки. Рост детской заболеваемости и смертности от воспаления легких, кишечных инфекций и недоедания вынудил власти ужесточить порядок снабжения и строительства медицинских учреждений. Так, в 10-дневный срок было предоставлено здание для родильного дома на 100 коек, обеспечено бесперебойное снабжение продуктами больниц. С 1 мая 1945 года начался месячник очистки столицы от мусора, благоустройства рынков, массовой проверки санитарного состояния всех пищевых комбинатов и предприятий общепита».

Вопросы будущего урожая 1945 года стояли особенно остро. Во многих регионах ситуация складывалась драматично.

Из блокнота К.Т. Мазурова. Датирован 22 апреля 1970 года, Москва (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 7).

«Почти не было лошадей, поэтому под весенний сев 1945 года колхозники более 150 тысяч га только общественной земли вскопали вручную (женщины впрягались в плуги)».

«Республику поднял героизм людей, жалоб не было — на дому телят выхаживали, создавая колхозное стадо. Простая колхозница Лидия Ивановна Осюк. У нее в одной половине избы ее жилье, а в другой через сени — телята. Она за ними ухаживала как за детьми. Сама совсем молодая женщина. Я говорю: «Вы за ними как за детьми смотрите». А она в ответ: «А как же, они и есть дети». Путем отбора молодняка от лучших коров колхозников за несколько лет создала колхозную ферму».

Но республика жила надеждами, во всем чувствовался подъем, люди в большинстве своем не считались ни с личным временем, ни с материальными издержками, работали на восстановлении и строительстве жизненно-важных объектов. Традиционный праздник 1 мая 1945 года город встречал не только большой стройкой, но и радостным ожиданием скорой победы в страшной войне, ее дух уже витал в воздухе, настроение у людей было приподнятым, праздничным.

«В таком ожидании пребывал и я до ночи 9 мая. Едва уснул, как разбудили крики на улице и автоматная трескотня. Невольно в сознании промелькнуло воспоминание о первом дне войны в Бресте в июне 1941 года. Открыл окно и увидел полуодетых, возбужденных, ликующих людей. Победа! Я тоже, потеряв сдержанность, выпустил в небо свою обойму. Весь город гудел радостными криками, гудками паровозов, наполнился стрельбой, которая на этот раз никого не пугала, звала на улицы. Она доносилась отовсюду, спать уже никто не мог. Я оделся и пошел в ЦК комсомола. Там вскоре собрались все. Провели что-то вроде торжественного митинга. Затем кто-то сел за пианино, стал петь песни, появился аккордеон. Все наши серьезные молодые люди, среди них и секретари ЦК, пели, танцевали», — так описывал Кирилл Трофимович тот памятный день.

Важное событие произошло и в личной жизни Кирилла Трофимовича. В победном 1945-м он оформил свои отношения с любимой девушкой — Яниной Леонович, они поженились. Янина Станиславовна на комсомольскую работу больше не вернулась, а поступила в Белорусский педагогический институт,

мечтала о педагогической, научной карьере. Но главной ее заботой стала семья и любимый человек. Сочетать и работу, и дом помогала выработанный годами на комсомольской работе образ жизни — организованность, собранность, умение спокойно и рассудительно решать возникающие проблемы, а еще женская мудрость.

Отношения между людьми выстраиваются разными путями, бытует расхожее мнение о том, что кто-то в семье любит, а кто-то позволяет себя любить, что проблемные вопросы улаживаются путем взаимных уступок. Судя по документам, воспоминаниям людей, близко знавших Мазуровых, это была красивая семья с искренними, уважительными отношениями друг к другу. То, что в доме был мир и порядок, во многом заслуга Янины Станиславовны, которая даже сложные проблемы разрешала по-женски тонко.

После войны Кирилл Трофимович безмерно курил папиросы, создавалась угроза не только его здоровью, но и близким, которые впоследствии вспоминали, что он буквально прокурил всю квартиру — «атмосфера была удушающей». Янина Станиславовна приняла неординарное решение — «вступила в «преступный» сговор с каким-то авторитетным пульмонологом, который по ее наущению пригрозил отцу неизбежным и очень скорым туберкулезом».

Почему был выбран именно такой вариант борьбы с проблемой, их дочь Наталья Кирилловна объясняет так: *«Отношение родителей к собственному здоровью было диаметрально противоположным. Мама внимательно выслушивала рекомендации врачей, но выполняла их через пень колоду, отец же, наоборот, досконально и тщательно следовал всем врачебным предписаниям, поскольку всегда прислушивался к мнению профессионалов. Именно этим его качеством и решила воспользоваться Янина Станиславовна. Эффект даже для мамы оказался неожиданным: он моментально, раз и навсегда, не только бросил курить, но до конца жизни не выносил даже запаха сигарет».* И таких примеров заботы о здоровье близкого человека, о создании спокойной и комфортной обстановки в семье по жизни было много: и тогда, когда Кирилл Трофимович был облечен властью, и когда только начинался его путь в большую политику.

Перебираешь документы, письма, воспоминания той поры и удивляешься, сколько мудрости было у Янины Станиславовны, чтобы создать в доме такую атмосферу, без конфликтов и ссор, где всем было комфортно. А ведь с ними жили две бабушки, причем очень разные по характеру. Мама Янины Станиславовны — Варвара Денисовна «была большой труженицей. Она все время чем-то занималась, штопала, прибиралась, приучала нас собирать грибы и ягоды, полоть грядки, практически не сидела на месте», — так вспоминала Наталья Кирилловна о бабушке Варе. С ней у нее и ее младшей сестры Лены сложились особые отношения, говоря современным языком, взаимовыгодное сотрудничество. В обмен на знания о житейских премудростях, они обучали бабушку грамоте. В детстве, когда ее из деревни забрала к себе профессорская семья из Минска помогать по хозяйству, там посчитали, что это ей ни к чему. По воспоминаниям и Натальи, и Елены такое сотрудничество оказалось вполне успешным — все, чему их обучила Варвара Денисовна, пригодилось во взрос-

лой жизни, сама же она была рада возможности читать газеты, книги без посторонней помощи.

Мама Кирилла Трофимовича напротив спокойная, сдержанная. По воспоминаниям близких, в доме всегда было много родственников, кто-то приезжал, кто-то жил постоянно, например, племянник Кирилла Трофимовича Леонид Янина Станиславовна, которая обладала еще и хорошим чувством юмора, могла как-то все так организовать, что никто не чувствовал себя обделенным вниманием.

Тогда же в первые послевоенные годы проблем было не просто много. Реализация Генплана возрождения Минска, утвержденного в 1946 году, начиналась со строительства ряда крупных промышленных объектов на северо-востоке и северо-западе столицы. В непосредственной близости от них возводились кварталы жилых домов. Одновременно начинались работы по созданию нового центра. Его основой стал Сталинский проспект, ныне проспект Независимости с одноименной площадью, а также Октябрьской, которая называлась Центральной, площадями Победы и Якуба Коласа, зеленым массивом вдоль поймы реки Свислочь.

Как застраивался главный проспект столицы — это особая история, которая заслуживает отдельного исследования. Она является примером и таланта выдающихся архитекторов, создавших неповторимый ансамбль, известный теперь как «Сталинский амфи́театр», и партийно-советских органов, которые так смогли организовать работы, что за первое послевоенное десятилетие удалось в основном застроить первый городской диаметр столицы — Сталинский проспект, частично улицы Московская и Чкалова. И, конечно же, энтузиазм, патриотические чувства людей столицы. На восстановлении республики их было не меньше, чем в годы войны. Всем очень хотелось побыстрее вернуться к нормальной мирной жизни.

Первым сооружением на проспекте стало здание Министерства госбезопасности БССР (дом №17). Его начали возводить весной 1945 года по проекту архитектора Михаила Парусникова, на которого ложилась двойная ответственность. Объект строился для всемогущего ведомства со всеми обязательными для такого здания требованиями. Но ставилась еще одна задача, и очень важная. Оно должно было задать общее архитектурное направление всего проспекта Сталина. Как она была выполнена? То, что впоследствии это здание признали одним из лучших архитектурных решений в СССР, свидетельствует, что вполне успешно. Особенностью стала венчающая здание башенка. О ее предназначении спорят и сегодня, связывая с ней разные истории. Кто-то вспоминает, что соорудили ее лично по поручению Л. Цанавы. Якобы из башенки он хотел наблюдать спортивные баталии, происходящие на стадионе «Динамо». Более правдоподобной выглядит версия о том, что башня на здании КГБ долгое время была самой высокой точкой Минска. И это использовалось в профессиональных целях.

Напротив здания КГБ построили жилой дом №16 того же архитектора М. Парусникова и архитектора Г. Баданова. Он продолжал заданную архитек-

турную тему и органично вписывался в общий ансамбль, и тоже с характерной башней, на которой уже позднее, в 1950 году, установили городские часы с боем. В Минск они попали из разрушенного войной Кенигсберга, ныне Калининграда. Дом предназначался, в основном, для сотрудников госбезопасности. Там жили и родственники Л.Цанавы.

Начинались работы и по застройке проспекта многоэтажными жилыми домами, общественными зданиями — Государственного банка БССР, ГУМа, Почтамта, восстановлению здания педагогического института имени А.М.Горького.

Известно, что серьезной проблемой была нехватка рабочих рук, особенно квалифицированных специалистов, к строительным и восстановительным работам были привлечены военнопленные, которые оставались в освобожденной республике, а также прибывающие из Германии интернированные.

Документы той поры, воспоминаниях тех, кто был свидетелем, как осуществлялось строительство в Минске, сохранили удивительные истории о том, как складывались отношения у местных жителей с бывшими врагами. Известная балерина Галина Александровна Черноярова так описывала то время: «Жилья не было, поселили в оперном театре. В одной половине — артисты, в другой — пленные немцы из элитной части, они делали ремонт. 13 лет я прожила в оперном... мирная жизнь все-таки была свое, и вскоре пленные, которые жили с нами бок о бок, стали уже нас приглашать на свои концерты» («СБ-Беларусь сегодня», 10.6.2006 г.).

Как вспоминал В.А. Нестеров, ветеран КГБ, о строительстве здания:

«Две тысячи военнопленных трудились здесь практически круглосуточно. Белорусы относились к бывшим врагам лояльно, а немцы, в свою очередь, отвечали качественной работой без халтуры...» (<http://www.ctv.by>).

Или же воспоминания журналистки Тамары Абакумовской: «Круглая площадь активно застраивалась, а восстанавливали этот ставший знаменитым архитектурный комплекс в том числе и военнопленные. Лагерь располагался прямо под нашими окнами, по нынешней улице Киселева. Помню, как белокурые «фрицы» мастерили из обрезков деревянные игрушки, незатейливые шкатулки и предлагали жильцам дома. Сердобольные наши мамы взамен одаривали пленных куском пайкового хлеба, сухарем, кусочком сахара. А после работы соседи-военнопленные разжигали костер, в солдатских котелках варили картошку, приглашая на вечернюю трапезу малышня». И личное восприятие таких отношений Абакумовской: «Великодушию наших людей, которые прошли через фронт и партизанские блокады, бомбежки и голод, поражает. Ведь делились-то последним. Так сильно было в народе нравственное правило — лежачего, то есть побежденного, не бьют» (Т.Абакумовская. Моя площадь Победы. «Республика». 2.7. 2003 г.).

Сохранились и документы, циркуляры той поры о работе среди пленных. Они касаются не только надзирающих органов, но и партийно-комсомольских. ЦК ЛКСМБ вел активную разъяснительную работу среди бывших вра-

гов. У Кирилла Трофимовича, как человека военного, было большое желание вызвать у них искреннее чувство раскаяния о содеянном, хотелось, чтобы они поняли, против какого миролюбивого народа воевали. А еще хотелось убедить в преимуществах социализма, ведь среди немцев, венгров, румын, представителей других национальностей были выходцы из рабочего класса, многие пошли воевать не по своей воле. Молодежь республики с огромным энтузиазмом трудилась на возводимых объектах, новостройках, хотелось, чтобы пленные на ее примере видели и понимали этот социализм в действии.

Поэтому с пленными вели, как отмечалось в документах того периода, политико-разъяснительную работу. ЦК комсомола совместно с НКВД устраивали им «культурную программу», водили на концерты, в театры. О том, как это было, через 60 с лишним лет вспоминал бывший военнопленный Отто Бертольд. Зимой 2012 года труппа белорусского балета гастролировала по Австрии и Германии с балетами «Лебединое озеро» и «Щелкунчик». Вернувшись в Минск, руководство Большого театра получило письмо из Германии: *«Уважаемые дамы и господа! 14 января 2012 года в Эссене я имел возможность присутствовать на спектакле «Лебединое озеро» в исполнении артистов вашего театра. Как и все остальные зрители, я был не только восхищен великолепным исполнением, но этот спектакль стал для меня особенным событием еще и по другой причине. С 1944 по 1949 год я находился в плену на территории Беларуси, а с конца 1946 года — в различных лагерях города Минска. 15 ноября 1948 года в местном оперном театре исключительно для военнопленных был показан балет «Лебединое озеро». «Это самый лучший день моего пребывания в плену», — писал я тогда домой своему брату. А было мне тогда 23 года»* («Комсомольская правда». 8.5.2012 г.). Гуманность советского народа, прошедшего через ужасы войны и концлагерей, не перестает удивлять.

Одновременно с капитальными строениями в Минске возводились и деревянные дома — бараки для строителей и жителей города в районе Танковой улицы (ныне Максима Танка). Масштабные работы проводились по озеленению города — созданию новых парков, скверов. Только в первые послевоенные годы было высажено почти 260 тысяч декоративных деревьев, около 40 тысяч плодовых деревьев.

В 1945 году возводился и первый в послевоенном Минске элитный район. Он получил название «Осмоловка» по фамилии известного белорусского архитектора Михаила Осмоловского, спроектировавшего его. Когда перелистываешь архивные документы — свидетельства того, как шло обсуждение по поводу элитной застройки, удивляешься, как рознятся представления о привилегированном жилье в разные времена. Тогда это были кварталы двухэтажных восьмиквартирных домов в районе улиц Куйбышева, Коммунистической, Киселева, Богдановича. Элитарность заключалась в наличии в квартирах печного отопления и возможности просто иметь отдельную квартиру. Всего лишь. О том, как жила тогда элита, спустя годы вспоминали старожилы: «В 1950-е годы квартал полностью закрывался на ночь, сюда невозможно было зайти, он был обнесен забором. Осмоловка жила какой-то своей особой жизнью: летом в праздники столы выносились на газоны, а зимой они ставились

в просторных холлах, и праздник отмечали целым домом или лестничной площадкой» (В.Кириченко. Минск. История послевоенного восстановления. 1944—1952. Минск, 2004).

Во всех восстановительно-строительных работах особая роль отводилась молодежи.

Из воспоминаний Василия Шарапова, в 1950-х — 1960-х годах председателя Минского горисполкома, министра строительства и эксплуатации автомобильных дорог БССР.

«В 1946 году я работал секретарем Сталинского райкома партии в Минске. Значительную часть моего рабочего времени в эти дни занимало строительство автомобильного и тракторного заводов. С отправкой части немецких военнопленных на родину остро встал кадровый вопрос, и по комсомольскому призыву прибыла группа из 500 ребят, большей частью сельской молодежи. В деревне Будилово, ныне улица Буденного, разбили палаточный городок, куда каждый день наведывались руководители райкома и райисполкома. Во время одной такой встречи с молодыми рабочими я заметил, как в палатку вошел невысокий человек в военной одежде и скромно присел в сторонке. После окончания беседы он представился и спросил мое имя. Так я познакомился с Кириллом Трофимовичем Мазуровым, в то время секретарем ЦК ЛКСМБ, который тоже частенько заглядывал в палаточный городок. В тот вечер беседа с молодежью затянулась до позднего вечера. Транспорта уже никакого не было, и мы с Мазуровым возвращались пешком, по пути я рассказал о своем боевом прошлом, он — о своем. Оказалось, что мы почти ровесники. Шли сложные годы восстановления города, строительства заводов и фабрик, жилья, значительного укрупнения сельских районов. Мне доводилось часто встречаться с Мазуровым на всевозможных мероприятиях».

Таким руководителем Мазуров оставался всегда — никакого пафоса, самолюбования, никакой суеты вокруг своей персоны, все скромно, но требовательно и по-деловому. Нередко возникали ситуации, когда приходилось разрешать совсем неожиданные вопросы, причем с вполне предсказуемыми последствиями, и в первую очередь, для руководителя.

«Помню, как начал работу в ЦК КПБ заместителем заведующего отделом, нес свое первое ночное дежурство. Раздался тревожный звонок от начальника железнодорожной станции: пришло сразу 4 эшелона из Германии — все еще возвращался угнанный во время войны скот. Коровы не кормлены, не доены, стоит сплошной рев. А что делать, я тоже не знаю. Поздняя осень. Кормов лишних нет, ферм на разграбленной земле тоже. Звоню ночью первому секретарю Пономаренко:

— Пантелеймон Кондратьевич, что делать?

— Поступим с тобой так: оповещай людей, поднимай до утра всех колхозников Минской области, чтобы скот разобрали и отдали многодетным семьям и вдовам.

Вы представляете, что для крестьянина корова? Себе откажет, а корову-кормилицу сохранит. Раздавали утром бесплатно с одной просьбой, чтобы уже потом телочку от этой коровы в колхоз привели, тоже бесплатно. Через день из Москвы резкий звонок: «Что за самовольство с государственным ско-

том?» Вызвали Пономаренко «нести ответственность». Ситуация грозила обернуться серьезными последствиями, ведь в вину ставилось разбазаривание государственного имущества. Какими могли быть последствия, догадаться не сложно. Наше счастье, что Сталин в конце заседания сказал: «Правильно поступил. Так мы спасли племенной скот и многие семьи от голода» (Кирилл Мазуров. К 100-летию со дня рождения. Москва, 2014. С. 47).

О том, что тогда было принято правильное решение, свидетельствует статистика последующих лет: «Если в 1948 году в Белоруссии было 20 коров на 100 крестьянских дворов, то в 1958 году — 80» (Из интервью К.Т. Мазурова газете «Комсомольская правда» 9 сентября 1987 года).

Восстанавливать приходилось не только народное хозяйство. Не хватало людских ресурсов, комсомольской организации республики был нанесен непоправимый урон. Сохранились личные записи Мазурова на этот счет.

Из блокнота К.Т. Мазурова с пометкой «Важные материалы», август 1946 года (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 23).

«На 1.08.46 г. в ЛКСМ членов ВЛКСМ всего 199.488 человек, в восточных районах — 145.824, западных — 44.663. Первичных организаций — 14506, в западных районах 3766, восточных — 10740. Рост первичных организаций за 7 месяцев 1946 года был слабым, 48 процентов вообще не росли. В Барановичской, Брестской, Полесской, Могилевской областях не росла половина организаций. 80 процентов состава организаций — молодежь, 44 процента имеют только начальное образование».

На первый взгляд сухие цифры. Но это была страшная статистика потерь среди молодежи Белоруссии в годы войны.

Несмотря на сложную ситуацию с человеческими ресурсами, ответственности за выполнение планов первой послевоенной пятилетки никто не снимал. А задачи ставились серьезные — догнать и перегнать. Бытует мнение, что авторство такого лозунга принадлежит Хрущеву и провозгласили его в середине 1950-х годов. «Лозунг «Догнать и перегнать» был из уст Хрущева в 1950-х не новым. Он звучал постоянно и относительно разных сфер экономики», — вспоминал впоследствии Мазуров (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 80). Это подтверждают и его послевоенные записи.

Из блокнота К.Т. Мазурова.

«Совещание ЦК ВЛКСМ, весна 1946 года» (НАРБ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 80)
«О лозунге «Догнать и перегнать», конспект выступления Михайлова. «Сталин поставил задачу ПЕРЕГНАТЬ капиталистические страны еще на XVIII съезде ВКП(б). Чтобы увеличить выплавку чугуна с 5 до 10 млн. тонн Германии нужно было 10, Америке — 15 лет, Англии — 36 лет, а СССР добился за четыре года. Примерно то же с углем, нефтью. Было объявлено соревнование имени Сталинской пятилетки. Послевоенная пятилетка ставит задачу восстановить республику, достигнуть довоенного уровня и превзойти его показатели по основным направлениям развития экономики».

СЕКРЕТАРЬ МИНСКОГО ГОРКОМА, ОБКОМА ПАРТИИ

С 1948 года Мазуров — секретарь Минского горкома, а затем обкома партии, куда входила и минская партийная организация. Круг вопросов, которые предстояло решать, значительно расширился — от работы с молодежью к реализации масштабных задач по созданию фактически с нуля экономики республики. Основные промышленные объекты, объекты жизнеобеспечения Белоруссии сосредоточены в столице. В первые послевоенные годы уже были заложены основы для их восстановления и строительства новых.

По репарациям из Германии в республику сразу же после окончания войны стало поступать трофейное промышленное оборудование, транспортные средства, сырье для производства готовой продукции. Решение о материальной ответственности Германии и союзных ей государств в отношении стран, подвергшихся нападению, и о возмещении причиненного им ущерба было принято в феврале 1945-го сначала на Ялтинской конференции, а затем в июле того же года на Потсдамской конференции союзников по антигитлеровской коалиции. По договору об изъятии репараций, то есть ресурсов на восстановление, на сумму 20 миллиардов долларов, для СССР предусматривалось 10 миллиардов, БССР — 1,5 миллиарда долларов.

Двумя годами позже, 8 февраля 1947 года, на совещании в Лондоне заместителей министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции, министр иностранных дел БССР Кузьма Киселев озвучил цифры ущерба, нанесенного БССР Германией. Он составил 75 млрд руб., или 15 млрд долл. США. Для сравнения: общие потери СССР — 128 млрд долл., Франции — 30 млрд, Голландии — 10 млрд.

Поставки в республику осуществлялись без сбоев и в оптимальные сроки. Этим Белоруссия во многом обязана генералу армии Михаилу Малинину, мужу председателя Верховного Совета БССР Надежды Грековой, который возглавлял в Германии штаб оккупационных войск и лично контролировал отправку выделенного трофейного оборудования. Первый секретарь ЦК компартии Белоруссии П.Пономаренко называл его в шутку «наш белорусский зять».

Только на Минский велозавод в декабре 1945 года всего за 2 недели прибыло 658 вагонов с оборудованием, до начала же 1947 года на 150 предприятий Минска было отправлено из Германии 5666 вагонов с оборудованием и техникой.

В 1945—1947 годах оборудование получили Минский автозавод, который уже в октябре 1947 года выпустил первую продукцию, строившийся тракторный завод, Минский радиозавод полностью оснастили станками и оборудованием немецких заводов «Сименс» и «Телефункен», велозавод, который в 1947 году также вступил в строй и выпустил более 6,5 тыс. велосипедов. А еще тонко-суконный комбинат, завод «Ударник», кондитерская фабрика «Коммунарка», областное управление связи, другие организации. В БССР из Германии полностью вывезли 182 промышленных предприятия.

В оптимальные сроки была организована работа по их возведению, монтажу и оснащению оборудованием. Мазурову предстояло организовать ритмичную работу и выйти на необходимые для республики объемы. До БССР доводились и планы поставок продукции для союзных нужд — автомобили, тракторы, велосипеды, радиопродукция.

Не хватало рабочих рук. До начала 1950-х годов проблему по-прежнему помогали решать военнопленные и интернированные из Германии, Венгрии, Австрии, Румынии и других стран. В 1946 году на промышленных и социальных объектах республики их работало 103 тысячи человек, в 1947—1948-м годах в одном только Минске — около 25 тысяч пленных. На строительстве тракторного завода было задействовано 4500 человек, автомобильного — 3700, на восстановлении театра оперы и балета — 1350, Академии наук — 800 человек. А восстанавливать или отстраивать заново нужно было такие важные и социально-значимые объекты как вокзал, аэропорт, здание Главпочтамта, Академии наук, театров, школ, больниц, жилых домов вдоль проспекта Сталина. Были и нестандартные решения по использованию строящихся объектов.

29 августа 1950 года ЦК КП(б)Б принял постановление «О ходе выполнения плана восстановления и развития городского хозяйства и благоустройства Минска в 1950 году». Как вспоминал архитектор Александр Петрович Воинов, член-корреспондент Академии архитектуры СССР, Национальной академии наук Беларуси, заслуженный деятель искусств: «План предусматривал интенсивное развитие Центрального района города, согласована каждая улица, дом. Озеленение — одна из главных задач восстановления Минска. Отдельный план развития улицы Советской» (БГАНТД. Ф. 68. Оп. 1. Д. 19. Л. 63). Казалось бы, изменить что-то невозможно.

Дом №12 по улице Козлова, «сталинка», и сегодня своим архитектурным решением украшает прилегающий к проспекту Независимости район. Он в числе первых новостроек возводился согласно принятому постановлению ЦК. Внизу планировалось открыть продовольственный магазин, уже были выполнены все проектные работы и учтены требования к торговому объекту — потолки шесть метров, окна во всю стену. «Так вот в разрушенном страшной войной городе, при разваленном народном хозяйстве среди чиновников находится смелая голова, принявшая решение отдать первый этаж жилого дома под творческие мастерские Союза художников Беларуси (два подъезда) и под Детскую библиотеку имени Янки Мавра (один подъезд). И старшее поколение указывает: «Эта светлая голова — Мазуров Кирилл Трофимович. Это он понимал, что «Не хлебом единым!» Это он в те труднейшие времена колбасе пред-

почел пищу духовную! Это он понимал, что, не построив мощной культуры, не построишь мощного государства! Вот уже, считай полвека, как я работаю в творческой мастерской», — с благодарностью уже в 2017 году вспоминал о решении Мазурова белорусский скульптор, лауреат Ленинской премии Валентин Павлович Занкович.

У Кирилла Трофимовича на контроле находились вопросы не только восстановления промышленности, но и сельского хозяйства. Его супруга Янина Станиславовна впоследствии вспоминала: *«Он и другие секретари обкома неделями не бывали дома. Вместе со своими товарищами Сургановым, Метелкиным, Паращенко, Шауро и другими почти все время проводил в колхозах, налаживая порядок в сельхозпроизводстве, в те годы в колхозах мало было трудоспособных людей, специалистов, а еще меньше тягловой силы»* (Из интервью Я.С. Мазуровой газете «Комсомольская правда» 25 января 1989 года).

Сам же Кирилл Трофимович в своих неоконченных воспоминаниях подчеркивал, что на тот период наиболее важными были три задачи. «Еще не все семьи, особенно на селе, удалось вывести из землянок в минимально благоустроенное жилье. Строительных организаций практически не было, как и элементарного — топоров, пил, кровли. В особом дефиците гвозди. Приходилось задействовать минские предприятия, которые выручали рабочими, материалами. Сами же колхозники строили дома «толокой», сообщая, всем миром».

Второй задачей было создание общественного поголовья скота. Не известно, какой была бы ситуация в Белоруссии, если бы не решение проблемы с репарационными коровами, как потом выяснилось, элитной черно-пестрой породы, если бы не мудрое решение руководства республики раздать их населению. В Белоруссии у жителей села после войны был скот.

Но особо важная проблема в те послевоенные годы — выпуск продукции оборонного значения. Как ни странно это звучит сегодня, основная задача в решении вопроса возлагалась на село. В стране на уровне ЦК КПСС объявили почин о повсеместном выращивании далеко не кукурузы, о чем мы хорошо знаем из истории, а... кок-сагыза, с жесткими планами заготовок, предусматривающими максимальный отвод сельхозугодий под эту культуру, с соцсоревнованием и передовиками производства. Вопрос на контроле Политбюро ЦК, дискуссии неуместны. Но вряд ли сегодня кто-то сможет хоть что-то вспомнить о массовом выращивании такой культуры в Белоруссии. Возникает вопрос: «Почему этот факт остался как-то не замеченным в нашей истории?» Дело в том, что она шла на нужды обороны, поэтому в сводках выращивания сельхозкультур растение-каучуконос не значилось. Все отчеты — под грифом или «Для служебного пользования», или «Секретно».

Синтетического каучука, так необходимого оборонке, в стране на то момент практически не было, обработка его технологического производства только начиналась. На поставки в СССР натурального каучука основные его производители в мире США и Англия наложили запрет. Страна же остро нуждалась в нем, поэтому за выполнение плана спрос был жесточайший.

Сложность заключалась в том, что культура капризная, растет только во влажной почве и при высокой ее температуре, а это вовсе не характерно для белорусских земель. Высаживать ее нужно только вручную. Подходящие условия для выращивания нашли в Минской области в трех районах — Руденском, Пуховичском и Червенском, где были заболоченные земли. Основная ответственность за производство кок-сагыза ложилась на Минскую область. Как вспоминал Кирилл Трофимович в своей неоконченной книге: *«Люди по колено стояли в грязи, сажая кок-сагыз, затем, все так же стоя по колено в грязи, пропалывали его. Культура была новой, и мороки хватало: и мелкие корешки, которые непросто выкапывать, и «летучие» верхки-семена как у одуванчиков. Поздней осенью кок-сагыз выдергивали, корни сушили, расфасовывали и отправляли на заводы. Из них вырабатывали каучук, имевший качества, близкие к натуральному. Его выращиванием занимались в основном женщины, за этот труд, который был на контроле у партийных органов и военных, хорошо платили и поощряли. Почетные звания, награды получил не один человек. Этот труд приравнивался к выполнению особого задания советского правительства».*

Чтобы понять, какое значение придавалось выращиванию этой культуры, достаточно полистать прессу конца 1940-х — начала 1950-х годов. О каучуконосе и каучуководов писали едва ли не в каждом номере, какие-то хозяйства хвалили, какие-то ругали, делились опытом. Из нее мы узнаем, что Бобруйский район в частности и Бобруйская область в целом были одними из республиканских лидеров в освоении кок-сагыза. Из январского номера областной Бобруйской газеты «Савецкая Радзіма» за 1949 год узнаем интересную статистику. В Бобруйском районе, например, колхозы засеяли кок-сагызом поля общей площадью 220 гектаров. В лидерах по площадям, отведенным под кок-сагыз, значились колхоз имени Пушкина Воротынского сельсовета — 26 гектаров, колхоз имени Ломоносова того же сельсовета и «Победа» Ковалевского сельского совета — по 20 га. Рекорд средней урожайности в 29,2 центнера каучуконосного корня с гектара был установлен в колхозе имени Калинина Осовского сельсовета. Список передовиков-каучуководов по итогам сезона возглавила звеньевая колхоза имени Калинина Осовского сельсовета Глаша Ходасевич — с поля площадью 2,7 га ей и ее звену удалось собрать по 42,8 центнера с гектара.

Та же областная Бобруйская газета «Савецкая Радзіма» за 22—23 января 1952 года, например, сообщала: «В Минске в театре Янки Купалы прошел республиканский слет молодых каучуководов. Открывавший его первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии Петр Машеров в своем докладе сообщил, что в 1951 году план по кок-сагызу был выполнен на 223,1%, а участники слета обязались поднять средний показатель — 40 центнеров с гектара — до 60—70 за пару лет». Минская область отмечалась в числе передовиков.

Вскоре культуру заменили производством синтетического каучука и о ней забыли и, как оказалось, только в СССР, и вовсе незаслуженно. Советский опыт быстро переняли все те же капиталисты, которые, как бы сейчас сказали, ввели в свое время санкции на поставку этой культуры в Советский Союз.

Канадцы стали активно выращивать культуру в начале 1950-х, кстати, продолжают выращивать и до сих пор. Насколько успешно? Есть сведения, что ведущие канадские каучуководы сотрудничают с такими компаниями, как «Good Year» и «Michelin». Кок-сагыз, который во многих странах называют не иначе как «русским одуванчиком», в настоящий момент выращивают более 20 стран, в том числе и в бывших советских республиках Средней Азии. Теорию о том, что новое — это хорошо забытое старое, еще никто не опроверг...

Но возвращение к мирной жизни в республике не проходило спокойно. Записки КГБ, МВД на имя высшего руководства Белоруссии в послевоенное пятилетие были тревожными. На ее территории активизировалась деятельность групп закордонной агентуры. Их цель — не только разведка, но и дестабилизация ситуации в регионе. Опасность заключалась в том, что враг менял стратегию, тактика же оставалась прежней — «излюбленным» местом для переброски иностранных агентов на территорию республики была Налибокская пуша. Они не навязчиво, но вполне успешно работали с населением, особенно с молодыми людьми, маскировались под активных членов комсомольских организаций, стремились проявить себя перспективными работниками.

В первые послевоенные месяцы обнаружить такие тенденции было сложно, лишь по прошествии нескольких лет удалось понять действия тех, кто не мог принять победу СССР в войне, возникновение ряда социалистических стран. Расширению их деятельности способствовали и внешние условия. В 1947 году в США было создано Центральное разведывательное управление — ЦРУ. В Западной Германии при поддержке США возрождалась немецкая разведка, больше известная как «Разведывательная служба Гелена». В 1949-м странами НАТО был образован объединенный разведорган альянса. Главным направлением его деятельности стала разведывательно-подрывная работа против СССР и стран соцлагеря. Приоритеты — военные вопросы, особенно после образования 1 марта 1946 года Белорусского военного округа, когда на территории республики начала создаваться первая оборонительная линия СССР на западных границах.

13 апреля 1949 года бюро ЦК КП(б)Б собралось на экстренное заседание. Поступила записка Министра госбезопасности БССР Л.Цанавы «О фактах проникновения в отдельные комсомольские организации Белоруссии чуждых элементов из числа участников профашистских националистических организаций» (Архив Совета Министров Республики Беларусь, Ф. 4п. Оп. 100. Д. 2). Информация тревожная. На территории республики все еще оставались бандформирования, всеми их действиями управляли извне. Это установлено достоверно. Реалии, в которых СССР должен противостоять внешним вызовам и угрозам, менялись. Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции становились опекунами тех, с кем еще недавно были по разные стороны баррикад.

Мазуров как секретарь ЦК комсомола республики в военный период отвечал за кадры, доверие к нему высочайшее, ситуацией по всем подпольным комсомольским организациям он владел отменно, многих подпольщиков, тех, кто осуществлял дерзкие и тайные операции в тылу врага, знал лично, знал и тех, кто маскировался в военное время под патриотов. Он мог опровергнуть

или подтвердить информацию в отношении лиц, которые у спецслужб вызывали сомнение, и чьи фамилии с завидной регулярностью в первые послевоенные годы появлялись среди заслуженных людей республики, ветеранов войны. На языке разведслужб это означало, что предпринимались попытки извне легализовать в республике залегшую на дно со времен войны иностранную агентуру.

Словно из небытия возвращались «герои» донесений и шифрограмм Мазурова военной поры, записок Берии на имя Сталина — члены банд Януша, Щербы, Нуркевича, люди из окружения руководителя легионеров во время войны хорунжего Ламинского, действовавшего в Островцеком, Молодечненском, Ивенецком и других районах (ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Д. 65. Л. 272).

Из записки Л.Берии на имя Сталина, Молотова, Антонова от 29 июля 1943 года. Совершенно секретно.

«На территории Польши и западных областей БССР существует националистическая контрреволюционная польская организация «Польская организация войскова» (ПОВ). Главный штаб ПОВ находится в гор. Варшаве. Штабу подчинены все руководящие центры округов и районов. Второй руководящий центр ПОВ находится в гор. Вильно. Варшавский центр непосредственно связан с военными кругами польского правительства». В числе прочих задач — борьбы против большевизма, уничтожения мирного населения, была и задача внедряться в разведывательных целях в партизанские отряды» (ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Д. 65. Л. 273).

Она перекликается с донесениями на имя Сталина 1946—1949 годов.

1946 год. 19 января. Сталину, Маленкову, Микояну, «Совершенно секретно». «О результатах борьбы с вооруженными националистическими формированиями в Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской, Эстонской ССР в период с 1 по 10 января 1946 года» (ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Д. 134. Л. 101—110). Такие записки направлялись ежеквартально вплоть до 1950 года.

В мирное время для агентуры ставилась задача легализоваться, внедриться в интересующие их организации, осуществлять сбор информации, агитацию против советской власти. Стояли задачи и физического устранения комсомольских и партийных работников.

Кирилл Трофимович присутствовал на всех закрытых совещаниях, где докладывались результаты по выявлению агентуры, особенно среди молодежи. Еще в марте 1947 года Постановлением Верховного Совета БССР «Об избрании Президиума Верховного Совета БССР» Мазуров вводится в члены Президиума (НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 61. Л. 3—4). Сохранилось и обязательство Кирилла Трофимовича «хранить в секрете государственные тайны и сведения о ЦК КП(б)Б» с личной подписью на печатном бланке (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 159. Д. 3759. Л. 10).

6 декабря 1949-го года на заседании бюро ЦК КП(б)Б на основе доклада Л.Цанавы было принято постановление «Об ошибках в работе Военного трибунала войск МВД Белорусского округа» (Архив Совета Министров Республи-

ки Беларусь. Ф. 4п. Оп. 100. Д. 2). Оно подводило черту под сложнейшим этапом борьбы с бандформированиями на территории республики.

Но противостояние не прекращалось. Территория Белоруссии, где к концу 1940-х годов дислоцировались дивизии с новейшими видами вооружения, стратегическая авиация дальнего действия становилась регионом, весьма привлекательным для западных спецслужб. Для белорусских же наступал сложный период по выявлению иностранных агентов. Их деятельность становилась более изощренной, а подготовка более совершенной. Основным местом их дислокации, базой оставалась Налибокская пуща. МГБ БССР располагало информацией о том, что США по-прежнему делали ставку на лиц, ранее сотрудничавших с оккупантами, на участников националистического подполья, активно вербовали репатриантов. Главный объект — по-прежнему молодежь.

Две уникальные операции белорусских чекистов: «Черный кот» и разоблачение заброшенных четырех агентов американских спецслужб, уроженцев Белоруссии, на территорию Налибокской пущи, были успешно проведены в послевоенное десятилетие. Совместно со спецслужбами республики и СССР партийными, комсомольскими организациями велась работа по пресечению попыток дестабилизировать ситуацию в стране в целом, организовать антисоветское белорусское повстанческое движение в послевоенный период. Чем это грозило Белоруссии, если бы не профессиональные действия белорусских спецслужб, ЦК партии и комсомола догадаться несложно.

ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРНОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Первая послевоенная пятилетка в республике завершилась с неплохими показателями. Свою определенную роль сыграл и лозунг: «Догнать и перегнать». Если в 1945 году экономика республики находилась в тяжелейшем состоянии, ее промышленность производила только 20% довоенного объема, то к концу 1950 года выпуск промышленной продукции превысил довоенный уровень на 15%, причем в Западных областях Беларуси почти в 2 раза. Ведущей отраслью становилось машиностроение. В том же 1950 году автозавод дал народному хозяйству около 2,5 тысяч автомобилей, велосипедный выпустил 70 тысяч велосипедов, тракторный — первые 36 машин. Увеличились произ-

водство строительных материалов, выработка электроэнергии, объем которой превысил довоенный уровень на 47%.

Важным показателем стало увеличение численности рабочих и служащих в республике, оно составило 1038 тысяч против 610 тысяч сразу после войны. Насколько важным был этот показатель, подтверждает сложившаяся ситуация в послевоенные годы. С сентября 1945 года началась поэтапная репатриация военнопленных из Беларуси сначала из числа больных и нетрудоспособных. В соответствии с постановлением Совета Министров «О порядке репатриации военнопленных немцев» от 13 февраля 1947 года начиналась массовая отправка пленных на родину, а значит отток рабочей силы (ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Д. 168. Л. 330—331). Официально она закончилась в 1950 году. 5 мая ТАСС сообщил, что «всего отпущено домой 1 939 063 пленных». То есть количество тех, кто был занят на восстановлении республики, поэтапно снижалось. Все работы велись в условиях значительной нехватки трудоспособного населения.

Забегая вперед, следует отметить, что последние пленные вернулись на родину осенью 1955 года. Большую роль в деле их досрочного освобождения сыграли некоторые немецкие общественные организации, лично федеральный канцлер Конрад Аденауэр, уговоривший тогдашнего первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева пойти на такой гуманный шаг. Это сыграло свою положительную роль в принятии решений и в отношении собственных граждан, находившихся в период войны в плену. Люди, прошедшие войну, не по своей воле попавшие в фашистские лагеря смерти, жили с клеймом изменников родины. 29 июня 1956 года вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших советских военнопленных и членов их семей». В нем осуждалась «практика огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника». В СССР же еще оставалось 13,5 тысяч военнопленных, осужденных за военные преступления. Специальные комиссии проводили работу по выявлению в лагерях организаторов и непосредственных исполнителей злодеяний на оккупированных территориях. В результате только в Беларуси к уголовной ответственности было привлечено почти 4 тысячи человек.

На фоне успехов в восстановлении народного хозяйства республики, за годы первой послевоенной пятилетки достигнуть довоенного уровня численности трудоспособного населения так и не удалось, он составлял немногим более 80%. Причем, основная масса — 346 тысяч — работала в промышленности, тогда как в сельском хозяйстве — 66 тысяч, то есть кормить республику приходилось очень скромными силами. Для сравнения, в сфере торговли работало 90 тысяч человек. И это оставалось большой проблемой для республики.

Кирилл Трофимович не раз в своих воспоминаниях, интервью описывал драматичность ситуации в послевоенный период: *«За годы оккупации пришли в негодность и запустение сотни тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий, резко сократилось поголовье скота, сотни тысяч сельчан погибли, многие были угнаны в Германию. В 1944—1945 гг. более 80 тысяч лиц гражданского населения и 180 тысяч партизан было мобилизовано в армию. В результате*

в сельском хозяйстве работали практически только женщины, подростки и старики. К весеннему севу 1946 г. не хватало семян, минеральных удобрений, инвентаря и машин. Из-за нехватки лошадей и тракторов в качестве тягловой силы использовались коровы. В плуг запрягались даже люди, по 3—4 женщины, дети» (Личный архив К.Т. Мазурова. Неопубликованные воспоминания. Л. 28)

Читая их, понимаешь, что удалось сделать для сельского хозяйства за первую послевоенную пятилетку, понимаешь, что стояло за, казалось бы, обычной фразой Янины Станиславовны Мазуровой, которая в своем интервью газете «Комсомольская правда» от 25 января 1989 года вспоминала, как работал Кирилл Трофимович, его товарищи, руководство республики, неделями не бывая дома и на местах решая зачастую неразрешимые проблемы. Результат — только за три послевоенных года колхозы получили 160 тысяч тонн зерна, 122 тысячи лошадей, 113 тысяч голов крупного рогатого скота. В 1948 году в соответствии с постановлением Совета Министров СССР «О мерах помощи сельскому хозяйству Белоруссии» колхозы и совхозы республики получили 3 тысячи тракторов, 200 комбайнов, 2 тысячи тракторных плугов. По современным меркам цифры более чем скромные, но для села это была серьезная поддержка. Стать трактористом, комбайнером, которому доверили новую машину, в то время было особо почетно. Борьба за такое право разворачивалась нешуточная. Доказать его нужно было в ходе повсеместно развернувшегося соцсоревнования, различного рода поединков.

При всех сложностях возрождения республики в первую послевоенную пятилетку была заложена основа для ее развития на принципиально новой основе и с принципиально новыми задачами — предстояло запустить современные виды производств, начать разработку предполагаемых месторождений полезных ископаемых, подготовку кадров специалистов. Задачи более чем сложные и масштабные.

Для Минска же в 1950-м возникла еще одна серьезная проблема — отголосок принятых решений в отношении столицы после ее освобождения от фашистов. Владимир Адамович Король, народный архитектор СССР, бывший председатель Госстроя БССР, вспоминал: «Численность рассчитывалась в пределах 450 — 500 тысяч человек. И это было ошибкой, от которой страдало развитие города. Кириллу Трофимовичу Мазурову пришлось пересчитывать, доказывать, что это не так. В 1951—1952 гг. возникла необходимость корректировки плана. В январе 1952 года был утвержден откорректированный Генеральный план» (БГАНТД. Ф. 51. Оп. 2. Д. 1. Л. 4). Можно только представить, сколько усилий потребовалось Мазурову, чтобы доказать необходимость пересмотра уже принятого решения в отношении развития города, преодолеть все бюрократические препоны очень консервативной управленческой системы в СССР.

Республика вступала во вторую послевоенную пятилетку с новыми планами и надеждами. Тогда никто и предположить не мог, что в стране, которая, наконец, стала оправляться от войны, начинался новый виток репрессий. То, что происходит что-то не то, Кирилл Трофимович, его товарищи понимали и раньше. Много лет спустя он так вспоминал это время: «В те годы (послевоенные)

настроение у всех моих коллег было тревожное, потому что в любой момент могли нагрянуть проверяющие. В ЦК тогда был не оргпартотдел, а управление по проверке партийных органов. Я помню, еще работал в комсомоле, приезжал к нам Задионченко, инспектор ЦК. В центре тогда почему-то были настроения против тогдашнего первого секретаря ЦК Пономаренко, что был у нас всю войну начальником штаба партизанского движения. Идет проверка и вдруг меня вызывают к инспектору. Пришел и слышу вопрос, готов ли я давать показания на Пономаренко? Я ответил: у меня никаких показаний на него нет, могу только рассказать, как он помогает комсомолу. 47 год...» (Из интервью газете «Советская Россия» 19 февраля 1989 года).

К концу первой послевоенной пятилетки, казалось, громкие послевоенные процессы ушли в прошлое, авиационное дело, трофейное, шельмование маршала Победы Георгия Жукова и его «почетная ссылка» в Одесский военный округ, фактически изгнание. Но пик репрессий пришелся на 1952 год.

«Обстановка и подозрительности, и тревоги, и неуверенности прочно сложилась в парторганах. Пошли все эти процессы: ленинградское дело, борьба с космополитизмом и так далее. Сейчас вы зададите вопрос: «Было ли понимание, что происходит?» Нет, не было. Только чувствовалось — что-то не то. Война закончилась, а тут внутри страны одно за другим наматывается» (Из интервью газете «Советская Россия» 19 февраля 1989 года).

О том, что творилось в республике в период нового витка репрессий, красноречиво свидетельствует дошедший до нас факт. Как-то утром в конце 1951 года Кузьма Киселев, министр иностранных дел БССР, пришел на работу — а там одни уборщицы и машинистки. Всех остальных сотрудников арестовали ночью. На вопрос: «За что?», последовал ответ в духе времени — израильские, американские или еще какие-то шпионы... Что произошло потом, рассказал уже сын Киселева — Василий Кузьмич. *«Долго не думая, Кузьма Венедиктович купил билет и поехал в Москву. Жену предупредил, что уезжает на несколько дней, однако не объяснил, куда и зачем. В Москве Киселев с таксофона позвонил Поскребышеву, секретарю Сталина, и попросил, чтобы его приняли по личному вопросу. Секретарь сказал ему идти в гостиницу «Метрополь», где ему уже забронировали номер, и ждать, пока позвонят. Выходить куда-либо из номера было нельзя. Киселев ждал день, а поздним вечером ему позвонили и отвезли в Кремль. Ему дали 15 минут на разговор.*

Киселев зашел, и Сталин сразу спросил: «Что там у вас, Кузьма Венедиктович случилось? Что заставило прийти по личному вопросу?» Киселев рассказал, что его сотрудников арестовали и добавил: «Я не говорю, что органы неправильно арестовали, что они ошиблись. Но их могли ввести в заблуждение. Это честные люди, верные коммунисты. Все до одного — фронтовики. Поэтому я вас прошу разобраться. И как-то решить этот вопрос положительно». Сталин походил по кабинету и сказал: «Мы к вам никаких претензий не имеем. Поезжайте в Минск, набирайте новых сотрудников. Вам помогут с их отбором. И работайте, мы вам верим».

Киселев подошел к двери, остановился, повернулся и добавил: «Товарищ Сталин, я за этих людей ручаюсь. Это честные люди. Иначе они погибнут». Сталин снова походил и ответил: «Если ты за них ручаешься, то садись за стол и пиши заявление на мое имя, что ты ручаешься, и список, за кого. Хочешь — пиши, если нет — езжай в Минск». Киселев написал заявление, в котором перечислил всех своих сотрудников. Ему дали билет до Минска, он вернулся домой. Когда на следующее утро он пришел на работу, все его сотрудники были на местах» (Интервью из фильма «ЮНЕСКО. Белорусский список»).

Как показали последующие события, руководство Белоруссии всегда отличалось принципиальностью, фронтовики, они имели свое мнение и могли его отстаивать. Но, к сожалению, заступиться за всех было невозможно. Обескровленная войной республика из-за нового витка репрессий потеряла еще более 60 тысяч человек.

Сегодня совершенно невероятным выглядит кулацкий вопрос в Белоруссии в начале 1950-х годов. После кровопролитной войны в разоренной республике шел процесс выявления крестьянских хозяйств, где была скотина, птица, какие-то орудия труда для сельхозработ. Таких окрестили советскими кулаками, а людей, оказывается, продолжали высылать в отдаленные районы Советского Союза, репрессии на селе набирали обороты (Архив Совета Министров Республики Беларусь. Д. №6. Инв. №А350. Сов. Секретно. Т 8. Начато 7 апреля 1952 года, окончено 12 апреля 1952 года). Согласно постановлению №436 от 7 апреля 1952 года Совета Министров БССР из Полоцкой области выселена 131 семья — районы Миорский, Докшицкий, Глубокский, Шарковщина. К кулацкому отнесено хозяйство, где было 7,3 га земли, 1 лошадь, 1 корова, 8 голов мелкого скота, молотылка.

Читаешь и не понимаешь, как такое вообще могло быть: по Молодечненской области выселено 232 семьи, где было по 8—10 детей, Гродненской — 388. То есть репрессивная машина продолжала работать, несмотря на огромные потери во время Великой Отечественной войны. Люди, наученные печальным опытом репрессий, убегали, прятались семьями. Согласно тем же документам, по Полоцкой области сбежали 32 семьи, или 96 человек, по Молодечненской — 57 семей.

Массовое выселение населения, то есть «врагов народа», в послевоенный период было проведено в два этапа. Первый со 2 июня по 2 августа 1951 года, когда в Иркутскую область вывезли 1024 семьи, или около 4 тысяч человек, а имущество конфисковали. Второй — в апреле 1952 года в соответствии с постановлением Совета Министров БССР №436 от 7 апреля 1952 года. На спецпоселение по этапу направили 1065 семей общей численностью 5000 человек (РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 20. Л. 113—114).

Это не могло не сказаться на настроениях людей. В Национальном архиве Республики Беларусь удалось найти на первый взгляд вполне характерный для того времени документ: «Стенограмма III-го Пленума ЦК КПБ за 27—29 января 1953 года «О работе Минской городской партийной организации по изучению решений XIX съезда КПСС и трудов И.В. Сталина «Экономические

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке